

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2026 ■ $\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 45 ■ № 1

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2026

$\frac{\text{Том}}{\text{Vol.}}$ 45

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

12+

Кантовский сборник. — 2026. — Т. 45, №1. — 130 с.

Kantian Journal, 2026, vol. 45, no. 1, 130 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Издание зарегистрировано в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-65775 от 20 мая 2016 г.

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14)

Established by

Immanuel Kant Baltic Federal University
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia)

Адрес редакции:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial office address:

6 Gaidara st., Kaliningrad, 236001, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

Адрес издателя:

236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Адрес типографии:

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Дата выхода в свет: 31.07.2026

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2026

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2026

Редакционная коллегия

Дмитриева Нина Анатольевна, доктор философских наук, доцент, профессор,
Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия) — главный редактор;
Чалый Вадим Александрович, доктор философских наук, доцент, профессор, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия) — заместитель главного редактора;
Бажанов Валентин Александрович, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск (Россия);
Байзер Фредерик С., доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет, Сиракьюс (США);
Белов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия);
Васильев Вадим Валерьевич, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия);
Вуд Аллен, доктор философии, профессор, Индианский университет, Блумингтон (США);
Дёрфлингер Бернд, доктор философии, профессор, Трирский университет, Трир (Германия);
Загирняк Михаил Юрьевич, д-р филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Зильбер Андрей Сергеевич, кандидат философских наук, Тюменский государственный университет, Тюмень (Россия) — ответственный секретарь;
Кляйнгельд Паулин, доктор философии, профессор, Гронингский университет, Гронинген (Нидерланды);
Копцев Иван Демьянович, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия);
Круглов Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва (Россия);
Крыштон Людмила Эдуардовна, д-р филос. наук, доц., проф., Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва (Россия);
Мер Рудольф, доктор философии, Грацский университет им. Карла и Франца, Грац (Австрия);
Пушкарский Анатолий Геннадьевич, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград (Россия) — ответственный секретарь;
Разеев Данил Николаевич, доктор философских наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия);
Румянцева Татьяна Герардовна, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет, Минск (Белоруссия);
Соболева Майя Евгеньевна, доктор философских наук, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия);
Сорина Галина Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва (Россия);
Судаков Андрей Константинович, д-р филос. наук, Институт философии Российской академии наук, Москва (Россия);
Тиммерман Йенс, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский Университет, Сент Эндрюс (Великобритания);
Уоткинс Эрик, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего (США);
Чернов Сергей Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург (Россия);
Штарк Вернер, доктор философии, профессор, Марбургский университет им. Филиппа, Марбург (Германия)

Editorial board

Prof. Nina A. Dmitrieva, Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia) — Editor-in-chief;
Prof. Vadim A. Chaly, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
Prof. Valentin A. Bazhanov, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk (Russia);
Prof. Frederick C. Beiser, Syracuse University, Syracuse (USA);
Prof. Vladimir N. Belov, RUDN University, Moscow (Russia);
Prof. Sergey A. Chernov, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg (Russia);
Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);
Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);
Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Prof. Alexey N. Krouglov, Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia);
Prof. Ludmila E. Kryshpton, RUDN University, Moscow (Russia);
Dr Rudolf Meer, University of Graz (Austria);
Anatoly G. Pushkarsky, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia) — Executive Secretary;
Prof. Danil N. Razeev, Saint Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);
Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University, Minsk (Belarus);
Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);
Prof. Galina V. Sorina, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Werner Stark, University of Marburg (Germany);
Prof. Andrei K. Sudakov, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);
Prof. Jens Timmermann, University of St Andrews (UK);
Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia);
Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);
Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);
Prof. Mikhail Yu. Zagirnyak, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad (Russia);
Dr Andrei S. Zilber, University of Tyumen, Tyumen (Russia) — Executive Secretary

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

Чалый В. А., Козлова Д. А., Жуков Д. П. Смысл и функции понятия антагонизма в философии Канта	7
---	---

Кант: pro et contra

Фикара Э. Формальная и философская логика у Канта и Гегеля	40
Корнилаев Л. Ю. Дискуссии о субъективности / объективности пространства и времени у Канта: основные подходы.....	59
Бажанов В. А. Эхо идей И. Канта в контексте современных когнитивных исследований.....	78

Неокантианство

Зильбер А. С. Правовые ориентиры государственных реформ: кантовские мотивы в философии С. И. Гессена	97
--	----

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

- Chaly V. A., Kozlova D. A. and Zhukov D. P.* The Meaning and Function of the Concept of Antagonism in Kant's Philosophy..... 7

Kant: pro et contra

- Ficara E.* Formal Logic and Philosophical Logic in Kant and Hegel..... 40
- Kornilaeв L. Yu.* Discussions on Subjectivity / Objectivity of Space and Time According to Kant: Main Approaches..... 59
- Bazhanov V. A.* Echoes of Kant's Ideas in Modern Cognitive Research..... 78

Neo-Kantianism

- Zilber A. S.* Legal Aspects of State Reform: Kantian Motives in the Philosophy of Sergey Hessen..... 97

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Sigla index see here: http://www.kant-gesellschaft.de/de/ks/Hinweise_Autoren_2018.pdf (pp. 3-6). References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

УДК 1(091)

СМЫСЛ И ФУНКЦИИ ПОНЯТИЯ АНТАГОНИЗМА В ФИЛОСОФИИ КАНТА

В. А. Чалый¹, Д. А. Козлова¹, Д. П. Жуков¹

Антагонизм представлен в статье как одна из ключевых категорий философии Канта. Выявлено становление смысла понятия в докритических работах Канта по натурфилософии под влиянием Ньютона. Кант преодолевает статический и провиденциальный механицизм Ньютона своей концепцией динамического развития вселенной из естественных причин. Монистическому и гармоническому видению предшествовавших метафизических (лейбницеанских) и «математических» (ньютонианских) доктрин он противопоставляет плюралистическое и антагонистическое, единственной силе притяжения — дуализм сил притяжения и отталкивания. Результатом становится специфическое кантовское понятие естественной истории как развития вселенной во взаимодействии противоположностей, где человеческая история выступает расширением естественной. Физические результаты Кант обобщил в разработке метафизического различия между логической и реальной противоположностями. Обоснование роли отталкивания и притяжения как необходимых понятий в мышлении о материи предложено в «Метафизических началах естествознания». Утверждается, что это развитие составило глубокую основу для появления широко известной концепции «необщительной общительности» в кантовской критической философии истории и политики. Показано, что это понятие является частным преломлением общего антагонистического миропонимания и не может считаться, как в основном принято в существующей литературе, несущественным и ма-

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. Поступила в редакцию: 07.11.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-1

THE MEANING AND FUNCTION OF THE CONCEPT OF ANTAGONISM IN KANT'S PHILOSOPHY

V. A. Chaly,¹ D. A. Kozlova,¹ D. P. Zhukov¹

Antagonism, although often neglected, is one of the key categories of Kant's philosophy. Its formation in Kant's pre-critical works on natural philosophy owes much to the influence of Newton. Kant overcomes Newton's static and providential mechanicism with his concept of dynamic development of the universe out of natural causes. He challenges the monistic and harmonious view of preceding metaphysical (Leibnizian) and "mathematical" (Newtonian) doctrines with a pluralistic and antagonistic one, the sole force of gravitation with the dualism of attraction and repulsion. The result is the characteristic Kantian concept of natural history as the development of the universe through the interaction of opposites whereby human history is an extension of natural history. Kant generalised the physical results by elaborating a metaphysical distinction between logical and real opposites. The role of repulsion and attraction as necessary concepts in the consideration of matter is grounded in the Metaphysical Foundations of Natural Science. This development was the underlying foundation of the widely known concept of "unsociable sociability" in Kant's critical philosophy of history and politics.

This concept is arguably a particular case of the general antagonistic worldview and it cannot be dismissed (as does much of the current literature) as a

¹ Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
Received: 07.11.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-1

лозначимым добавлением к кантовскому политическому рационализму и идеализму.

Ключевые слова: антагонизм, притяжение и отталкивание, «реальная противоположность», «необщительная общительность», конфликт, спор, вражда, война, мир, Ньютон

Введение

Конфликты, споры, войны имеют причины в глубинах человеческой природы и являются неустранимой частью общественных отношений. Относительная стабильность и отсутствие в последние десятилетия крупномасштабных войн, начавшие казаться естественной нормой, привели к забвению базового обстоятельства антагонизма. Это придает актуальность обращению к классическим философским доктринам, предлагающим осмысление феномена антагонизма и искусства управления им.

Философия Канта заслуживает особого внимания. С одной стороны, в ней находят опору некоторые сильные версии современного универсализма и морально-политического рационализма или идеализма, претендующие на преодоление человеческой конфликтности. Существа, наделенные, согласно Канту и современным универсалистам, сходным, одинаковым или даже одним и тем же разумом или рациональностью, кажется, обречены на согласие, стоит им подняться над случайными частностями своих положений за «занавес неведения» (Дж. Ролз) или в публичное пространство (Ю. Хабермас). При таком взгляде правила, на которых основан порядок, а также их интерпретации внутренне присущи самому разуму либо являются его необходимым конструктом, и дело состоит лишь в том, чтобы осознать их самостоятельно или при помощи более просвещенных наставников и исполниться решимости им свободно следовать. Если и как только в некоторый исторический момент мы приходим к убеждению, что правила выявляе-

minor and insignificant addition to the Kantian political rationalism and idealism.

Keywords: antagonism, attraction and repulsion, “real opposition”, “unsociable sociability”, conflict, discord, enmity, war, peace, Newton

Introduction

Conflicts, discord and wars have deep roots in human nature and are part and parcel of social relations. The relative stability and absence in the past decades of large-scale wars, which came to be taken for granted, made people oblivious to this basic circumstance. This lends added relevance to the classical philosophical doctrines expounding the phenomenon of antagonism and the art of managing it. Kant's philosophy merits particular attention. On the one hand, it forms the basis of some strong versions of modern universalism and moral-political rationalism or idealism which claim to overcome human conflict-tendencies. Creatures endowed, according to Kant and modern universalists, with similar, identical or even the same reason or rationality, seem predetermined to be in agreement if only they rise above the contingent details of their situations, look from behind “the veil of ignorance” (John Rawls) or enter “the public space” (Jürgen Habermas). On this view, the rules on which order and their interpretation is based are inherent in reason or are its necessary constructs, so that it merely remains to become conscious of them independently or under the guidance of enlightened mentors and to follow the rules. If and when at some historical juncture we come to the conclusion that the rules have been fully revealed or constructed and a solid enough coalition or an epistemic community of unbiased rationality has been formed around

ны или сконструированы в полноте и по поводу их интерпретации сформировалась достаточно прочная коалиция или эпистемическое сообщество непредвзятой рациональности, а несогласные лишь недостаточно понятливы и предвзяты, то «вечный мир» или «конец истории» начинает казаться не регулятивной идеей, но достижимой реальностью, приближение которой можно и нужно ускорить не только из соображений полезности, но и из требований морального долга — и не только убеждением, но и принуждением. Так в общих чертах используется философия Канта в различных либеральных программах: теории демократического мира (М. Дойл, Б. Рассетт и др.), либеральном интернационализме (Дж. Айкенберри и др.), неолиберальном институционализме (Р. Кохейн и др.). Так же ее понимают и используют оппоненты современных кантианцев (Р. Каган и др.).

Вместе с тем философия Канта имеет и другую сторону, в основном забытую в современных дискуссиях, хотя явную в кантовских текстах. Для комплексного выражения смысла этой стороны Кант использует понятие антагонизма. Слово «антагонизм» — *Antagonism / Antagonismus*, различающиеся только формой написания, но не по смыслу, — и его производные встречаются в двадцати девяти томах кантовского академического собрания сочинений около трех десятков раз. Для сравнения, слово «разум» (*Vernunft*) и его производные используются около пяти тысяч раз. С сугубо количественной точки зрения может показаться, что понятие антагонизма в мысли Канта не играет существенной роли. Однако, как мы утверждаем, его смысл фундаментален и оно выполняет основополагающую функцию в объединении разделов кантовской философии как диахронически, от докритического к критическому и посткритическому периодам, так и синхронически для метафизики, логики, учения о природе, антропологии, философии истории и политики, этики и философии религии.

their interpretation (and those who disagree do so from a crude or biased standpoint) then “perpetual peace” or “the end of history” come to be perceived. This is seen not as a regulatory ideal but as an attainable goal. Its achievement can and must be expedited not only out of considerations of utility, but also out of a sense of moral duty. It is the bidding of moral duty. This is achieved not only by persuasion but also by coercion. This is basically how Kant’s philosophy is used by various liberal programmes: the theories of a democratic world (Michael Doyle, Bruce Russett and others), liberal internationalism (John Ikenberry and others) and neoliberal institutionalism (Robert Keohane and others). The opponents of modern Kantians understand and use it in a similar way (Robert Kagan and others).

At the same time there is another side to Kant’s philosophy, largely neglected yet clearly present in his texts. It centres around the concept of antagonism. *Antagonism / Antagonismus*, words differing only in spelling but not in meaning, occur in Kant’s twenty-nine volumes about thirty times. For the sake of comparison, the word for “reason” (*Vernunft*) and its derivatives occur about five thousand times. Numerically, it may seem that the concept of antagonism does not play a significant role in Kant’s thought. And yet we maintain that its role is fundamental, performing as it does the function of linking the departments of the Kantian philosophy diachronically from the pre-critical to the critical and post-critical periods, and synchronically to metaphysics, logic, natural science, anthropology, philosophy of history and politics, ethics and the philosophy of religion.

This article attempts a comprehensive description of the meanings and functions of the Kantian concept of antagonism and

Цель нашей статьи — предложить комплексное описание смыслов и функций кантовского понятия антагонизма, а также обосновать его центральное положение в кантовской философии. Мы подходим к задаче определения смысла и функций через анализ истории развития кантовских взглядов на антагонизм от ранних работ до работ по философии истории 1780-х гг., где это понятие получает наиболее явное и обсуждаемое в современной литературе определение. Основной и непосредственный результат нашего исследования относится к философии политики и, в частности, международных отношений, где интерпретации Канта особенно избирательно акцентируют рационально-идеалистическую сторону его философии в ущерб внерационально-реалистической.

1. Состояние исследований

В современных кантовских исследованиях антагонизм отождествляется с «необщительной общительностью» и интерпретируется как временное, случайное препятствие на историческом пути к гегемонии разума. Исключение составляет книга Г. Сименса (Siemens, 2024), содержащая попытку дать многостороннюю интерпретацию кантовского антагонизма, однако это исследование построено на сопоставлении Канта и Ницше и исходит из ницшеанской, а не из кантианской перспективы. Существуют исследования логического противоречия и реальной противоположности в постмарксистских дискуссиях вокруг концепции «агональной демократии» Ш. Муфф и Э. Лакло (Laclau, Mouffe, 2001), однако в них Кант, его видение и контекст не занимают существенного места. Еще одна релевантная современная дискуссия посвящена кантовской метафизике природы, в которой важны силы притяжения и отталкивания (Friedman, 1992; 2013; Howard, 2021; Kant..., 2001; Stan, 2025; Warren, 2010; Watkins, 2013 и др.), однако она также не касается

makes a case for its central position in Kant's philosophy. We approach the task of defining the meaning and functions through the analysis of the evolution of Kant's views on antagonism from his early works to the works on the history of philosophy in the 1780s. These give a more explicit definition, the one that is discussed in the modern literature. The main and most immediate result of our study has to do with the philosophy of politics, in particular of international relations where Kant interpretations selectively stress the rational-idealistic side of his philosophy at the expense of the non-rational realistic side.

1. Current State of Studies

Modern Kant scholarship identifies antagonism with “unsociable sociability”, interpreting it as a temporary and accidental obstacle on the historical path towards hegemony of reason. An exception is the book by Herman Siemens (2024) who attempts to look at Kantian antagonism from many sides but compares Kant and Nietzsche, proceeding from a Nietzschean and not a Kantian perspective. There are also studies of logical contradiction and real opposition in post-Marxist discussions around the concept of “agonistic democracy” (Laclau and Mouffe, 2001), but Kant's vision and context are not central there. Another relevant modern discussion is devoted to the Kantian metaphysics of nature in which the forces of attraction and repulsion are important (Friedman, 1992; 2013; Howard, 2021; Stan, 2025; Warren, 2010; Watkins, 2001; 2013 etc.), but it, too, does not cover the other aspects and general meaning of antagonism.

Let us take a closer look at some notable interpretations of “unsociable sociability” as antagonism in the political-philosophical

вопроса о других аспектах и общем значении антагонизма.

Рассмотрим подробнее основные интерпретации «необщительной общительности» как антагонизма в политико-философской кантианской литературе. Собственно понятие антагонизма рассматривается лишь в нескольких работах. Г. Уильямс в книге «Политическая философия Канта» предлагает краткий историко-философский анализ генезиса этого понятия у Канта (Williams, 1983, p. 7–10), однако впоследствии заключает, что оно преодолевается тем, что Уильямс называет кантовской доктриной «исторического оптимизма», то есть уверенностью в благоприятном для человечества исходе истории (Williams, 1992). В коллективной монографии «Политическая теория Канта», связывающей философию Канта и современную политологию, есть раздел, посвященный «необщительной общительности», однако сводящий это явление к области отношений между индивидами (Ferguson, 2012). В монументальном «Kant-Lexikon» (Kant-Lexikon, 2015), насчитывающем 2395 статей, статьи об антагонизме нет, хотя есть статьи «Необщительная общительность», «Война», «Противоположность, логическая и реальная», «Спор». Краткая статья об антагонизме, состоящая из двух главных определений антагонизма у Канта, обнаруживается в сравнительно небольшом «Kant-Lexikon» Р. Айслера (Eisler, 1930). Х. Эстеves в формате статьи рассматривает проблему метафизического антагонизма природы и свободы в кантовской философии, не соотнося ее с этическим, социальным и политическим уровнями и не проводя анализа самого понятия, которое встречается только в заглавии (Esteves, 2018).

Доминирующий в современном кантианстве рационалистический взгляд представляет А. Вуд, утверждая, что согласно «сознательному и коллективному» плану разума естественный антагонизм между людьми «будет по-

Kantian literature. The concept of antagonism proper is the subject only of a few works. Howard Williams (1983, pp. 7-10) in his book, *Kant's Political Philosophy*, gives a historical-philosophical overview of the genesis of Kant's concept of antagonism, but later states that it is overshadowed by what Williams (1992) calls the Kantian doctrine of "historical optimism," i.e. the confidence that things will work out favourably for humankind. The collective monograph *Kant's Political Theory* which links Kant's philosophy and modern political science has a chapter devoted to "unsociable sociability" but reduces this phenomenon to the domain of relations between individuals (Ferguson, 2012). The monumental *Kant-Lexikon*, which has 2395 entries, does not include an entry on antagonism although it has entries on "Unsociable Sociability", "War", "Opposition: Logical and Real", and "Dispute" (Willaschek et al., 2015). The comparatively small *Kant-Lexikon* of Rudolf Eisler (1930) has a short entry on antagonism containing Kant's two main definitions of antagonism. Julio Esteves (2018) examines in an article the problem of metaphysical antagonism between nature and freedom in Kantian philosophy without relating it to the ethical, social and political levels and analysing the concept that only appears in the title.

The rationalist view that prevails in modern Kantianism is represented by Allen W. Wood (1991, p. 343) who believes that according to "a conscious and collective plan" of reason the natural antagonism between people "will gradually be overcome, vanquished by reason's free concord". The well-known Kantian philosopher of law, Arthur Ripstein (2021, p. 228) asserts the same with regard to relations between nations: "An international legal order replaces the private-legal concept

степенно преодолен, побежден свободным согласием разума» (Wood, 1991, p. 343). Известный кантианский философ права А. Рипстин утверждает то же самое в отношении народов: международный правовой порядок заменяет «антагонизм, соответствующий внешней свободе, благодаря которой каждый может сохранить то, что ему принадлежит, но не способ его приобретения», «рациональной идеей мирного, пусть и не дружелюбного, всеобъемлющего сообщества всех наций на земле», что позволяет разрешать споры «цивилизованным образом, как если бы это был судебный процесс, а не способом варварским» (Ripstein, 2021, p. 228). В отечественной литературе кантианские философские основания теории международных отношений рассматривают Е. Ю. Винокуров (Винокуров, 2001), А. Н. Саликов (Саликов, 2013), А. Е. Кутейников и В. А. Чалый (Кутейников, Чалый, 2013). Проблему интерпретации идей Канта в ситуации войны и о войне исследуют Н. А. Дмитриева (Дмитриева, 2014) и А. Н. Круглов (Круглов, 2020а; 2020б). Однако антагонизм в данных работах специально не рассматривается. В целом анализ состояния кантианских исследований показывает преобладание универалистско-рационалистической позиции, для которой «необщительная общительность» является если не единственным, то главным аспектом антагонизма и либо преодолевается разумом, либо вовсе «оказывается тем способом, которым проявляется сам разум» (McCloughan, 2003, p. 43).

2. Понятие антагонизма в текстах Канта

2.1. Хронология основных употреблений термина «антагонизм» и его производных в работах Канта

1. (1755) «Новое освещение первых принципов метафизического познания». Кант в диссертации на латыни именует критикуемого оппонента «антагонистом» (AA 01, S. 400, 405).

of “an antagonism in accordance with outer freedom by which each can preserve what belongs to it, but not a way of acquiring”, with the “rational idea of a peaceful, even if not friendly, thoroughgoing community of all nations on the earth”, making it possible for disputes to be decided “in a civil way, as if by a lawsuit, rather than in a barbaric way”. In Russia, Kantian philosophical foundations of the theory of international relations are studied by Yevgeniy E. Vinokurov (2001), Alexey N. Salikov (2013), Alexander E. Kuteinikov and Vadim A. Chaly (2013). Nina A. Dmitrieva (2014) and Alexey N. Krouglov (2020a; 2020b) explore the problem of interpretations of Kant’s ideas in a situation of war and about war. However, these works do not specifically examine antagonism. On the whole, analysis of the current state of Kantian studies reveals the prevalence of the universalist-rationalistic position for which “unsociable sociability” is the main, if not the only aspect of antagonism which is either overcome by reason or “reveals itself to be just the way in which reason itself is manifested” (McCloughan, 2003, p. 43).

2. The Concept of Antagonism in Kant’s Texts

2.1. Chronology of the Main Uses of the Term “Antagonism” and Its Derivatives in Kant’s Works

1. (1755) *The New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition*. In his Latin-language dissertation Kant calls his opponent “antagonist” (PND, AA 01, p. 400, 405).

2. (1766) *Dreams of Spirit-Seer Elucidated by Dreams of Metaphysics*. Antagonism between theoretical learning and practical wisdom (TG, AA 02, p. 369).

2. (1766) «Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики». Антагонизм теоретической учености и практической мудрости (AA 02, S. 369).

3. (1772/73) В лекциях по антропологии проводится аналогия между мышцами-антагонистами и чередующимися умственными занятиями (AA 25, S. 37, 63; AA 25, S. 286).

4. (1781–1782?) В лекциях по антропологии появляется тема антагонизма добра и зла и «необщительная общительность» (AA 25, S. 1199).

5. (1784) «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Первое и основное определение понятия антагонизма в связи с «необщительной общительностью» (AA 08, S. 20) и его развитие (S. 22), в том числе в применении к международным отношениям (S. 24).

6. (1785) «Основоположение к метафизике нравов». Антагонизм или «естественная диалектика» склонностей и предписаний разума (AA 04, S. 405, 424).

7. (1786) «Метафизические начала естествознания». Антагонизм сил в материи как причина протяженности, движения и взаимодействия (AA 04, S. 551, 562, 563).

8. (1793) «О поговорке: “может быть это и верно в теории, но не годится для практики”». Антагонизм людей в их свободе (AA 08, S. 306).

9. (1797) «Метафизика нравов». Идея международного права содержит в себе понятие антагонизма государств в соответствии с принципами внешней свободы (AA 06, S. 347).

10. (1798) «Антропология с прагматической точки зрения». Антагонизм или реальная, но не логическая, противоположность боли и наслаждения, удовольствия и неудовольствия (AA 07, S. 230–231).

11. (1798) «Спор факультетов». Антагонизм определяется как спор сторон, связанных друг с другом общностью конечной цели, и отличается от войны (AA 07, S. 35–36).

3. (1772/73) In lectures on anthropology an analogy is drawn between antagonistic muscles and intermittent mental activities (*V-Anth/Collins*, AA 25, p. 37, 63; *V-Anth/Parow*, AA 25, p. 286).

4. (1781–1782?) The theme of antagonism between good and evil and “unsociable sociability” crops up in lectures on anthropology (*V-Anth/Mensch*, AA 25, p. 1199).

5. (1784) “Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim”. The first and main definition of the concept of antagonism in connection with “unsociable sociability” (*IaG*, AA 08, p. 20) and its development (*ibid.*, p. 22), with reference to international relations (*ibid.*, p. 24).

6. (1785) *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Antagonism or “natural dialectic” of aptitudes and prescriptions of reason (*GMS*, AA 04, p. 405, 424).

7. (1786) *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Antagonism between forces in matter as the cause of extension, motion and interaction (*MAN*, AA 04, p. 551, 562, 563).

8. (1793) “On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice”. Antagonism between people in their freedom (*TP*, AA 08, p. 306).

9. (1797) *The Metaphysics of Morals*. The idea of international law contains the concept of antagonism between states in accordance with the principles of outer freedom (*MS*, AA 06, p. 347).

10. (1798) *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Antagonism or real, and not logical opposition between pain and enjoyment, pleasure and displeasure (*Anth*, AA 07, pp. 230–231).

11. (1798) *The Conflict of the Faculties*. Antagonism is defined as a dispute between sides which have a shared goal, and is thus different from war (*SF*, AA 07, pp. 35–36).

12. (1798) Заметки к «Спору факультетов». Антагонизм разума и веры как основа спора философского и теологического факультетов (AA 23, S. 451, 453)

13. (Ок. 1790–1803) Заметки и «*Opus postumum*». Здоровье определяется как равновесие в антагонизме жизненных сил в теле животного (AA 15, S. 963; AA 22, S. 511). Упоминается антагонизм физических сил (AA 21, S. 193, 351; AA 22, S. 609).

Определение антагонизма встречается один раз (6), впоследствии оно расширяется указанием на единство конечной цели антагонистических сторон (11). Значимые употребления понятия можно сгруппировать вокруг нескольких тем. Во-первых, антагонизм сил характеризует фундаментальные природные процессы (7). Наиболее явно Кант пишет об этом в «*Метафизических началах естествознания*» (1786), где указывает на «закон антагонизма во всяком взаимодействии материи благодаря движению» (AA 04, S. 562; Кант, 1994б, с. 369), а возможность движения объясняет отталкиванием и притяжением. Неявно это же антагонистическое понимание материи, движения и развития содержится в самых первых работах Канта и составляет основу докритической небулярной гипотезы 1755 г., где дуализм отталкивания и притяжения вводится как причина образования небесных тел. Движущаяся (развивающаяся) и протяженная материя возможна благодаря силам притяжения и отталкивания, которые представляют собой базовый вид реальной противоположности. Поэтому ранние натурфилософские работы необходимы для понимания происхождения и становления кантовского антагонистического видения, хотя в них и нет термина «антагонизм».

Поскольку основная новизна нашей работы состоит в представлении «необщительной общительности» как части общего кантовского понимания природы, обоснование этой связи составит самый обширный раздел статьи.

12. (1798) Notes for *The Conflict of Faculties*. Antagonism between reason and faith as the basis of the argument between the philosophical and theological faculties (VASF, AA 23, p. 451, 453)

13. (Circa 1790–1803) Notes and *Opus postumum*. Health is defined as equilibrium in the antagonism of life forces in the animal's body (HN, AA 15, p. 963; AA 22, p. 511). Antagonism of physical forces is mentioned (OP, AA 21, p. 193, 351; AA 22, p. 609).

Definition of antagonism occurs once (6), later it is broadened by reference to the common ultimate goal of the antagonistic sides (11). Meaningful uses of the concept can be grouped around several topics. First, antagonism of forces characterises fundamental natural processes (7). Kant writes about it in the most explicit way in the *Metaphysical Foundations of Natural Science* (1786), where he points to “the law of antagonism in all community of matter through motion” (MAN, AA 04, p. 562; Kant, 2002, p. 268) and explains the possibility of motion by repulsion and attraction. Implicitly, this antagonistic concept of nature, motion and development is contained in Kant's earliest works and forms the basis of the 1755 pre-critical nebular hypothesis where dualism of repulsion and attraction is introduced as the cause of the formation of celestial bodies. Moving (developing) and extended matter is made possible by the forces of attraction and repulsion which represent the basic type of real opposition. That is why early works on natural philosophy are essential for understanding the origin and evolution of Kant's antagonistic vision, even though they do not use the term “antagonism”. Because the main novelty of our work is the presentation of “unsociable sociability” as part of the overall Kantian understanding of nature, the grounding of this connection forms the largest part of this article. Second, the content of the concept of antagonism acquires a new aspect in Kant's treatment of the difference of the real, i.e. physical, opposition from logical

Во-вторых, содержание понятия антагонизма обретает новый аспект в кантовской проработке отличия реальной, то есть физической, противоположности от логической. Наконец, человеческая «необщительная общительность» становится важным частным случаем общего природного антагонизма в работах 1780–1790-х гг. (4, 5, 8, 9, 11). Это наиболее освоенная в современной литературе часть кантовской парадигмы, и мы не будем описывать ее подробно, но свяжем с общим кантовским пониманием природы и мышления о ней. В этой статье мы можем лишь упомянуть внутренний антагонизм человеческих мотивов (6, 10), потому что его подробное исследование потребовало бы погружения в кантовскую этику, антропологию и философию религии. Мы также не будем касаться антагонистических сюжетов в кантовской теории познания — взаимодействия разума и веры (12), чувственности и рассудка, рецептивности и спонтанности, антиномичности разума, несовпадения ограниченных частных перспектив или взглядов на многообразие всего возможного опыта, «естественной диалектики», состязательности критики.

2.2. Антагонизм сил в природе

Формирование интеллектуального мира Канта происходило в контексте столкновения пиетизма, вольфо-лейбницевской программы и ньютонианства. Учителя и сверстники Канта в Кёнигсберге, достаточно удаленном от центров конфронтации пиетистов, «метафизиков» и «математиков» в Берлине и Халле, были заняты, по сути, попытками снять антагонизм программ в синтезе (Schönfeld, 2000; Schönfeld, Thompson, 2014). Этот синтез должен был сохранить достижения ньютонианства, то есть точное механическое объяснение чувственного мира, но поместить их в более широкую лейбницеанскую метафизическую рамку, объясняющую лежащий за явлениями интеллигибель-

opposition. Finally, human “unsociable sociability” becomes an important particular case of general natural antagonism in the works of the 1780s and 1790s (4, 5, 8, 9, 11). Since this is the best studied part of the Kantian paradigm, we will not dwell on it at any length but will link it to the overall Kantian vision of nature. Here we will merely mention the inner antagonism of human motives (6, 10) because a detailed study would require an immersion in the Kantian ethics, anthropology and philosophy of religion. Likewise, we will not touch upon antagonistic elements in Kant’s theory of cognition, the interaction between reason and faith (12), sensibility and understanding, receptivity and spontaneity, the antinomic character of reason, the discrepancy between private perspectives or views on the manifold of all possible experience, “the natural dialectics” and adversariness of critique.

2.2. Antagonism of Forces in Nature

Kant’s intellectual world was formed in the context of the clash between pietism, the Wolffian-Leibnizian programme and Newtonianism. Kant’s teachers and co-evals in Koenigsberg (relatively remote from the centres of confrontations between pietists, “metaphysicians” and “mathematicians” in Berlin and Halle) were essentially engaged in attempts to sublimate the antagonism of the programmes through synthesis (Schönfeld, 2000; Schönfeld and Thompson, 2014). The synthesis was to preserve the achievements of Newtonianism i.e. precise mechanistic explanation of the sensible world, but place it in the broader Leibnizian metaphysical framework which explains the intelligible world behind the phenomena and overcomes the limitations of mechanicism. This framework was to be built into the pietist religious worldview. Kant tried to give his own resolution to these fundamental clashes.

ный мир и преодолевающую ограниченность механицизма. А эта рамка должна была быть встроена в пиелистское религиозное мировоззрение. Кант попытался дать свое разрешение этих фундаментальных столкновений. Метод демонстрации единства антагонистических противоположностей стал его общей философской стратегией.

Кантоведы расходятся в оценках мер влияния на Канта двух его главных учителей, более старшего Иоганна Готфрида Теске (1704–1772) и более известного Мартина Кнутцена (1713–1751), однако оба они работали над философскими проблемами физики. Кнутцен при этом пытался дать вольфианскую интерпретацию вскрытым и описанным ньютонами явлениям, а Теске сочетал физику с пиелизмом. В спорах о достоинствах и недостатках ньютоновской программы учитывались не только «Математические начала натуральной философии» (1687), но и более доступная и шире известная — и отличающаяся в ряде вопросов — «Оптика» (1704/1717) (Massimi, 2011). Этим же проблемам были посвящены некоторые опыты Фридриха Иоганна Бука (1722–1786) и Иоганна Фридриха Вайтенкампа (1726–1758) — сверстников и конкурентов Канта за внимание учителей и университетские позиции (Pozzo, 1993; Schönfeld, Thompson, 2014). Таким образом, столкновение двух программ дало стимул для кантовской мысли, а конкуренция в академической среде усилила ее напряжение.

Философская и научная карьера Канта началась в 1747 г. вступлением в спор о «живых силах», развернувшийся в основном между партиями лейбницеанцев и картезианцев, но затрагивавший и основы ньютоновства (Watkins, 2013, p. 430). Вместо того чтобы представить диссертацию на латыни и завершить ею обучение, молодой философ попытался, пусть с опозданием, разрешить одну из главных натурфилософских проблем того времени (Кюн, 2021, с. 128). Попытки снять антагонизм лейб-

The method of demonstrating the unity of antagonistic opposites became his general philosophical strategy.

Kant scholars have no consensus as to the degree to which Kant was influenced by two of his main teachers, the older Johann Gottfried Teske (1704–1772) and the better-known Martin Knutzen (1713–1751), although both of them worked on the philosophical problems of physics. Knutzen tried to give a Wolffian interpretation to the phenomena discovered and described by Newtonians while Teske combined physics with pietism. The arguments about the merits and demerits of the Newtonian programme took into account not only *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* (1687), but the more accessible and better known — and differing in some issues — *Opticks* (1704/1717) (Massimi, 2011). The same problems engaged Kant's co-evals and rivals who were seeking the attention of teachers and university positions e.g. Friedrich Johann Buck (1722–1786) and Johann Friedrich Weitenkampf (1726–1758) (Pozzo, 1993; Schönfeld and Thompson, 2014). Thus, the clash of the two programmes gave an impetus to Kant's thought while competition in the academic milieu increased its intensity.

Kant's philosophical and scientific career began in 1747 when he joined the argument about “living forces” which unfolded mainly between the parties of Leibnizians and Cartesians, but also touched on the foundations of Newtonianism (Watkins, 2013, p. 430). Instead of presenting a dissertation in Latin the young philosopher tried, albeit belatedly, to solve one of the main problems of natural science at the time (Kuehn, 2021, p. 128). Attempts to sublimate the antagonisms between Leibnizianism and Newtonianism, mathematized empiricism and metaphysical

ницеанства и ньютонианства, математизированного эмпиризма и метафизического рационализма составили ось развития мысли Канта на протяжении первых десятилетий творчества и оказали формирующее влияние на критическую философию. В своей первой работе Кант отрицает внешний характер и единственность силы притяжения и утверждает, что «каждое тело обладает сущностной силой» (AA 01, S. 17; Кант, 1994в, с. 62). Эта позиция открывает возможность построения плюралистической антагонистической концепции сил.

Антагонистический взгляд на устройство и развитие мироздания был полнее развернут Кантом в 1755 г. во «Всеобщей естественной истории и теории неба». Этот трактат стал попыткой усовершенствовать ньютонианскую парадигму: там, где Ньютон изобразил устроенную и поддерживаемую Богом Вселенную, Кант предложил спекулятивную гипотезу о ее имманентном естественном генезисе и стабильности через антагонизм сил.

Одним из главных парадоксов модели Ньютона, изложенной в «Математических началах натуральной философии» (1687), было отсутствие в ней объяснения стабильности Вселенной. Если Вселенная конечна, то действие единственной силы всемирного тяготения должно привести к схлопыванию материи в расположенное в центре сил бесконечно малое тело бесконечно большой плотности, к гравитационному коллапсу. Если бесконечна, то в любой ее точке бесконечно большая сила будет действовать во всех направлениях, что должно вызвать гравитационный разрыв. Ньютон хорошо понимал эту проблему и ранее обдумывал в роли «стабилизатора» эфир (Newton, 1978), но в «Началах» отказался от постулирования этой лишней субстанции, «ничем себя не проявляющей» (Ньютон, 1989, с. 19). Проблему понимали и читатели «Начал», такие как кембриджский теолог Ричард Бентли (1662–1742). Отвечая в письмах на вопрос Бент-

rationism formed the axis of Kant's philosophical development in the early decades of his career and exerted a formative influence on his critical philosophy. In his first work Kant denies that the force of attraction is external and one, claiming that “every body has an essential force” (GSK, AA 01, p. 17; Kant, 2012a, p. 22). This position makes it possible to construct a pluralistic antagonistic concept of forces.

Kant elaborated the antagonistic view of the structure and development of the universe in the *Universal Natural History and Theory of the Heavens* (1755). The treatise marked an attempt to improve the Newtonian paradigm: where Newton described a Universe created and maintained by God, Kant put forward a speculative hypothesis of its immanent natural genesis and stability through antagonism of forces.

One of the paradoxes of Newton's model set forth in *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica* was that it did not explain the stability of the Universe. If the Universe is finite, then the single force of gravitation should have caused an implosion of matter into an infinitely small body of great density located in the centre. If it is infinite, the action of the same force at any point would be infinitely great in all directions, causing a gravitational rupture. Newton was well aware of this problem and had earlier contemplated ether as the stabiliser (Newton, 1978), but in *Principia* he dropped it as a substance which was “of no efficacy at all” (see Newton, 1729, p. 28). The problem was understood by the readers of *Principia* such as Richard Bentley (1662–1742), a Cambridge theologian. Replying in his letters to Bentley's question about the foundations of stability Newton argued that the universe was probably infinite and that incontestable

ли об основаниях стабильности, Ньютон указывал на вероятную бесконечность вселенной и несомненную божественную мудрость в расположении материи таким образом, чтобы взаимное притяжение оставалось в равновесии (Newton, 1756, p. 2–3). По сути, это означало постоянное чудесное вмешательство бесконечной божественной силы в порядок природы, также изначально и сразу установленный Богом, но ни Ньютону, ни Бентли такая гипотеза не казалась проблематичной. Одно из самых первых и непреходящих достижений Канта состояло в решительном требовании и попытке сугубо научного, а не теологического объяснения не только равновесия небесных тел, но и их возникновения. Девизом кантовской физической программы, и докритической, и критической, стало *«дайте мне материю, и я построю из нее мир»* (AA 01, S. 230; Кант, 1994а, с. 123).

Кант нашел ресурсы для своих новаторских построений у самого Ньютона, и прежде всего в Вопросах к «Оптике». Вопросы представляли собой своего рода завещание великого естествоиспытателя в виде набора проблем и набросков их возможных решений. Метод Вопросов был не математическим, но спекулятивным, использовавшим гипотезы и мысленные эксперименты вместо и до формализаций (хорошая новость для не владевшего требуемым математическим аппаратом Канта). По сути, Ньютон сделал здесь серию гипотетических шагов и предложил будущим поколениям продолжить труд, то есть попытаться дедуцировать и проверить следствия из его догадок или абдукций. Кант был одним из многих откликнувшихся на этот призыв, но его проработка ньютоновского «завещания» оказалась наиболее философски глубокой из тогдашних альтернатив (Brading, Stan, 2024, p. 169–200).

Для нашего исследования наиболее существенно высказанное Ньютоном в завершающей книге Вопросе 31 признание того, что сила тяготения или притяжения может и не

divine wisdom had arranged matter in such a way that mutual action was balanced (Newton, 1756, pp. 2-3). In effect it meant constant divine intervention in the natural order of things also established by God initially and at once, but neither Newton nor Bentley considered this hypothesis to be problematic. One of the earliest and intransigent achievements of Kant was the resolute demand for and the attempt at a strictly scientific and not theological explanation not only of the balance of celestial bodies, but of their emergence. The motto of Kant's physical program, both pre-critical and critical, was "Give me matter and I will build a world out of it" (NTH, AA 01, p. 230; Kant, 2012b, p. 200).

Kant found the resources of his innovative ideas in Newton, above all in his *Questions on Opticks*. The questions were like the great naturalist's testament in the shape of a set of problems and suggestions for their possible solution. The method of Questions was not mathematical, but speculative, using hypotheses and thought experiments instead of and before formalisations (good news for Kant who did not have the requisite mathematical skills). In effect, Newton here took a series of hypothetical steps, inviting the future generations to continue the work i.e. to try to deduce and verify the consequences of his guesses or abductions. Kant was one of the many who responded to this call, but his assimilation of Newton's "testament" was philosophically more profound than the alternatives then put forward (Brading and Stan, 2024, pp. 169-200).

For our purpose the most important was Newton's admission in the concluding Question 31 that the force of gravitation or attraction may or may not be, as posited in the *Principia*, the only force and that phenomena

быть, как полагалось в «Началах», единственной, что явления указывают также на действие «отталкивательной силы»:

...так же, как в алгебре, там, где исчезают и прекращаются положительные количества, начинаются отрицательные, так и в механике, — там, где прекращается притяжение, должна заступать отталкивательная способность. Существование такой способности следует, по-видимому, из отражений и изгибаний лучей света. Ибо в обоих этих случаях лучи отталкиваются телами без непосредственного контакта с отражающим или огибаемым телом. <...> Эти огромные сжатия и расширения кажутся непостижимыми, если вымышлять пружинные или ветвистые частицы воздуха или закрученные в виде обруча или еще каких-либо иных видов, но без отталкивательной силы (Ньютон, 1954, с. 299—300).

Силе отталкивания не нашлось места в публичной небесной механике «Начал» по двум причинам. Методологические соображения требовали простоты, а введение второй силы означало радикальное умножение сущностей. Теологические соображения требовали единства божественного порядка, основанного на правилах, гарантировавших от противоречий и коллизий, — показательно, что в этом своем стремлении к абсолютному единству Ньютон-теолог доходил до решительного антитринитаризма. Эти два соображения были теснейшим образом связаны и определяли направление усилий Ньютона в построении небесной механики (Henry, 2023). В результате «негативная» и даже еретически опасная сила-двойник оказалась вытесненной ради кажущейся гармонии и завершенности мироздания в руках единственного суверена. Однако она понадобилась в «Оптике», причем для объяснения не только конкретных, хотя и базовых, феноменов упругости и отражения, но и общей связности, единства мира: «Итак, природа весьма схожа в себе самой и очень проста, выполняя все большие движения небесных тел

might point to the existence of “a repulsive Power”:

[...] as in Algebra, where affirmative Quantities vanish and cease, there negative ones begin; so in Mechanicks, where Attraction ceases, there a repulsive Virtue ought to succeed. And that there is such a Virtue, seems to follow from the Reflexions and Inflexions of the Rays of Light. For the Rays are repelled by Bodies in both these Cases, without the immediate Contact of the reflecting or inflecting Body. It seems also to follow from the Emission of Light; the Ray so soon as it is shaken off from a shining Body. [...] Which vast Contraction and Expansion seems unintelligible, by feigning the Particles of Air to be springy and ramous, or rolled up like Hoops, or by any other means than a repulsive Power (Newton, 1979, pp. 395-396).

The public celestial mechanics of the *Principia* had no room for the repulsive force for two reasons. Methodology demanded simplicity whereas the introduction of a second force would dramatically multiply the number of entities. Theological considerations demanded a unity of the divine rule-based order that were a guarantee against contradictions and collisions. Tellingly, in his quest for absolute unity Newton the theologian embraced anti-trinitarianism. These two considerations were closely linked, determining Newton's efforts in building a celestial mechanics (cf. Henry, 2023). As a result, the “negative” and heretically dangerous twin force was ousted for the sake of seeming harmony and completeness of the universe in the hands of one sovereign. However, it was brought back in *Opticks* and, what is more, it was brought back to explain not only concrete although basic phenomena of elasticity and refraction, but for the sake of general cohesion and unity of the world: “And thus Nature will be very conformable to her self and very simple, performing all the great Motions of the

при помощи притяжения тяготения, являющегося посредником между этими телами, и все малые движения частиц этих тел — при помощи некоторых иных притягательных и отталкивательных сил, связывающих эти частицы» (Ньютон, 1954, с. 301).

Во «Всеобщей естественной истории и теории неба», с уточняющим вторым заглавием «...или Опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания, истолкованных сообразно принципам Ньютона», Кант вводит силу отталкивания, прямо ссылаясь на Ньютона, чья позиция, однако, никогда не имела приписываемой Кантом определенности:

Представив мир в состоянии простейшего хаоса, я объяснил великий порядок природы только силой притяжения и силой отталкивания — двумя силами, которые одинаково достоверны, одинаково просты и вместе с тем одинаково первичны и всеобщы. Обе они заимствованы мною из философии Ньютона. Первая в настоящее время есть уже совершенно бесспорный закон природы. Вторая, которой физика Ньютона, быть может, не в состоянии сообщить такую же отчетливость, как первой, принимается здесь мною только в том смысле, в каком ее никто не оспаривает, а именно для материи в состоянии наибольшей разреженности, как, например, для паров. На столь простых основаниях я совершенно естественно строю всю свою последующую систему, не делая никаких выводов, которые не мог бы сделать каждый внимательный читатель (AA 01, S. 234–235; Кант, 1994а, с. 128).

Существенно, что действие этих противоположных сил через множество агентов обеспечивает единство, порядок и развитие мировой «системы систем» — мысль, на которой Кант настаивает здесь и к которой вернется спустя тридцать лет в своей философии истории и политики. Значима двойственность кантовского взгляда на неизбежно сопутствующие мировому процессу потрясения, также сохранившаяся в критических произведениях:

heavenly Bodies by the Attraction of Gravity which intercedes those Bodies, and almost all the small ones of their Particles by some other attractive and repelling Powers which intercede the Particles” (Newton, 1979, p. 397).

In the *Universal Natural History and Theory of Heavens*, subtitled “or Essay on the Constitution and the Mechanical Origin of the Whole Universe According to Newtonian Principles” Kant introduces the repulsive force directly, citing Newton whose position, however, never had the kind of finality ascribed to it by Kant:

I have, after I placed the world in the simplest chaos, made use of no forces other than those of attraction and repulsion to develop the great order of nature, two forces which are equally certain, equally simple, and equally original and universal. They have both been borrowed from Newtonian philosophy. The former is now a law of nature that is beyond doubt. The second, which Newtonian science is unable to provide with as much clarity as it has for the first, I will assume here only in the sense that no one rejects it, namely in relation to the smallest dispersion of matter as, for instance, in vapours. It is for these so simple reasons that I have derived the following system, without any artifice or consideration of other consequences than those upon which the attention of the reader would have arrived by itself (NTH, AA 01, pp. 234-235; Kant, 2012b, p. 204).

Importantly, the effect of these opposite forces produced by a multitude of agents ensures the unity, order and development of the world “system of systems”, the idea Kant stresses here and to which he would come back thirty years later in his philosophy of history and politics. It is important to note the ambivalence of Kant’s view of the of upheavals that inevitably accompany the world processing, an ambivalence that survives in his critical works:

Let us therefore accustom our eye to these frightening upheavals as being the ordinary

Приучимся же смотреть на эти страшные разрушения как на обыкновенные пути провидения и будем взирать на них даже с некоторым чувством удовлетворения. Действительно, это в наибольшей степени соответствует богатству природы. Ибо когда какая-нибудь система мира в течение долгого периода своего существования исчерпала все разнообразие, доступное ее устройству, когда она, таким образом, стала излишним звеном в цепи бытия, тогда представляется вполне уместным, чтобы она сыграла на сцене текущих изменений Вселенной последнюю роль, подобающую всякой конечной вещи, а именно отдала дань брэнности (AA 01, S. 319; Кант, 1994а, с. 210–211).

Ньютон и его партия разделяли, хотя в основном непублично, религиозные и даже оккультные убеждения своего времени. Проблему истории они решали миллениаристски: «новый рай и новая земля» будут обеспечены Богом при посредстве церкви, этот вопрос принадлежит области откровения и не нуждается в научных объяснениях и связанных с ними технических, управленческих, политических решениях (Jacob, 1976, p. 100-142). Кант решительно расстается с этим наследием и натурализует историю, при этом критикуя и ограничивая секулярный миллениаристский энтузиазм, впоследствии приведший к разнообразным историческим потрясениям.

Описывая истоки своего видения, помимо Ньютона Кант ссылается на Эпикура, Лукреция, Левкиппа и Демокрита (AA 01, S. 226–227). Однако рядом с атомистами, описавшими используемую ранним Кантом корпускулярную онтологию, он с полным правом мог назвать Эмпедокла, задавшего своими филией и нейке дуалистическое понимание базовых взаимодействий, и Гераклита, выделившего силу отталкивания и конструктивную роль полемоса².

² Интеллектуальные историки, начиная с Я. Бурхардта и Ф. Ницше, подчеркивают общий агональный характер греческой и римской культуры, унаследованный Европой (см., напр.: (Лоро, 2021)). В этой перспективе кантовский антагонистический строй мысли выглядит не исключением, но нормой.

ways of providence and even regard them with a kind of appreciation. And indeed nothing is more appropriate to the bounty of nature than this. For when, in the long sequence of its duration, a world system exhausts all the diversity that its arrangement can encompass, when it has now become a superfluous link in the chain of beings, then nothing is more proper than that it should play the final role in the play of changes unfolding in the universe that is given to every finite thing, namely to pay its dues to transience (NTH, AA 01, p. 319; Kant, 2012b, p. 270).

Newton and his party shared, albeit mainly privately, the religious and even occult convictions of their time. They solved the problem of history in the millenarian way: “the new paradise and the new Earth” will be secured by God through the agency of the church, the issue belonging to the domain of faith and not needing scientific explanations and corresponding technical, managerial and political decisions (Jacob, 1976, pp. 100-142). Kant casts aside this heritage and naturalises history while criticising and restricting the secular millenarian enthusiasm which would later lead to various historical upheavals.

Describing the sources of his vision, Kant mentions along with Newton Epicurus, Lucretius, Leucippus and Democritus (NTH, AA 01, pp. 226-227). However, along with atomists who described the corpuscular ontology used by early Kant, he may well have mentioned Empedocles whose Philotes and Neikos prefigured the dualistic concept of basic interactions, and Heraclitus who singled out the force of repulsion and the constructive role of *polemos*.² And Kantian pathos, his quoting of the poetry of Haller and Pope, his spirited

² Intellectual historians beginning from Jacob Burckhardt and Friedrich Nietzsche stress the general agonal character of the Greek and Roman cultures which Europe has inherited (see, for example, Loraux (2002)). From this perspective Kantian antagonistic mindset looks not as an exception, but as the norm.

А кантовский пафос, используемые им в тексте цитаты из стихотворений Галлера и Поупа, поэтически заряженное описание космических процессов, светил, планет как будто возвращают понимание вселенной от холодного механицизма в сторону мифических космогоний досократиков — и одновременно смещают вперед, к романтикам. Кант находит способ снова представить последовательность физических взаимодействий в рамках нарратива о становлении природы и вернуть в них вытесненный механицизмом имманентный смысл, при этом сохранив научные достижения. Появление человечества в роли протагониста на этой космической сцене в критических сочинениях по истории стало закономерным развитием нарратива, намеченного во «Всеобщей естественной истории».

Другой характерный для этого текста ход, повторяющийся позднее в кантовской философии истории и политики, — это трактовка упорядоченной свободы как равновесия противодействий: «...эти различным образом противодействующие друг другу движения, естественно, стремятся к взаимному равновесию, т.е. к такому состоянию, при котором одно движение возможно меньше мешало бы другому. Это происходит, во-первых, потому, что частицы ограничивают движения друг друга до тех пор, пока все они не станут двигаться в одном и том же направлении...» (AA 01, S. 265–266; Кант, 1994а, с. 156).

Сопоставим это с пониманием правообразности в «Метафизике нравов» (1797):

«Правым является любой поступок, который или согласно максиме которого свобода произволения каждого совместима со свободой каждого в соответствии со всеобщим законом» (AA 06, S. 230; Кант, 2014, с. 89).

Закон взаимного принуждения, необходимо согласующегося со свободой каждого, кто руководствуется принципом всеобщей свободы, есть как бы *конструкция* упомянутого по-

description of cosmic processes, stars and planets seem to take the concept of the universe away from the cold mechanicism toward mythical cosmogonies of the pre-Socratics and simultaneously shift it forward towards the Romantics. Kant finds a way to represent again the sequence of physical interactions in the framework of the narrative of the genesis of nature and bring back their immanent meaning, pushed aside by mechanicism while preserving the scientific achievements. The appearance in critical works on the history of humanity as a protagonist on this cosmic stage was a logical development of the narrative prefigured in the *Universal Natural History*.

Another move characteristic of this text, which would later recur in Kant's philosophy of history and politics, is the interpretation of ordered freedom as balance of counteractions: "These motions that are in conflict with one another in many ways, however, naturally strive to bring themselves into line with each other, that is, into a state in which one motion is as little hindrance to the other as possible. This occurs, firstly, by the particles of one restricting the motion of the other until they are all moving in the same direction [...]" (NTH, AA 01, pp. 265-266; Kant, 2012b, p. 229).

This can be compared with the interpretation of right in the *Metaphysics of Morals* (1797):

"Any action is *right* if it can coexist with everyone's freedom in accordance with a universal law, or if on its maxim the freedom of choice of each can coexist with everyone's freedom in accordance with a universal law" (MS, AA 06, p. 230; Kant, 1996c, p. 387).

The law of a reciprocal coercion necessarily in accord with the freedom of everyone under the principle of universal freedom is, as it were, the *construction* of that concept, that is, the presentation of it in pure intuition *a priori*, by analogy with presenting the possibility

нения чистого права, т.е. показ этого понятия в чистом созерцании *a priori*, по аналогии с возможностью свободных движений тел, подчиненных закону равенства действия и противодействия (AA 06, S. 232; Кант, 2014, с. 95).

Гражданско-правовое состояние, задача учреждения и развития которого стоит перед человечеством в истории, является продолжением развития порядка природы с теми же фундаментальными и неотменимыми силами притяжения и отталкивания и с теми же методами инженерии, нацеленными не на искоренение антагонизма, но на его упорядочение и управление им.

В «Физической монадологии» (1756) Кант возвращается к мысли, что силы притяжения и отталкивания составляют начало всех действий и мыслимы только в паре:

...необходимо, что существует принцип всех внутренних действий, или движущая сила, присущая элементам и даже приложенная вовне, ибо она воздействует и на внешнее. А между тем для приведения в движение со-существующих элементов мы не можем себе представить силы, которая не стремится или отталкивать, или привлекать их. Если, далее, предположена одна только отталкивающая сила, то может быть понята не связь элементов для сложения тел, а скорее рассеяние элементов; а при одной только притягательной силе понятна, правда, связь, но не определенное притяжение и пространство. Поэтому тот, который в силах вывести оба эти принципа из самой природы элементов и первичных свойств, тот совершил для ясного изложения внутренней природы тел труд немаловажного значения (AA 01, S. 476; Кант 1994д, с. 315).

Докритическая разработка антагонизма сил притяжения и отталкивания продолжилась в «Метафизических началах естествознания» (1786). Состоявшийся «коперниканский переворот» означал, что теперь выводить начала требуется не из природы, а из структурной организации опыта. Если ньютоновская меха-

of bodies moving freely under the law of the equality of action and reaction (MS, AA 06, p. 232; Kant, 1996c, p. 389).

The civil and legal state humanity is called upon to establish and develop in history is the continuation of the development of the order of nature with the same fundamental and indefeasible forces of attraction and repulsion and the same method of engineering aimed not at eradicating antagonism but at organising and managing it.

In *Physical Monadology* (1756) Kant reaffirms that the forces of attraction and repulsion mark the beginning of all actions and that they are conceivable only as a pair:

[...] the force which is inherent in the elements, must be a moving force, and one, indeed, which operates in an outward direction, since it is present to what is external; and since we are unable to conceive of any other force for moving that which is co-present than one which endeavours to repel or attract; and since, furthermore, if we posit only the repulsive force, we shall not be able to conceive of the conjunction of elements so that they form compound bodies, but only their diffusion, whereas if we posit only an attractive force we shall only be able to understand their conjunction, but not their determinate extension and space — since all this is the case, we can already in a way understand that anyone who is able to deduce these two principles from the very nature and fundamental properties of the elements will have made a substantial contribution towards explaining the inner nature of bodies (*MonPh*, AA 01, p. 476; Kant, 1992b, p. 52).

Pre-critical development of antagonism of the forces of attraction and repulsion continued in the *Metaphysical Foundations of Natural Science* (1786). Now, after the “Copernican turn”, first principles had to be derived not from nature but from the structural organisation of experience. While Newtonian mechanics is

ника предлагает математизацию феноменов, а лейбницеанская динамика объясняет феномены действием метафизических принципов, то Кант разворачивает критическое исследование условий возможности данной в чувственном опыте природы и, в частности, составляющей природу материи. Материя есть (необходимо мыслится как) «подвижное в пространстве» (AA 08, S. 480; Кант, 1994б, с. 263), это пространство «наполняющее» (AA 08, S. 496; Кант, 1994б, с. 284). Чтобы «занимать пространство», материя должна обладать «особой движущей силой» (Ibid.; Там же).

Сила притяжения есть движущая сила, благодаря которой одна материя может быть причиной приближения к ней других материй (или, что то же самое, благодаря которой она противится отдалению других от нее).

Сила отталкивания есть та, благодаря которой одна материя может быть причиной отдаления других материй от нее (или, что то же самое, благодаря которой она противится приближению других материй к ней). Эту силу мы будем иногда называть также толкающей (*treidende*), а первую — тянущей (*ziehende*) силой. <...>

Мыслить можно лишь указанные две движущие силы материи (AA 04, S. 498; Кант 1994б, с. 286–287).

Сила отталкивания позволяет материи расширяться, «наполнять пространства», ее можно назвать «силой экспансии» (Ibid.; Там же). Это изначальная имманентная сила, принадлежащая материи, причем каждой из ее частей: все отталкивается от всего, все стремится к экспансии за счет всего остального. Индивидуированные силы имеют различные степени и ограничивают друг друга. Это видение напоминает гоббсианское естественное состояние, но распространенное на всю природу, включающую человека.

Присутствие силы притяжения основывается на следующем факте: материя не расширяется в пространстве бесконечно, что имело

premised on mathematisation of phenomena and Leibnizian dynamics explains phenomena by the action of metaphysical principles Kant launches a critical study of the conditions of the possibility of nature given in sensible experience, in particular of the matter which constitutes nature. Matter is necessarily thought as “*moveable in space*” (MAN, AA 08, p. 480; Kant, 2002, p. 194), “*it fills a space*” (MAN, AA 08, p. 496; Kant, 2002, p. 209). “*To occupy a space*”, matter must possess “*particular moving force*” (*ibid.*).

Attractive force is that moving force by which a matter can be the cause of the approach of others to it (or, what is the same, by which it resists the removal of others from it).

Repulsive force is that by which a matter can be the cause of others removing themselves from it (or, what is the same, by which it resists the approach of others to it). The latter force will also sometimes be called driving force, the former drawing force.

[...] only these two kinds of forces can be thought (MAN, AA 04, p. 498; Kant, 2002, p. 211).

The repulsive force enables matter to expand, “*fill its space*,”; it can be called “*expansive force*” (*ibid.*). It is the original immanent force inherent in matter, indeed in each of its parts everything is repulsed by everything, everything seeks to expand at the expense of all the rest. Individual forces have different measures and limit one another. This vision is reminiscent of Hobbes’ state of nature, only extended over the whole of nature including the human being.

The presence of the attractive force is based on the following fact: matter does not expand in space infinitely, as it would if only the force of repulsion existed. The latter is necessarily part of the concept of matter which fills the space differently from the perceiving subject. The force of attraction is not enough for the

бы место под действием одной только силы отталкивания. Последняя необходимо присутствует в понятии материи как наполняющей пространство субстанции, отличной от воспринимающего субъекта. Силы притяжения недостаточно для ощущения объекта и получения определенного понятия о нем, одна эта сила позволила бы только определить направление притяжения, «притягивающая точка оставалась бы неизвестной» (AA 04, S. 501; Кант, 1994б, с. 301). То есть в антагонизме сил концептуальное и, по-видимому, темпоральное первенство имеет сила отталкивания, хотя из нашей перспективы обе силы действуют одновременно и повсюду в природе. Кант использует понятие антагонизма, суммируя эти смыслы во всеобщем механическом законе «противодействия материй», или *lex antagonismi*: всякое взаимодействие содержит противодействие (AA 04, S. 551; Кант, 1994б, с. 355), «закон антагонизма» проявляет себя «во всяком взаимодействии материи благодаря движению» (AA 04, S. 563; Кант, 1994б, с. 369).

В предисловии к «Метафизическим началам естествознания» Кант делит учение о природе на естествознание как исследование априорных принципов и законов опыта, что составляет собственный предмет его книги, и историческое учение о природе, включающее описание природы и естественную историю (AA 04, S. 468; Кант, 1994б, с. 249). Человеческая история, разработкой которой Кант занят в эти же годы, является частью естественной и необходимо подпадает под те же априорные принципы.

Антагонизм обнаруживается в физиологии, еще одной частной области исследования природы. В записях лекций Канта по антропологии, впервые прочитанных зимой 1772–1773 гг., проведена параллель между антагонизмом мышц и антагонизмом ума: «Постоянное внимание утомительно. С умом (*Gemüth*) дело обстоит так же, как и с конечностями: у каждой мышцы есть свой антагонист, и когда одна

perception of the object and for bringing it under a concept, this force alone would make it possible only to determine the direction of attraction, while “the attracting point would be unknown” (MAN, AA 04, p. 501; Kant, 2002, p. 221). In other words, in the antagonism of forces the repulsive force prevails conceptually and temporally, although from our perspective both forces act simultaneously and everywhere in nature. Kant uses the concept of antagonism, summing up these meanings in the universal law of “reaction of matters”, or *lex antagonismi*: every interaction contains counteraction (MAN, AA 04, p. 551; Kant, 2002, p. 258), “the law of antagonism” manifests itself “in all community of matter through motion” (MAN, AA 04, p. 563; Kant, 2002, p. 368).

In the preface to the *Metaphysical Foundations of Natural Science* Kant divides the teaching on nature into natural science as the study of *a priori* principles and the laws of experience, the proper subject of his book, and the historical study of nature including the description of nature and natural history (MAN, AA 04, p. 468; Kant, 2002, p. 183). Human history, with which he engages in the same period, is part of natural history and is covered by the same *a priori* principles.

Antagonism is present in physiology, another particular area of natural science. In notes for Kant’s lectures on anthropology, first delivered in the winter of 1772–1773, a parallel is drawn between antagonism of muscles and antagonism of mind: “Constant attention is tiring. The mind (*Gemüth*) stands in the same place as extremities: every muscle has its antagonist, and when one muscle is tired the other muscle tenses. Any activity, even constant use of the finest of feelings, is tiring”³ (V-Anth/Collins, AA 25, p. 37;

³ “Eine fortgesetzte Aufmercksamkeit ermüdet. Es ist mit dem *Gemüth*, wie mit den Gliedern, wo jeder Muskel seinen Antagonisten hat, wo der eine ermüdet wird wenn der andre sich exerciret. Alle Thätigkeit, selbst der anhaltende Gebrauch der feinsten Sinne ermüdet.”

мышца устает, другая напрягается. Любая деятельность, даже постоянное использование самых тонких чувств, утомляет» (AA 25, S. 37; см.: AA 25, S. 63; A 25, S. 286). Представление об антагонизме мышц встречается, например, в широко известных в те годы «Основах физиологии человека» (1747) Альбрехта фон Галлера (1708–1777), одного из героев молодого Канта. Кантовские поздние заметки о медицине и физиологии определяют здоровье как «равновесие в антагонизме жизненных сил животных тел» (AA 15, S. 963), говорят об «антагонизме диафрагмы» (AA 22, S. 511) и т.п. Представление о «противоборстве» в организме духовных и материальных сил характерно для критикуемой Кантом «физиологической антропологии» Эрнста Платнера (1744–1818). Платнер в «Антропологии для врачей и философов» (1772) даже попытался вывести из факта этого противоборства логический принцип непротиворечия, вступив в прямое столкновение с кантовской более ранней программой различения логической и реальной противоположностей.

2.3. Логическая и реальная противоположности

Кант исследует пару понятий «логическая противоположность» и «реальная противоположность» в «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» (1763). Он использует термины *Entgegensetzung*, *Opposition*, которые переводятся как «противоположность»; *Repugnanz*, переводимую как «несовместимость» и синонимичную «противоположности». Логическое противоречие он обозначает термином *Widerspruch*. Контекстом кантовского исследования различения логической и реальной противоположностей является уже упомянутое противостояние «математиков» и «метафизиков». Волнующий Канта вопрос касался пределов применимости математических методов к исследованию природы, то есть, по сути, пределов сводимости метафизики

cf. AA 25, p. 63; V-Anth/Parow, AA 25, p. 286). The notion of antagonism of muscles is used in the then widely known *Foundations of Human Physiology* (1747) by Albrecht von Haller (1708–1777), of whom the young Kant was an admirer. Kant's later notes on medicine and physiology define human health as "the balance of the antagonism of the living force of animal bodies"⁴ (HN, AA 15, p. 963) and speak of "antagonism of the diaphragm"⁵ (HN, AA 22, p. 511) etc. The notion of the contradiction within the organism between spiritual and material forces is present in the "physiological anthropology" of Ernst Platner (1744–1818) which Kant criticised. In *Anthropology for Physicians and Philosophers* (1772) Platner even tried to derive from this fact of contradiction a logical principle of non-contradiction, thus challenging Kant's earlier programme of distinguishing logical and real oppositions.

2.3. Logical and Real Contradictions

Kant examines the pair "logical opposition" and "real opposition" in "Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy" (1763). He uses the terms *Entgegensetzung*, *Opposition*, which are translated as "opposition"; *Repugnanz*, translated as "repulsion" and synonymous with "contradiction". He refers to logical contradiction as *Widerspruch*. The context of Kant's distinction between logical and real oppositions is the above-mentioned confrontation between "mathematicians" and "metaphysicians". The question that bothered Kant had to do with the limits of applicability of mathematical methods to the investigation of nature, in effect, the limits to which metaphysics could be reduced to mathematics,

⁴ "Gesundheit ist das Gleichgewicht im Antagonism der Lebenskraft thierischer Körper."

⁵ "diaphragma Antagonism."

к математике, содержательного мышления — к формальному, действия — к рассуждению, бытия — к мышлению. Кант обнаруживает фундаментальное различие принципов, организующих мышление о математических формах и о реальных вещах. Формальное мышление подчинено принципу непротиворечия: когда «относительно одной и той же вещи нечто одновременно и утверждается, и отрицается», «следствие такого логического соединения есть *ничто* (*nihil negativum irrepraesentabile* [ничто отрицательное непредставимо])» (AA 02, S. 171; Кант, 1994г, с. 46). Мышление о природе подчинено другому принципу — принципу противоположности — и всегда сохраняет содержательный или материальный компонент:

Противоположность второго рода, реальная, состоит в том, что два предиката одной и той же вещи противоположны, но не по закону противоречия. Здесь также одно упраздняет то, что другое полагает; однако следствие [здесь] нечто (*cogitabile*). Сила, движущая тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствие этого покой, который есть нечто (*repraesentabile* [представимое]) (Ibid.; Там же; пер. уточнен. — *Ред.*).

Здесь видно, что базовый случай реальной противоположности Кант обнаруживает в физических силах. Логическое противоречие свидетельствует о несостоятельности системы утверждений, есть нарушение нормы, аномалия, но реальная противоположность, наоборот, нормальна. Причем не только в статистическом смысле распространенности в природе, но и в смысле необходимости, обязательности для мышления о ней. Стабилизация логической системы достигается устранением противоречия. Стабилизация реальной системы достигается расположением множества разнонаправленных сил так, чтобы они нейтрализовывали друг друга. Сохранение сил и их источ-

substantive thinking to formal thinking, actions to reasoning, being to thinking. Kant points to the fundamental difference of the principles of thinking about mathematical forms and about real things. Formal thinking follows the principle of non-contradiction: "The opposition consists in the fact that something is simultaneously affirmed and denied of the very same thing. The consequence of the logical conjunction is *nothing at all* (*nihil negativum irrepraesentabile*)" (NG, AA 02, p. 171; Kant, 1992a, p. 211). Thinking about nature follows a different principle, the principle of opposition, and always has a substantive or material component:

The second opposition, namely real opposition, is that where two predicates of a thing are opposed to each other, but not through the law of contradiction. Here, too, one thing cancels that which is posited by the other; but the consequence is something (*cogitabile*). The motive force of a body in one direction and an equal tendency of the same body in the opposite direction do not contradict each other; as predicates, they are simultaneously possible in one body. The consequence of such an opposition is rest, which is something (*repraesentabile*) (ibid.).

From this we can see that for Kant real opposition is due to physical forces. The logical contradiction means that the system of propositions is untenable, it violates the norm, is an anomaly, whereas real opposition, on the contrary, is normal. And not only in terms of being contingently omnipresent in nature, but in terms of its necessity for thinking of nature. Stabilisation of a logical system is achieved through elimination of the contradiction. Stabilisation of a real system is achieved by arranging the multitude of variously directed forces in a way that mutually neutralises them. The preservation of the forces and

ников при этом есть необходимое условие стабильности: ослабление или уничтожение одного ведет к разбалансировке всей системы и ее обеднению, а возможно, и коллапсу. Джеймс Скотт описывает прусское научное лесоводство, появившееся буквально в те же годы, что и кантовский текст, как выразительную иллюстрацию того, что происходит при логизации обращения со сложными системами, живущими по принципу реальной противоположности (Scott, 1998, p. 11–22).

Сам Кант позже, в «К вечному миру» (1795), дает собственную иллюстрацию политической реальной противоположности в мысленном эксперименте с «народом дьяволов»: «необщительность»-отталкивание и рационально сознаваемая необходимость единого правового поля способны целиком естественным путем привести сугубо эгоистических индивидов в стабильное гражданско-правовое состояние — без всякого «прореживания» или принудительного морального «выпрямления» «кривых тесин» (AA 08, S. 366; Кант, 2024б, с. 187; см.: AA 08, S. 23). Эта же мысль видна в его метафоре «деревьев в лесу», в антагонизме растущих прямыми (AA 08, S. 22; AA 09, S. 448)³. Если системе надо придать движение, то и это достигается расположением различно действующих сил: примером такого устройства является парусный корабль (AA 02, S. 176–177; Кант, 1994г, с. 53). Задачи такого рода являются не собственно логическими, но инженерно-практическими, для их решения нужны не только расчеты, но также неустранимо локальное и неявное «знание-как», «метис», восполняющее неполную логичность реального. Необходимо суждение и действие, от которого знание такого рода неотделимо и в котором только и может возникнуть.

Примечательно, что Кант говорит о преодолении действий разнонаправленных сил, используя слово *aufheben*, встречающееся также в

their sources is a necessary condition of stability: a weakening or destruction of one of them unbalances the whole system, makes it more primitive and may even bring about its collapse. The Prussian scientific forestry, which emerged in the same years as Kant's text, is discussed by James C. Scott as a striking illustration of what happens when logic is made the basis of dealing with complex systems that live on the principle of real opposition (Scott, 1998, pp. 11-22).

Kant himself in a later work, *Toward Perpetual Peace* (1795), offers his own illustration of political real opposition in a mental experiment with “a nation of devils”: “unsociability,” repulsion and rationally understood need for a single legal space can naturally lead patently egoistic individuals into a stable civil, legal state without any “weeding” or coercive “straightening” of “crooked wood” (ZeF, AA 08, p. 366; Kant, 1996d, p. 335; cf. *IaG*, AA 08, p. 23). The same idea is present in his “trees in a forest” metaphor, in which antagonism makes trees grow straight (*IaG*, AA 08, p. 22; *Päd*, AA 09, p. 448).⁶ If a system is to be set in motion that, too, is achieved by the position of variously acting forces: an example is a sailing ship (NG, AA 02, pp. 176-177; Kant, 1992a, p. 216). Such tasks are not properly logical, but engineering — practical, calling not only for calculations, but also inevitably local and tacit “know-how”, what Scott, following the ancient Greeks, calls “*mētis*” (metier, meaning job, work or profession), that makes up for incomplete logicity of the real. What is needed is judgment and action from which this kind of knowledge is inseparable and in which alone it can happen.

³ И благодаря этому, добавили бы Скотт и Лао-цзы, становящихся пригодными, «легибильными» для лесорубов, но это отдельная проблема.

⁶ And thanks to this, Scott and Lao Tzu might add, become usable and “legible” for wood-cutters, but that is a different problem.

знаменитой формулировке намерения «ограничить» / «приподнять», «отодвинуть» разум в первой «Критике» (В xxx; Кант, 2006, с. 33) и позднее использованное Гегелем. Мысль о том, что Кант, а не Гегель, и именно в «Опыте...», является первооткрывателем закона единства и борьбы противоположностей, уже высказывалась и обосновывалась (Протопопов, 1991) и заслуживает отдельного внимания.

Развитое Кантом различие логического противоречия и реальной противоположности имеет далеко идущие последствия. Если оно принимается, то бытие не сводится к строгому мышлению в ясных и отчетливых понятиях по универсальным принципам, оно не может быть полностью репрезентировано в мысли (либо, радикальнее, репрезентация вообще является лишь неудачной метафорой), предлагаемые жизнью задачи не решаются одним только вычислением. Признав внерациональность бытия, уходящего из-под диктата строгого знания, *scientia*, нам придется признать и легитимность нерационального, неформального и неколичественного мышления, метафор, нарративов, риторических фигур, неявного, встроенного, воплощенного познания. Все это существенно ограничивает надежды и претензии проекта науки раннего Нового времени и Просвещения, в том числе надежды на решение одними лишь рациональными средствами проблемы антагонистичности человеческой природы.

2.4. Антагонизм в человеческой истории

Только этот большой путь позволяет понять основания наиболее явного и развернутого определения антагонизма, данного Кантом в «Идее всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784):

Средство, которым природа пользуется для того, чтобы обеспечить развитие всех своих задатков, — это **антагонизм** между ними

It is worth noting that in speaking about overcoming the action of multi-directional forces Kant uses the word *aufheben*, which also occurs in the famously articulated intention to “limit” / “elevate”, or “shift”, or “deny” reason in the first *Critique* (KrV, B xxx) and was later used by Hegel. The idea that it was Kant and not Hegel who discovered the law of unity and conflict of opposites in “Attempt...” has been put forward (Protopopov, 1991) and merits attention.

Kant’s distinction of logical contradiction and real opposition has far-reaching consequences. If it is accepted, being is not reducible to rigorous thinking in clear-cut concepts according to universal principles and cannot be fully represented in thought (or, more radically, representation is only an infelicitous metaphor), and the tasks life springs on us cannot be solved by mere computation. Having conceded that being is extra-rational and defies the dictates of rigorous knowledge, *scientia*, one is forced to recognise the legitimacy of the non-rational, non-formal and non-quantitative thinking, of metaphors, narratives, rhetorical tropes, of embedded and embodied cognition. All this significantly limits the hopes and claims of the scientific project of the early modern period and the Enlightenment, including the hopes of solving the problem of the antagonism of human nature by rationalistic means alone.

2.4. Antagonism in Human History

Only this long journey enables us to understand the grounds of the most succinct and extended definition of antagonism which Kant gives in the “Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim” (1784):

в обществе, поскольку это в конце концов становится причиной его законосообразного порядка. Под антагонизмом я разумею здесь необщительную общительность людей, т.е. их склонность составлять общество (*in Gesellschaft zutreten*), которая, однако, связана с непрерывным сопротивлением, постоянно грозящим разъединить общество. Задатки этого явно заложены в человеческой природе (AA 08, S. 320; Кант, 2024а, с. 35).

«Человеческую природу» в этом определении невозможно правильно понять, не учитывая, что она является частью природы вообще, в которой повсеместны силы притяжения и отталкивания, которая априори мыслима только через антагонизм сил, обеспечивающих различие, движение, создание пространственной протяженности, в которой реальный антагонизм не сводится к логическому противоречию и не устраняется логическими средствами.

Здесь показателен контраст кантовского взгляда с ньютонианским. У ньютонианцев

социальная добродетель становится для человека «естественной», а антисоциальное поведение оказывается отклонением от нормы или «неестественным». Ньютоновская социальная идеология в первую очередь считала социальную греховность человека неестественной. Власть человека над материей ставит его в отношения с обществом, аналогичные отношениям Бога с внешним миром. Подобно тому, как божественная благодать регулирует ход природы и способствует всеобщему благу, человек также должен проявлять всеобщую социальную доброжелательность. Его способность регулировать ход вещей позволяет ему структурировать общество таким образом, чтобы его функционирование приводило к всеобщей гармонии (Jacob, 1976, p. 194–195).

Кант признаёт социальный антагонизм разновидностью действия природных сил притяжения и отталкивания, то есть реальной противоположности. Такой антагонизм оказывается не локальной особенностью, но проявлением

The means nature employs in order to bring about the development of all its predispositions is their *antagonism* in society, insofar as the latter is in the end the cause of their lawful order. Here I understand by ‘antagonism’ the unsociable sociability of human beings, i.e. their propensity to enter into society, which, however, is combined with a thoroughgoing resistance that constantly threatens to break up this society. The predisposition for this obviously lies in human nature (*laG*, AA 08, p. 320; Kant, 2007, p. 111).

In this definition “human nature” cannot be understood correctly without bearing in mind that it itself is part of nature in which the forces of attraction and repulsion are universal, which can *a priori* be thought only in terms of antagonism of forces that support difference, motion, extended space in which real antagonism is not confined to logical contradiction and cannot be removed by logical means.

The contrast between Kantian and Newtonian visions is revealing: With the Newtonians

[...] social virtue becomes “natural” to man, and antisocial behaviour renders him aberrant or “unnatural”. The Newtonian social ideology primarily deemed man’s social sinfulness unnatural. Man’s power over matter places him in a relationship with society analogous to God’s relationship with the universe. Just as the divine goodness regulates the course of nature and promotes the universal benefit of the whole, man must also engage in universal social benevolence. His power to regulate the course of things enables him to structure society such that its workings produce a universal harmony (Jacob, 1976, pp. 194-195).

Kant considers social antagonism to be an instance of the action of the natural forces of attraction and repulsion and of real opposition. Such antagonism is not a local peculiarity, but a manifestation of the way of arrangement of the

способа устройства вселенной, восходящего к априорному устройству разума. Подобно силе тяготения для Ньютона, для Канта антагонизм и не допускает, и не требует дальнейших объяснений. Однако ограничившись только этим пониманием, мы обнаруживаем себя в мире бессмысленных столкновений, наша история оказывается «рассказанной идиотом». Устройство разума требует рассматривать историю не только в физическом, но и в телеологическом плане, предполагая единство этих планов, пусть даже лежащее за пределами познаваемого. В телеологическом отношении антагонизм перестает быть абсурдом и обретает роль инструмента природы для побуждения человечества к выходу из несовершеннолетия и самостоятельному строительству всеобщего правового гражданского общества. Которое, следует добавить, само служит поддержанию и развитию этического сообщества.

В седьмом положении «Идеи...» Кант развивает проблему антагонизма в контексте международных отношений:

Та же необщительность, которая вынуждает людей его [общественное формирование] создавать, служит также причиной того, что каждое общественное формирование во внешних отношениях, т.е. как государство по отношению к другим государствам, пользуется неограниченной свободой и, следовательно, одно государство должно ожидать от другого тех же неприятностей, которые угнетали отдельных людей и вынуждали их вступать в законосообразное гражданское состояние. Природа, таким образом, вновь использовала неуживчивость людей, даже больших сообществ и государственных организмов этого рода существ как средство для того, чтобы в неустранимом антагонизме между ними найти состояние покоя и безопасности. Иными словами, посредством войн и чрезвычайно напряженной, никогда не ослабевающей подготовки к ним, посредством нужды, которая должна вследствие этого ощущаться в конечном счете внутри каждого государства даже в мирное время, природа побуждает сначала к

universe, traceable to the *a priori* structure of reason. Like the gravitation force with Newton, Kant's antagonism does not allow or demand further explanation. However, if we confine ourselves to this understanding, we find ourselves in a world of meaningless collisions and our history is "a tale told by an idiot". The structure of reason commands that we view history not only in the physical, but also in the teleological way, assuming the unity of these plans, even if it lies beyond the cognisable. Teleologically, antagonism ceases to be absurd and assumes the role of nature's instrument of awakening humanity, taking it out of its immaturity and inducing it to independently build a universal law-governed civil society. Which, it has to be added, itself serves to maintain and develop the ethical community.

In the seventh proposition of the "Idea..." Kant elaborates the problem of antagonism in the context of international relations:

The same unsociability that necessitated human beings to this is once again the cause of every commonwealth, in its external relation, i.e. as a state in reference to other states, standing in unbound freedom, and consequently of each having to expect from the other precisely the ills that pressured individual human beings and compelled them to enter into a lawful civil condition. Nature has therefore once again used the incompatibility of human beings, even of great societies and state bodies of this kind of creature as a means to seek out in their unavoidable antagonism a condition of tranquility and safety; i.e. through wars, through the overstrained and never ceasing process of armament for them, through the condition of need that due to this finally every state even in the midst of peace must feel internally, toward at first imperfect attempts, but finally after many devastations, reversals and even thoroughgoing exhaustion of their powers, nature drives them to what reason could have told them even without much sad experience: namely, to go beyond a lawless condition of savages and enter into a federation

несовершенным попыткам и наконец — после многих опустошений, разрушений и даже после полного внутреннего истощения их сил — к тому, что разум мог бы подсказать им и без столь большого печального опыта, а именно: выйти из незаконного состояния дикарей и вступить в союз народов, где каждое, даже самое малое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своей собственной силы или собственного правового суждения, но исключительно от этого великого союза народов (Foedus Amphictyonum), от объединенной силы и от решения по законам объединенной воли (AA 08, S. 24; Кант, 2024а, с. 39).

Кант продолжил эти размышления о международном антагонизме в вышедшем через одиннадцать лет трактате «К вечному миру» (1795). В природе он находит гарантию для своего политико-правового проекта вечного мира: природа, «великая искусница, сквозь механический ход которой просматривается очевидная целесообразность», позволяет «возникнуть согласию из разногласия между людьми даже против их воли...» (AA 08, S. 360; Кант, 2024б, с. 181). Стоит заметить, что Кант употребляет здесь термин *die Zwietracht*, который на русский язык можно перевести как «раздор». В «Споре факультетов» (1797) Кант специально проводит различие между антагонизмом и раздором: «...антагонизм, т.е. спор двух сторон, связанных друг с другом общностью конечной цели (*concordia discors, discordia concors*), — это не война, т.е. не распри, возникающие из противопоставления конечных целей *Моего* и *Твоего* ученых, которые, как и политическое *Мое* и *Твое*, состоят из *свободы* и *собственности*...» (AA 07, S. 35–36; Кант, 2024г, с. 279). Здесь важно, что антагонизм не сводится к раздору и войне. Они лишь половина антагонизма, частное проявление действия человеческих сил «отталкивания», образующих целое с силами «притяжения». Взятый сам по себе, раздор представляет «печальный» и бессмысленный опыт, и только понимание диалектического един-

of nations, where every state, even the smallest, could expect its security and rights not from its own might, or its own juridical judgment, but only from this great federation of nations (Foedus Amphictyonum), from a united might and from the decision in accordance with laws of its united will (*IaG*, AA 08, p. 24; Kant, 2007, p. 114).

Kant continued these reflections on international antagonism eleven years later in the treatise *Toward Perpetual Peace*. He finds in nature the guarantee for his political-legal project of perennial peace: “the great artist nature (*natura daedala rerum*) from whose mechanical course purposiveness shines forth visibly”, allows “concord to arise by means of the discord between human beings even against their will” (*ZeF*, AA 08, p. 360; Kant, 1996d, p. 331). It has to be noted that Kant here uses the term *die Zwietracht*, which translates into Russian as “discord”. In *The Conflict of the Faculties* (1797) Kant pointedly draws a distinction between antagonism and discord: “[...] this antagonism, that is, this *conflict* of two parties united in [their striving toward] one and the same final end (*concordia discors, discordia concors*), is not a *war*, that is, not a dispute arising from conflicting final aims regarding the *Mine* and *Thine* of learning” which, “like the political *Mine* and *Thine*, [...] consist[] in *freedom* and *property*” (*SF*, AA 07, pp. 35–36; Kant, 1996b, pp. 261–262). It is important that antagonism is not reduced to discord and war. These form only one half of antagonism, a particular manifestation of the action of human forces of “repulsion” which form a single whole with the forces of “attraction”. Taken by itself, discord is “regrettable” and meaningless experience, and only the understanding of the dialectical unity of antagonistic sides, often inaccessible to those involved, more easily discerned by disengaged spectators, makes it possible to open “a consoling prospect into

ства антагонистических сторон, возможно, недоступное участникам, но с меньшим трудом различаемое невовлеченными зрителями, позволяет открыть «утешительную перспективу грядущего (на которую нет основания надеяться, не предполагая плана природы)» (AA 08, S. 30; Кант, 2024а, с. 46).

Высказанная в «Идее...» и «К вечному миру» концепция антагонизма как «необщительной общительности» людей и народов, служащей установлению гражданско-правового состояния сначала внутри народов, а затем между государствами в целях создания условий для реализации задатков человечности в истории, встречается и в других работах философа (AA 08, S. 306; Кант, 2024в, с. 360; AA 06, S. 347; Кант, 2014, с. 407).

Заключение

Мы рассмотрели основные исторические вехи становления кантовского понятия антагонизма и его функции в разных разделах системы. Смысл и функции не исчерпываются наиболее известной «необщительной общительностью», тем более понимаемой как случайность, устранимая разумом. В первых физических работах 1750-х гг. Кант развивает догадку Ньютона о дуализме сил притяжения и отталкивания во всеобъемлющую спекулятивную гипотезу о происхождении и устройстве вселенной целиком из естественного действия базовых антагонистических сил. В «Опыте введения в философию понятия отрицательных величин» (1763) Кант обобщает физическую гипотезу до уровня метафизического принципа «реальной противоположности». Физическая динамика реальных противоположностей не совпадает с порядком логических рассуждений или вычислений и не сводится к выявлению и устранению логических противоречий. В 1772–1773 гг. термин «антагонизм» появляется в первых лекциях Канта по антропологии для объяснения работы мышц

the future (which without a plan of nature one cannot hope for with any ground)” (*IaG*, AA 08, p. 30; Кант, 2007, p. 119).

The concept of antagonism as “unsociable sociability” of people and nations articulated in the “*Idea...*” and *Toward Perpetual Peace* which serves to establish a civil-legal condition first within nations and then between states to create conditions for the realisation of human predispositions in history is enunciated in other works as well (*TP*, AA 08, p. 306; Кант, 1996а, p. 304; *MS*, AA 06, p. 347; Кант, 1996с, p. 485).

Conclusion

We have reviewed the historical landmarks of the evolution of the Kantian concept of antagonism and its functions in various parts of the system. The meaning and functions are not confined to the best known “unsociable sociability”, especially understood as an accident that can be remedied by reason. In the early physical works of the 1750s Kant develops Newton’s hypothesis about the dualism of the forces of attraction and repulsion into an all-embracing speculative hypothesis concerning the origin and order of the universe as a whole as the result of the natural action of the basic antagonistic forces. In the “*Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy*” (1763) Kant elevates the physical hypothesis to the level of metaphysical principle of “real opposition”. The physical dynamic of real oppositions does not coincide with the order of logical reflections or computations and is not confined to exposure and elimination of logical contradictions. The term “antagonism” first appears in 1772–1773 in Kant’s early lectures on anthropology to explain the work of muscles and bodily movements. In the early 1780s Kant brings these meanings into

и телесных движений. В начале 1780-х гг. Кант переносит эти смыслы в философию истории и политики для объяснения факта «необщительной общительности» людей и народов и представления антагонизма как движущей силы развития задатков человеческого рода. В это же время в «Метафизических началах естествознания» (1786) Кант исследует априорные условия возможности природы и естественной истории. Одним из таких условий является представление о движущейся и наполняющей пространство материи как о продукте действия сил отталкивания и притяжения. Кантовская докритическая гипотеза получает здесь трансцендентальное обоснование. Кант движется от гипотезы о естественном антагонизме сил к мысли о его сущностной внелогичности и затем к выведению априорного статуса антагонизма в познании природы.

Все эти шаги необходимы для понимания смысла «необщительной общительности» как проявления антагонизма в человеческой истории и политике. Во-первых, антагонизм повсеместен, поскольку человеческая история встроена во всеобщую естественную историю, в развитие вселенной. Во-вторых, он непреодолим, поскольку представление природы и ее истории как результата действия противоположных сил есть структурная, априорная необходимость, а не эмпирическая случайность. В-третьих, антагонизм не синонимичен необщительности, войне и раздору, которые составляют одну из его двух сторон, но обозначает единство и противоположность качественно различных сил, обозначает *также* общительность, мир и согласие. Сам по себе антагонизм не ложь и не моральное зло. Его морализация ведет лишь к углублению противостояния и препятствует пониманию и уравниванию интересов. Скачок от сложной реальной противоположности сил к ее неизбежно упрощенному логическому представлению в терминах противоречий рождает идеологию —

philosophy of history and politics to explain “unsociable sociability” of people and nations and represent antagonism as the driver of the development of the predispositions of the human race. At the same time, in *Metaphysical Foundations of Natural Science* (1786) Kant explores the *a priori* conditions of the possibility of nature and natural history. One such condition is the idea of matter which moves and fills space as a product of the forces of repulsion and attraction. This provides transcendental grounding of Kant’s pre-critical hypothesis. Kant moves from hypothesis on natural antagonism of forces to the idea that it is essentially outside logic and then proceeds to deduce an *a priori* status of antagonism in the cognition of nature.

All these steps are needed to understand the meaning of “unsociable sociability” as a manifestation of antagonism in human history and politics. First, antagonism is ubiquitous because human history is built into the total natural history, the development of the universe. Second, it is insuperable insofar as the representation of nature and its history as the result of opposing forces is a structural *a priori* necessity and not an empirical accident. Third, antagonism is not synonymous with unsociability, war and discord which constitute one of its sides, but signifies the unity and opposition of qualitatively different forces and *also* means sociability, peace and concord. Antagonism in itself is neither a falsity nor a moral evil. Its moralisation merely leads to the deepening of the confrontation and obstructs understanding and balancing of interests. The leap from complicated opposition between forces to its inevitably simplistic logical representation in terms of contradictions gives rise to ideology, i.e. orientation toward eliminating the antagonist as the source of the contradiction. And the claims of one of

и ориентацию на устранение антагониста как источника противоречия. А претензия одной из антагонистических сторон на статус носителя истины и воплощения полноты реализованных человеческих задатков, на кульминацию и завершение в своем лице человеческой истории препятствует разумному диалогу о противоположных интересах и разрушает области, в которых существует согласие. В-четвертых, действие антагонизма компенсируется и направляется, но не уничтожается рассуждением или логической делиберацией, он не уместается в дедуктивную систему понятий и принципов. Вместо окончательного фундаменталистского разрешения в *вечном* мире, антагонизм стабилизируется фаллибилистской инженерией сдержек и противовесов, балансом суверенных сил множества акторов, через постоянный разумный диалог, организующий и поддерживающий длящийся мир.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 25-28-00698 «Разработка кантианской концепции антагонизма и критика современных интерпретаций “вечного мира” в теории международных отношений». Страница проекта: <https://rscf.ru/project/25-28-00698/>.

Список литературы

Винокуров Е. Ю. Политическая философия Канта в современных философских дискуссиях о глобальном политическом устройстве : дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2001.

Дмитриева Н. А. Вечный мир И. Канта на рубеже веков и в период Первой мировой войны // Преподаватель XXI век. 2014. № 2 (1). С. 46–61.

Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба, или очерк о строении и механическом происхождении всей Вселенной, рассматриваемой в соответствии с началами Ньютона // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994а. Т. 1. С. 112–260.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994б. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Мысли об истинной оценке живых сил // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994в. Т. 1. С. 50–82.

the antagonistic sides to be the bearer of the truth and embodiment of all realised human predispositions, the culmination and crowning of human history is an obstacle to reasonable dialogue on opposing interests, destroying areas of concord. Fourth, the effect of antagonism is compensated for and directed but is not destroyed by reasoning or logical deliberation, it does not fit into the deductive system of concepts and principles. Instead of the final fundamentalist resolution in *eternal* peace antagonism is stabilised by fallibilistic engineering of checks and balances, equilibrium of sovereign forces of a multitude of actors, through constant reasonable dialogue which organises and supports *durable* peace.

Research supported by Russian Science Foundation, project № 25-28-00698 «Development of a Kantian Concept of Antagonism and Criticism of Modern Interpretations of ‘Perpetual Peace’ in Theory of International Relations», <https://rscf.ru/project/25-28-00698/>.

References

Brading, K. and Stan, M., 2024. *Philosophical Mechanics in the Age of Reason*. Oxford: Oxford University Press.

Dmitrieva, N. A., 2014. The “Perpetual Peace” of Immanuel Kant at the Turn of the Centuries and During the First World War. *Prepodavatel XXI vek*, 2/1, pp. 46–61. (In Rus.)

Eisler, R., 1930. *Kant-Lexikon: Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlass*. Hildesheim: Georg Olms.

Esteves, J., 2018. The Antagonism between Nature and Freedom in Kant’s Philosophy. In: V. L. Waibel, M. Ruffing and D. Wagner, eds. 2018. *Natur und Freiheit. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin: De Gruyter, pp. 1023–1030.

Ferguson, M., 2012. Unsocial Sociability: Perpetual Antagonism in Kant’s Political Thought. In: E. Ellis, ed. 2012. *Kant’s Political Theory*. University Park: Penn State University Press.

Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994г. Т. 2. С. 41–84.

Кант И. Физическая монадология // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994д. Т. 1. С. 313–332.

Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Первая часть. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон-Плюс, 2014. Т. 5, ч. 1.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024а. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 31–47.

Кант И. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024б. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 159–211.

Кант И. О поговорке: “может быть, это и верно в теории, но не годится для практики” // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024в. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 250–361.

Кант И. Спор факультетов // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой, А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024г. Т. 2 : Соч. по философии политики. С. 250–361.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть I // Вопросы философии. 2020а. № 5. С. 192–209.

Круглов А. Н. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть II // Вопросы философии. 2020б. № 6. С. 169–189.

Кутейников А. Е., Чалый В. А. Политические идеи И. Канта и современные теоретические концепции международной организации // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 185–194.

Кюн М. Кант. Биография. М. : ИД «Дело», 2021.

Лоро Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин. М. : Новое литературное обозрение, 2021.

Friedman, M., 1992. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Friedman, M., 2013. *Kant's Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press.

Henry, J., 2023. Newton's 'De Aere et Aethere' and the Introduction of Interparticulate Forces into His Physics. *Annals of Science*, 80(3), pp. 232-267.

Howard, S., 2021. Kant on the Fundamental Forces of Matter: Why Attraction and Repulsion? *Kantian Review*, 26(3), pp. 413–433.

Jacob, M. C., 1976. *The Newtonians and the English Revolution, 1689-1720*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

Kant, I., 1992a. *Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy*. Translated by D. Walford and R. Meerbote. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Edited and translated by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 203-242.

Kant, I., 1992b. *The Employment in Natural Philosophy of Metaphysics Combined with Geometry, of Which Sample I Contains the Physical Monadology*. Translated by D. Walford and R. Meerbote. In: I. Kant, 1992. *Theoretical Philosophy, 1755-1770*. Edited by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 47-66.

Kant, I., 1996a. *On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice*. Translated by M. J. Gregor. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 279-309.

Kant, I., 1996b. *The Conflict of the Faculties*. Translated by George di Giovanni. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Edited by A. W. Wood and G. Di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233-328.

Kant, I., 1996c. *The Metaphysics of Morals*. Translated by M. J. Gregor. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1996d. *Toward Perpetual Peace*. Translated by M. J. Gregor. In: I. Kant, 1996. *Practical Philosophy*. Edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 2002. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Translated by M. Friedman. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. E. Allison and P. Heath. Cambridge University Press, pp. 171-270.

Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М. : Наука, 1989.

Ньютон И. Оптика. М. : Наука, 1954.

Протопопов Ю. К. Докритический Кант о взаимоотношениях двух родов противоположностей // Кантовский сборник. 1991. № 16. С. 147–151.

Саликов А. Н. Кант и современная теория международных отношений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 12. С. 97–103.

Brading K., Stan M. *Philosophical Mechanics in the Age of Reason*. Oxford : Oxford University Press, Inc., 2024.

Eisler R. *Kant-Lexikon: Nachschlagewerk zu Kants sämtlichen Schriften, Briefen und handschriftlichem Nachlass*. Kant-Lexikon. Hildesheim ; Zurich ; N.Y. : G. Olms, 1930.

Esteves J. The Antagonism between Nature and Freedom in Kant's Philosophy // *Natur und Freiheit*. Akten des XII. Internationalen Kant-Kongresses / ed. by V. L. Waibel, M. Ruffing, D. Wagner. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2018. P. 1023–1030.

Ferguson M. *Unsocial Sociability: Perpetual Antagonism in Kant's Political Thought* // *Kant's Political Theory: Interpretations and Applications* / ed. by E. Ellis. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 2012. P. 150–169. <https://doi.org/10.1515/9780271059860-008>.

Friedman M. *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1992.

Friedman M. *Kant's Construction of Nature: A Reading of the Metaphysical Foundations of Natural Science*. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

Henry J. Newton's 'De Aere et Aethere' and the Introduction of Interparticulate Forces into His Physics // *Annals of Science*. 2023. Vol. 80, № 3. P. 232–267. <https://doi.org/10.1080/00033790.2023.2192721>.

Howard S. Kant on the Fundamental Forces of Matter: Why Attraction and Repulsion? // *Kantian Review*. 2021. Vol. 26, № 3. P. 413–433. <https://doi.org/10.1017/S1369415421000042>

Jacob M. C. *The Newtonians and the English Revolution, 1689–1720*. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1976.

Kant and the Sciences / ed. by E. Watkins. Oxford : Oxford University Press, 2001.

Kant-Lexikon / ed. by M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015.

Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. 2nd ed. L. : Verso, 2001.

Kant, I., 2007. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim. Translated by A. W. Wood. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöllner and R. B. Loudon. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kant, I., 2012a. *Thoughts on the True Estimation of Living Forces and Assessment of the Demonstrations That Leibniz and Other Scholars of Mechanics Have Made Use of in This Controversial Subject, Together with Some Prefatory Considerations Pertaining to the Force of Bodies in General*. Translated by J. B. Edwards and M. Schönfeld. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*. Edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-155.

Kant, I., 2012b. *Universal Natural History and Theory of the Heavens or Essay on the Constitution and the Mechanical Origin of the Whole Universe According to Newtonian Principles*. Translated by Olaf Reinhardt. In: I. Kant, 2012. *Natural Science*. Edited by E. Watkins. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 182-308.

Krouglov, A., 2020a. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part I. *Voprosy Filosofii*, 5, pp. 192-209. (In Rus.)

Krouglov, A., 2020b. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: The Look 75 Years after the Victory. Part II. *Voprosy Filosofii*, 6, pp. 169-189. (In Rus.)

Kuehn, M., 2001. *Kant: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kuteinikov, A. E. and Chaly, V., 2013. Kant's Political Ideas and Contemporary Theories of International Organization. In: A. N. Salikov, ed. 2013. *Kant's Project of Contemporary Peace in the Context of Current Politics*. Kaliningrad: IKBFU Press, pp. 185-194.

Laclau, E., and Mouffe, C., 2001. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. Second Edition*. New York: Verso.

Loraux, N., 2002. *The Divided City: On Memory and Forgetting in Ancient Athens*. New York: Zone Books.

Massimi, M., 2011. Kant's Dynamical Theory of Matter in 1755, and Its Debt to Speculative Newtonian Experimentalism. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*, 42(4), pp. 525-543.

McCloughan, M. J. B., 2003. *Kant's Theory of Progress*. London: University College London.

Newton, I., 1729. *The Mathematical Principles of Natural Philosophy*. Edited by J. Machin. Translated by A. Motte. Vol. 1. London: B. Motte.

Newton, I., 1756. *Four Letters from Sir Isaac Newton to Doctor Bentley: Containing Some Arguments in Proof of a Deity*. London: R. and J. Dodsley.

Massimi M. Kant's dynamical theory of matter in 1755, and its debt to speculative Newtonian experimentalism // *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*. 2011. Vol. 42, № 4. P. 525–543. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2011.09.008>.

McCloughan M. J. B. Kant's Theory of Progress. L. : University College London, 2003.

Newton I. Four Letters from Sir Isaac Newton to Doctor Bentley: Containing Some Arguments in Proof of a Deity. L. : R. and J. Dodsley, 1756.

Newton I. De aere et aethere // *Unpublished Scientific Papers of Isaac Newton*. Cambridge : Cambridge University Press, 1978. P. 214–228.

Pozzo R. Kant e Weitenkampf: Una fonte ignorata dell'*Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels* e della prima antinomia della ragion pura // *Rivista di Storia della Filosofia*. 1993. Vol. 48, № 2. P. 283–323.

Ripstein A. Kant and the Law of War. Oxford : Oxford University Press, 2021.

Schönfeld M. The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project. N.Y. : Oxford University Press, 2000.

Schönfeld M., Thompson M. Kant's Philosophical Development // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2014. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/kant-development/> (дата обращения: 20.02.2025).

Scott J. C. Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven ; L. : Yale University* Press, 1998.

Siemens H. Nietzsche and Kant as Thinkers of Antagonism: Towards a Philosophy of Conflict. Nietzsche and Kant as Thinkers of Antagonism. L. : Bloomsbury Academic, 2024.

Stan M. Kant's Natural Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2025.

Warren D. Kant on Attractive and Repulsive Force : The Balancing Argument // *Discourse on a New Method: Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science* / ed. by M. Domski, M. Dickson. Chicago ; La Salle : Open Court, 2010. P. 193–241.

Watkins E. The early Kant's (anti-) Newtonianism // *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*. 2013. Vol. 44, № 3. P. 429–437. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2012.10.015>.

Williams H. Kant's Political Philosophy. Oxford : Basil Blackwell, 1983.

Newton, I., 1978. De Aere et Aethere. In: I. Newton, 1978. *Unpublished Scientific Papers of Isaac Newton*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 214–228.

Newton, I., 1979. *Opticks: Or a Treatise of the Reflections, Refractions, Inflections & Colours of Light-Based on the Fourth Edition London, 1730*. New York: Dover Publications.

Pozzo, R., 1993. Kant e Weitenkampf: Una fonte ignorata dell'*Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels* e della prima antinomia della ragion pura. *Rivista di Storia della Filosofia*, 48(2), pp. 283–323.

Protopopov, Y., 1991. Precritical Kant on the Relations between the Two Kinds of Opposites. *Kantian Journal*, 1(16), pp. 147–151. (In Rus.)

Ripstein, A., 2021. *Kant and the Law of War*. Oxford: Oxford University Press.

Salikov, A. N., 2013. Kant and Contemporary Theory of International Relations. *Vestnik IKBFU*, 12(12), pp. 97–103. (In Rus.)

Schönfeld, M. and Thompson, M., 2014. Kant's Philosophical Development. In: E. N. Zalta, ed. 2014. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Winter 2014. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2014/entries/kant-development/> (Accessed 20.02.2025).

Schönfeld, M., 2000. *The Philosophy of the Young Kant: The Precritical Project*. Oxford: Oxford University Press.

Scott, J. C., 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press.

Siemens, H., 2024. *Nietzsche and Kant as Thinkers of Antagonism: Towards a Philosophy of Conflict*. London: Bloomsbury Academic.

Stan, M., 2025. *Kant's Natural Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vinokurov, E. Yu., 2001. Kant's Political Philosophy in Contemporary Philosophical Discussions on Global Political Order. *Dissertation*. Kaliningrad: Kaliningrad University. (In Rus.)

Warren, D., 2010. Kant on Attractive and Repulsive Force: The Balancing Argument. In: M. Friedman, M. Domski, and M. Dickson, eds. 2010. *Discourse on a New Method: Reinvigorating the Marriage of History and Philosophy of Science*. Chicago: Open Court, pp. 193–241.

Watkins, E., ed. 2001. *Kant and the Sciences*. Oxford: Oxford University Press.

Watkins, E., 2013. The Early Kant's (Anti-) Newtonianism. *Studies in History and Philosophy of Science, Part A*, 44(3), pp. 429–437.

* Деятельность организации признана нежелательной на территории РФ.

Williams H. Kant's Optimism in his Social and Political Theory // *Essays on Kant's Political Philosophy* / ed. by H. Williams. Chicago : University of Chicago Press, 1992. P. 1–14.

Wood A. W. Unsociable Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics // *Philosophical Topics*. 1991. Vol. 19, № 1. P. 325–351.

Об авторах

Вадим Александрович **Чалый**, доктор философских наук, профессор, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Дарья Андреевна **Козлова**, политологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: Daryak.msu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8201-3145>

Дмитрий Павлович **Жуков**, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: zhukovdp@my.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7680-6907>

Для цитирования:

Чалый В. А., Козлова Д. А., Жуков Д. П. Смысл и функции понятия антагонизма в философии Канта // *Кантовский сборник*. 2026. Т. 45, № 1. С. 7–39.
<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-1>

© Чалый В. А., Козлова Д. А., Жуков Д. П., 2026.

Willaschek, M., Stolzenberg, J., Mohr, G., and Bacin, S., eds. 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin: De Gruyter.

Williams, H., 1983. *Kant's Political Philosophy*. London: Basil Blackwell.

Williams, H., 1992. Kant's Optimism in His Social and Political Theory. In: H. Williams, ed. 1992. *Essays on Kant's Political Philosophy*. Chicago: University of Chicago Press.

Wood, A. W., 1991. Unsociable Sociability: The Anthropological Basis of Kantian Ethics. *Philosophical Topics*, 19(1), pp. 325-351.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The authors

Prof. Dr Vadim A. **Chaly**, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: vadim.chaly@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7570-3382>

Darya A. **Kozlova**, Faculty of Political Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: Daryak.msu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-8201-3145>

Dmitry P. **Zhukov**, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: zhukovdp@my.msu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7680-6907>

To cite this article:

Chaly, V. A., Kozlova, D. A. and Zhukov, D. P., 2026. The Meaning and Function of the Concept of Antagonism in Kant's Philosophy. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 7-39.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-1>

© Chaly V. A., Kozlova D. A., Zhukov D. P., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 1(091):160.1

ФОРМАЛЬНАЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ЛОГИКА У КАНТА И ГЕГЕЛЯ

Э. Фикара¹

В §26 «Критики чистого разума» Кант называет раздел «Руководство» «Трансцендентальной аналитики» (А 67 – 79 / В 91 – 106) «метафизической дедукцией» (МД). МД – краткий, но при этом фундаментальный (и в известной степени загадочный) фрагмент. Современные исследования проводят детальные реконструкции МД, проливающие свет на ряд сложных экзегетических вопросов, активно обсуждаемых как в классической, так и в новейшей рецепции МД. Я предлагаю сделать шаг назад и обратиться к общему контексту МД, ее метафилософским и металогическим аспектами. Я полагаю, что здесь возникает вопрос, также находящийся в центре внимания гегелевского прочтения соответствующих кантовских фрагментов, – вопрос о роли «формальной логики» в философии и становлении философской логики. Я начинаю статью с рассмотрения полемики по поводу влияния кантовского учения о логике на историю логики. Далее анализирую представленную в «Науке логики» гегелевскую интерпретацию кантовских рассуждений о формальной логике и истине (А 57 – 60 / В 82 – 84; Кант, 2006, с. 145). В завершение я даю критическую оценку гегелевской критики предполагаемого кантовского «формализма». Несмотря на то что Гегель упрекает Канта в антиалетической трактовке форм суждений и категориальных форм, я показываю, что Кант фактически предпринимает важный шаг по переосмыслению и пересмотру статуса традиционной логики и тем самым закладывает основания философской логики.

Ключевые слова: формальная логика, трансцендентальная логика, философская логика, Кант, Гегель, дедукция категорий

¹ Университет Падерборна, Германия, 33098, Падерборн, Варбургер-штрассе, д. 100. Поступило в редакцию: 22.07.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-2

FORMAL LOGIC AND PHILOSOPHICAL LOGIC IN KANT AND HEGEL

E. Ficara¹

In § 26 of the Critique of Pure Reason, Kant calls the “Leitfaden” section of the Transcendental Analytic (A 67-79 / B 91-106) “metaphysical deduction” (MD). The MD is a relatively short, but fundamental (and somewhat enigmatic) passage. While contemporary contributions offer detailed reconstructions of the MD, which also help to settle a series of thorny exegetic questions much debated in MD’s classic and current reception, I propose to take a step back and ask about the general setting of the MD, and about its metaphilosophical and metalogical implications. I believe that the question of the role of “formal logic” in philosophy, and in the establishment of a philosophical logic (something which was at the heart of Hegel’s interests in reading these Kantian passages), is at stake here. I begin the paper by examining some controversies concerning the question of the contribution of Kant’s thinking about logic to the history of logic. I then turn to Hegel’s reading of Kant’s thoughts about formal logic and truth (A 57-60 / B 82-84) in the Science of Logic. I conclude by critically assessing Hegel’s critique of Kant’s supposed “formalism”. While Hegel laments Kant’s anti-alethic treatment of the forms of judgement and of the categorial forms, I show how Kant accomplishes, in fact, an important operation of repositioning and rethinking traditional logic; and, in so doing, makes a crucial step towards the establishment of a philosophical logic.

Keywords: formal logic, transcendental logic, philosophical logic, Kant, Hegel, deduction of categories

¹ Paderborn University.
Warburger Str. 100, Paderborn, 33098, Germany.
Received: 22.07.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-2

Введение

В традиционной, континентальной и аналитической философии словосочетание «философская логика» используется для обозначения различных типов подходов. Дисциплина, именуемая в современной философии «философской логикой», носит аналитический характер, будучи укорененной в логике Г. Фреге и Б. Рассела (D'Agostini, 2001, p. 350, 352–353)². Однако в нынешней аналитической философии нет единого устоявшегося значения термина «философская логика», и в данном анализе я придерживаюсь традиционного его понимания³, согласно которому философская логика — это «наука о формах истины»⁴. Гегель ввел словосочетание «философская логика» в философский оборот (Гегель, 1990, с. 61), обозначив им единую научную логику, оперирующую формами истины. Кант же считал свою трансцендентальную аналитику «логикой истины» (*Logik der Wahrheit*) (A 62 / B 87; Кант, 2006, с. 151).

² Вслед за Расселом (Russell, 2009, p. 34–35) современные исследователи (Sainsbury, 2001, p. 1; Handbook..., 2007, p. 1; Cook, 2009, p. 221) определяют философскую логику как попытку формализации естественного языка, которая может осуществляться посредством построения математических моделей или в определенной степени идеализированных языков. Согласно Д. Коницу и Л. Эстраде-Гонсалесу, философские логики представляют собой «математические теории с некоторой заданной интерпретацией и областью применения» (Cohnitz, Estrada-González, 2019, p. 2).

³ Рассмотрение многочисленных значений термина «философская логика» в его современном употреблении выходит за рамки данной статьи. Обсуждение современных концепций философской логики в сопоставлении с традиционной концепцией см.: (Ficara, 2021).

⁴ В 1897 г. Фреге определил логику как «науку о наиболее общих законах... истины» (Фреге, 2000, с. 307). Он писал: «логические законы — это не что иное, как раскрытие содержания слова “истинно”. Тот, кто не постиг значения этого слова во всем его своеобразии, тот не может понять и задачу, стоящую перед логикой» (Там же, с. 288). Об алетическом понимании логики см.: (D'Agostini, 2011, p. 115–127) и об этом же, но в контексте традиционной философской логики, см.: (Ficara, 2021).

Introduction

The expression “philosophical logic” is used in traditional philosophy, continental philosophy, and analytic philosophy to designate different kinds of approach. The discipline that, in contemporary philosophy, is called “philosophical logic” is “analytical” — it is rooted in Frege-Russell logic (D'Agostini 2001, p. 350 and pp. 352-353).² But there is no single meaning of “philosophical logic” in today's analytic philosophy. In my analysis, I assume a traditional notion of “philosophical logic”.³ According to this, philosophical logic is “the science of the forms of truth”.⁴ Hegel (2001, p. 22) introduced the expression “philosophical logic” into philosophical terminology to designate his unified scientific logic as concerned with the forms of truth. For Kant, his Transcendental Analytic is a *Logik der Wahrheit* (*KrV*, A 62 / B 87; Kant 1998, p. 199).

In what follows, I begin by examining some controversies concerning the question of the contribution of Kant's thinking about logic to the history of logic. Then, after a clarification of Kant's notion of “formal” or “general” logic,

² Following Russell (2009, pp. 34-35), contemporary authors (Sainsbury 2001, p. 1; Jaquette, 2007, p. 1; Cook, 2009, p. 221) define “philosophical logic” as the attempt to formalise natural language, which might be performed by constructing mathematical models or more or less idealized languages. For Daniel Cohnitz and Luis Estrada-González (2019, p. 2), philosophical logics are “mathematical theories with a specific intended interpretation and application”.

³ A presentation of the many acceptations of “philosophical logic” today would go beyond the scope of this paper. For a discussion of contemporary conceptions of philosophical logic vis à vis the traditional conception, see Ficara (2021).

⁴ In 1897 (now in Frege, 1979, p. 3), Frege defines logic as “the science of the most general laws of truth”. He writes “the laws of logic are nothing else than an unfolding of the content of the word ‘true’ [...]. Anyone who has failed to grasp the meaning of this word [...] cannot attain to any clear idea of what the task of logic is”. For the alethic account of logic, see D'Agostini (2011, pp. 115-127); and, in relation to traditional philosophical logic, Ficara (2021).

Ниже я проанализирую полемику о влиянии кантовских размышлений о логике на историю логики. Затем, после уточнения кантовского понимания «формальной», или «общей» логики, я обращаюсь к толкованию Гегелем кантовских рассуждений о формальной логике и истине (A 57–60 / B 82–84; Кант, 2006, с. 145–146) в «Науке логики». В заключение я предложу критическую оценку гегелевской критики предполагаемого кантовского «формализма». Несмотря на то что Гегель усматривает у Канта антиалетическое обращение с формами суждений и с категориальными формами, я покажу, как Кант посредством метафизической дедукции (далее — МД) (A 67–79 / B 91–106; Кант, 2006, с. 235) (в рамках интерпретации, опирающейся на ряд положений, выделенных Т. Хёппнером (см.: Ноерпнер, 2021)) предпринимает важный шаг по переосмыслению и пересмотру статуса традиционной логики и тем самым закладывает основания философской логики.

1. Кант в истории логики

Характер кантовского вклада в историю и философию логики остается не вполне очевидным. Первое затруднение связано с самим термином «формальная логика», введенным в логико-философский оборот Кантом (A 131 / B 170; Кант, 2006, с. 247; ср.: Scholz, 1931), но часто используемым и для обозначения логики, связываемой с именами Дж. Буля, Г. Фреге и Б. Рассела, с которой, по мнению многих авторов (в частности, Дж. Тонелли (Tonelli, 1994, p. 2)), «кантовская формальная логика не имеет ничего общего»⁵. Кроме того, согласно более

⁵ Что именно подразумевается сегодня под «формальной логикой» — предмет многочисленных дискуссий. К. Дютиль Новаэс выделяет два основных значения прилагательного «формальный» в словосочетании «формальная логика»: «относящийся к формам» и «относящийся к правилам», приводя пять интерпретаций первого из них (Dutilh Novaes, 2011, p. 306). Р. Т. Кук сводит значения «формального» к двум: «формальный» как «относящийся к структу-

I turn to Hegel's reading of Kant's thoughts about formal logic and truth (KrV, A 57-60 / B 82-84; Kant, 1998, p. 197) in the *Science of Logic*. I conclude by critically assessing Hegel's critique of Kant's supposed "formalism". While Hegel laments Kant's anti-alethic treatment of the forms of judgement and of the categorial forms, I show how Kant, with his "metaphysical deduction" (further elsewhere: MD) (KrV, A 67-79 / B 91-106; Kant, 1998, pp. 204-212) (on an interpretation that relies on some points stressed by Till Hoeppner (2021)), accomplishes, in fact, an important operation of repositioning and rethinking traditional logic; and, in so doing, makes a crucial step towards the establishment of a philosophical logic.

1. Kant within the History of Logic

The nature of the Kantian contribution to the history and philosophy of logic is not completely clear. A first problem concerns the very expression "formal logic", introduced into logical and philosophical terminology by Kant (KrV, A 131 / B 170; Kant, 1998, p. 267; cf. Scholz, 1931), but also often used to refer to the logic founded by George Boole, Gottlob Frege and Bertrand Russell — with which, according to many authors (among others Giorgio Tonelli, 1994, p. 2) "Kant's formal logic has nothing to do".⁵ Furthermore, according to an "older"

⁵ What exactly is meant by "formal logic" today is the topic of many debates. Catarina Dutilh Novaes (2011, p. 306) distinguishes between two basic meanings of the adjective "formal" in the expression "formal logic": formal as pertaining to forms, and formal as pertaining to rules, whereby she individuates five acceptations of the first meaning. Roy T. Cook (2009, p. 177) reduces the different meanings of "formal" to two: "formal" as "pertaining to the structure of sentences or arguments" and "symbolic". Stephen Read (1995, p. 61) underlines that the use of "formal" as a synonym of "symbolic", though common, is inappropriate. Logic is formal when

ранней историографии логики, Кант оказал на дисциплину губительное воздействие. Например, Дж. Венн считал, что своей трансцендентальной логикой Кант внес в логику сумбур, сведя на нет достижения Аристотеля и Лейбница (Venn, 1971). По мнению М. Нил и У. К. Нила, именно Кант положил начало пагубному подходу к логике как «смеси эпистемологии и метафизики» (Kneale, Kneale, 1975, p. 10), характерной для немецкого идеализма. К. Б. Бойер выделяет три этапа в истории логики: «1) греческую логику, 2) схоластическую логику и 3) математическую логику» (Boyer, 1968, p. 633), полностью игнорируя Канта. Кроме того, достаточно распространено представление о том, что интерес к логическим исчислениям угас к концу XVIII в. именно под влиянием Канта⁶. Наконец, кантовское утверждение, что «со времени Аристотеля [логика] не позволила себе сделать ни шагу назад» и «до сих пор не смогла сделать ни шагу вперед», а следовательно, «кажется наукой вполне законченной и завершенной» (В VIII; Кант, 2006, с. 9), традиционно считается неверным (Seeböhm, 1995, p. 576)⁷.

ре предложений или аргументов» и как «символический» (Cook, 2009, p. 177). С. Рид указывает, что часто встречающееся использование слова «формальный» в значении «символический» некорректно (Read, 1995, p. 61). Логика формальна тогда, когда она использует буквенные символы для представления формальной структуры аргументов, оставляя на месте только логические выражения (логические константы), а символической она становится тогда, когда эти логические константы выражаются символами (Ibid.). Согласно Ч. С. Пирсу, формальная логика — это «тот вид логики, который оказал наиболее значительное влияние на цивилизацию», и ее следует понимать как «науку, анализирующую метод» (Peirce, 1989, p. 509—510). В этой трактовке логика Канта представляется в большей степени формальной, чем античная и средневековая силлогистическая логика (Ibid., p. 508).

⁶ См. главу 11 в работе (Capozzi, Roncaglia, 2009). Ее авторы утверждают, что данная точка зрения, несмотря на ее распространенность, является ошибочной.

⁷ И. Лемански (Lemanski, 2023) показывает, что кантовский тезис о логике, изложенный в «Критике чистого разума» (В VIII), зачастую понимается неверно. Согласно Лемански, данное высказывание не относится к истории логики и должно рассматриваться в более широком метафилософском и метанаучном

historiography of logic, Kant had a disastrous effect on the discipline. For John Venn (1971), with his transcendental logic, Kant introduced confusion, destroying the achievements in logic of Aristotle or Leibniz. For Martha Kneale and William Calvert Kneale (1975, p. 10), with Kant began the deleterious way of practising logic as “a mixture of epistemology and metaphysics”, which was typical of German Idealism. Carl B. Boyer (1968, p. 633) divides the history of logic into three stages: “(1) Greek logic, (2) Scholastic logic, and (3) mathematical logic”, thus completely bypassing Kant. In addition, it is a relatively common view that, due to the influence exerted on logic by Kant, interest for logical calculi vanished at the end of the eighteenth century.⁶ Finally, Kant’s statement that “since the time of Aristotle [logic] has not had to go a single step backwards” and “until now it has also been unable to take a single step forward” thus “[it] seems to all appearance to be finished and complete” (*KrV*, В VIII; Kant, 1998, p. 106) is usually declared false (Seeböhm, 1995, p. 576).⁷

it uses schematic letters to identify the formal structure of arguments leaving only the logical expressions (logical constants) in place; it is symbolic when those logical constants are expressed by symbols (*ibid.*). For Charles Sanders Peirce (1989, pp. 509-510) formal logic is “the kind of logic that has exercised the most important influence upon civilization”, and is to be understood as “the science which analyses method”. In this acceptation, the logic of Kant is “more purely formal logic” than the ancient and medieval syllogistic logic (*ibid.*, p. 508).

⁶ See chapter 11 in Capozzi and Roncaglia (2009). They argue that this view, although common, is false.

⁷ Jens Lemanski (2023) shows that misunderstandings abound on Kant’s thesis on logic in *KrV*, В VIII. For Lemanski, the statement does not concern the history of logic but is to be read in a broader meta-philosophical and meta-scientific context. In this light, it is evident that Kant did not intend to offer a diagnosis pertaining to the history of logic, but was interested in highlighting the solidity of logic as the paradigm of the new science he himself was shaping with the *KrV*. As a matter of fact, the *KrV* is “drenched in formal logic” (Santozki, 2006, quoted by Lemanski, 2023, p. 243).

Эти интерпретации пересматриваются в недавних исследованиях. Как отмечают М. Капоцци и Дж. Ронкалья, Кант освободил формальную логику от экстралогических (психологических) соображений, способствуя тем самым становлению дисциплины, в которую позже внесли значительный вклад Фреге, Рассел и Буль (Capozzi, Roncaglia, 2009, p. 143). Согласно реконструкциям, предлагаемым в ряде новаторских публикаций⁸, *корпус логических работ* Канта, а также иные его тексты и корреспонденция убедительно демонстрируют, что он был хорошо знаком с комбинаторным исчислением и модусами силлогизма, а также использовал диаграммы Л. Эйлера для обозначения понятий, суждений и силлогизмов (Lemanski, 2024). Кант оперировал линейными диаграммами И. Г. Ламберта, с которым состоял в переписке, был знаком с работами И. А. фон Зегнера и Г. Плокке⁹ и способствовал широкому распространению посмертных работ Ламберта, также посвященных алгебраическому исчислению (Capozzi, Roncaglia, 2009, p. 146). Следовательно, утверждение, приведенное в «Критике чистого разума» (В VIII), не может считаться однозначным ложным. Скорее, стоит указать на то, что Кант усматривал возможность для закрытой системы «расти внутренне (per intus susceptionem), но не внешне (per appositionem) — в отличие от тела живот-

контексте. В этой точки зрения становится очевидно, что Кант не стремился поставить диагноз истории логики. Он стремился подчеркнуть устойчивость логики как парадигмы новой науки, сформированной им самим в «Критике чистого разума». Действительно, «Критика чистого разума» «насквозь пронизана формальной логикой» (Santozki, 2006, цит. по: Lemanski, 2023, p. 243).

⁸ Поскольку литература, посвященная вкладу Канта в «формальную логику», сравнительно обширна и количество таких публикаций увеличивается экспоненциально, здесь будут даны ссылки лишь на несколько наиболее заметных работ, выпавших в недавнее время (см.: Capozzi, Roncaglia, 2009; Achourioti, van Lambalgen, 2011; Béziau et al., 2024; Lapointe, 2019).

⁹ О Зегнере см. «Логику Филиппи» (AA 24, S. 488). О Плокке см.: (Kant, 1889, S. 54). Автор выражает благодарность анонимному рецензенту, указавшему на эти два фрагмента из кантовских лекций по логике.

More recent research is concerned with a revision of these accounts. As Mirella Capozzi and Gino Roncaglia (2009, p. 143) acknowledge, Kant freed formal logic from extra-logical (psychological) considerations, thus contributing to shaping the discipline later developed by Frege, Russell and Boole. Furthermore, as many groundbreaking works reconstruct,⁸ Kant's *logic-corpus*, as well as his works and correspondence, provide evidence that he was well acquainted with the combinatorial calculus of syllogistic moods; that he used Leonhard Euler's diagrams to designate concepts, judgments and syllogisms (Lemanski, 2024); that he knew the linear diagrams of Johann Heinrich Lambert, with whom he corresponded; that he knew Johann Andreas von Segner's and Gottfried Ploucquet's works;⁹ and that he actively promoted the diffusion of Lambert's posthumous works, which were also concerned with algebraic calculus (Capozzi and Roncaglia, 2009, p. 146). In this light, the statement in *KrV*, B VIII cannot be seen as straight-out false. Rather, it must be pointed out that Kant "envisaged the possibility, for a closed system, of growing 'from within', on a par with living organisms that grow with no addition of new parts (*KrV*, A 832 / B 860; Kant 1998, p. 691). If this applies to logic one could say that some growth in logic is possible, although within the boundaries of a systematic structure" (Capozzi and Roncaglia, 2009, p. 144).

⁸ Since the literature on Kant's contribution to "formal logic" is relatively extensive and is exponentially growing, I limit myself here to quoting only a few, recent representative works: Capozzi and Roncaglia (2009), Achourioti and van Lambalgen (2011), Lemanski, Kovak and Béziau (2024), Lapointe (2019).

⁹ On Segner, see *V-Lo/Philippi*, AA 24, p. 488. On Ploucquet, see Kant (1889, p. 54). Thank you to an anonymous referee for suggesting these two passages from Kant's lectures on logic.

ного, рост которого состоит не в присоединении новых членов» (А 832 / В 860; Кант, 2006, с. 1043; пер. уточнен. — *Ред.*). Применительно к логике это означает, что существует возможность некоторого роста и в ней, но лишь в пределах системной структуры (Capozzi, Roncaglia, 2009, p. 144).

Несмотря на фундаментальное значение последних исследований для оценки вклада Канта в историю логики, сохраняется некоторая неясность в вопросе соотношения формальной и трансцендентальной логики. В части публикаций проводится четкое разграничение формальной и трансцендентальной логики, в других формальная логика интерпретируется через противопоставление трансцендентальной логике, а также метафизическим и онтологическим соображениям. Согласно Капоцци и Ронкалье, «у Канта существовала определенная концепция общей логики, которую он пытался изолировать от собственной трансцендентальной философии», а «в своем понимании логики Кант попросту устранил онтологическое основание логики, к разочарованию многих его современников и более поздних философов-идеалистов» (*Ibid.*). Однако с учетом того, что Кант рассматривает формальную логику в рамках трансцендентальной философии, что особенно отчетливо проявляется в МД, а также ввиду решающей роли метафизики в обосновании трансцендентальной логики подобные интерпретации представляются недостаточными.

Если рассмотреть кантовское различие формальной и трансцендентальной логики с точки зрения истории его рецепции (*Wirkungsgeschichte*) (D'Agostini, 2000; Stelzner, Kreiser, 2004), обнаруживается его решающая роль в возникновении «философской логики»¹⁰. Об этом пишут В. Штельцнер и Л. Край-

Even if recent works are fundamental for clarifying the importance of Kant's contribution to the history of logic, a certain confusion concerning the role of the relation between formal and transcendental logic persists. One tendency is to stress the neat separation of formal from transcendental logic, or to interpret formal logic in oppositional terms with respect to transcendental logic, as well as metaphysical and ontological considerations. For Capozzi and Roncaglia, "Kant had a definite concept of general logic, which he tried to free from his own transcendental philosophy" and "with his idea of logic, Kant simply suppressed the foundation of logic on ontology, to the dismay of many of his contemporaries and later idealist philosophers" (*ibid.*). Yet, in light of Kant's treatment of formal logic within transcendental philosophy, which is especially evident in the MD, and of the crucial role of metaphysics for the Kantian foundation of a transcendental logic, these accounts seem to fall short.

If viewed from the perspective of its *Wirkungsgeschichte* (D'Agostini, 2000; Stelzner and Kreiser, 2004) the Kantian distinction between formal and transcendental logic proves to be decisive for the birth of "philosophical logic".¹⁰ Werner Stelzner and Lothar Kreiser (2004, p. 28) stress this point, but claim that Kant's distinction between formal and transcendental logic leads to a meaning of "philosophical logic" as opposed to "formal logic". Franca D'Agostini (2000, p. 94) reads Kant's observation in B VIII on the "completion" of formal logic in the Preface to the *Critique of Pure Reason's* second edition as a first announcement of the birth of a philosophical logic distinct from formal logic, whereby she stresses how the "logic" discussed

¹⁰ Словосочетание «философская логика» неоднозначно. Я определила значение этого термина на основе анализа, предложенного мной в предыдущем разделе.

¹⁰ The expression "philosophical logic" is ambiguous. I have specified the meaning of "philosophical logic" at the basis of my analysis in the previous section.

зер, утверждая, что кантовское различие формальной и трансцендентальной логики ведет к «философской логике» в значении противоположности «формальной логике» (Stelzner, Kreiser, 2004, S. 28). Ф. Д'Агостини усматривает в кантовском замечании о «завершенности» логики из предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» (В VIII) первое предвестие рождения философской логики, отличной от формальной (D'Agostini, 2000, p. 94). При этом она подчеркивает, что «логика», рассматриваемая в более поздних философских работах, «зачастую (и порой неявно) оказывается скомпрометированной кантовским решением, т.е. рождением трансцендентальной логики, призванной отличаться (но неизвестно как и в какой степени) от теории силлогизма Аристотеля и *lingua characteristica*¹¹ Лейбница» (Ibid.). В целом вопрос о степени и модальности кантовского различия «формальной» и трансцендентальной логики остается дискуссионным даже среди кантоведов (Wolff, 1984, S. 188).

В данном контексте я согласна с выводом Р. Штульмана-Лайсса, что формальная логика — неотъемлемая часть трансцендентальной философии (Stuhlmann-Laeisz, 1976, S. 116) (хотя Штульман-Лайсс не рассматривает историю рецепции этого различия и не углубляется в проблему возникновения «философской логики»). Точнее, я полагаю, что еще одна попытка прочтения МД может способствовать подтверждению тезиса о происхождении философской логики из объединения формальной и трансцендентальной логики. Такой подход очевидным образом восходит к Гегелю, который впервые использовал выражение «философская логика» для обозначения единой научной логики, оперирующей формами истины (Гегель, 1990, с. 61). Он рассматривал свою философскую логику как логику расширенную, включающую в себя «формальную» (или «интеллектуальную») логику, хотя и посредством критики последней (см.: Nuzzo,

by the subsequent philosophy “is often (although often inexplicitly) compromised by the Kantian decision, i.e. by the birth of a transcendental logic, which is supposed to be distinct (but nobody knows how much and how distinct) from Aristotle’s theory of the syllogism and from Leibniz’s *lingua characteristica*”. As a matter of fact, the question of the grade and modalities of the Kantian distinction between formal and transcendental logic is, even among Kant scholars, still controversial (Wolff, 1984, p. 188).

In this context, I agree with Rainer Stuhlmann-Laeisz (1976, p. 116): formal logic is part and parcel of transcendental philosophy (although Stuhlmann-Laeisz does not examine the *Wirkungsgeschichte* of the distinction and does not deepen the question of the birth of “philosophical logic”). More specifically, I think that re-reading the MD is useful for settling the matter in favour of the thesis that philosophical logic is born of the unification of formal and transcendental logic. This approach is openly influenced by Hegel. Hegel was, in fact, the first who used the expression “philosophical logic”, in designating his unified scientific logic as concerned with the forms of truth (Hegel, 2001, p. 22); and he conceived his philosophical logic as an extended logic, which includes (although via a critique of it) “formal” or “intellectual” logic (cf. Nuzzo, 2023). Although my account is interested in showing that the Kantian approach to logic is preparation for the Hegelian recapture of “formal logic” in philosophical logic, Hegel would not agree with my exegetical hypothesis. For Hegel, Kant presented a notion of forms as unable to lead to truth, as “only forms” (“*Nur Formen*”) and “only an Only” (“*nur ein Nur*”), and, in so doing, weakened the role of the formal dimension in philosophy.

¹¹ «Универсальный язык» (лат.). — Примеч. пер.

2023). Хотя моя цель состоит в том, чтобы показать, что кантовский подход к логике подготовил почву для гегелевского возвращения «формальной логики» в философскую логику, сам Гегель отверг бы мою экзегетическую гипотезу. По мнению Гегеля, Кант представил понятие форм как неспособное привести к истине, в котором формы — «только формы» («Nur Formen») и «лишь некоторое только» («nur ein Nur»), тем самым ослабив роль формального измерения в философии.

Ниже, после предварительного уточнения значения «формальной», или «общей» логики у Канта, я рассмотрю гегелевскую оценку ошибок Канта, а далее покажу, что МД представляет собой защиту Канта от упреков Гегеля.

2. Кантовская идея «формальной логики»

Термин «формальная логика», предложенный Кантом (Scholz, 1931), вошел в широкое употребление несколько позднее (Strube, 1973). Кант и посткантианские философы предпочитали ему такие выражения, как «общая (allgemeine) логика» или «общепринятая (gewöhnliche) логика». В «Лекциях по логике» Кант представляет идею «общей логики» следующим образом:

Все в природе... происходит *по правилам*, хотя мы не всегда знаем эти правила. — Вода падает по законам тяжести... Рыба в воде, птица в воздухе движутся по правилам. Вся природа, собственно, не что иное, как связь явлений по правилам, и нигде нет *отсутствия* правил. <...> Но если теперь всякое познание, которое мы должны заимствовать только *от предметов*, мы оставим в стороне и обратим внимание исключительно на применение рассудка вообще, то мы откроем те его правила, которые просто необходимы во всех отношениях и независимы от всех особых объектов мышления, так как без них мы вовсе не могли бы мыслить (AA 09, S. 11–12; Кант, 1980, с. 319–320)¹².

¹² См. также «Венскую логику» (AA 24, S. 790; Кант, 2022, с. 195).

In what follows, after a preliminary clarification of the meaning of “formal” or “general” logic in Kant, I address Hegel’s account of Kant’s mistakes, before concluding by showing how the MD turns out to be a defence of Kant against Hegel’s accusations.

2. Kant’s Idea of “Formal Logic”

Although the expression “formal logic” was introduced by Kant (Scholz, 1931) it entered into common usage later (Strube, 1973). Kant and post-Kantian philosophers used, preferentially, other expressions, such as “general [allgemeine] logic” or “common [gewöhnliche] logic”. In Kant’s *Lectures on Logic*, the idea of “general logic” is introduced as follows:

Everything in nature [...] takes place *according to rules*, although we do not always know these rules. — Water falls according to laws of gravity [...]. The fish in the water, the bird in the air, moves according to rules. All nature, indeed, is nothing but a combination of phenomena which follow rules; and nowhere is there any irregularity. [...] [If we] reflect simply on the exercise of thought in general, then we discover those rules which are absolutely necessary, independently of any particular objects of thought, because without them we cannot think at all (*Log*, AA 9, pp. 11-12; cf. Kant, 1992, pp. 527-528).¹¹

In this passage, four points that mark the common background in Kant’s (and Hegel’s) understanding of “formal” or “general logic”

¹¹ See also the *Vienna Logic* (V-Lo/Wiener, AA 24, p. 790; Kant, 1992, p. 251). Kant’s and Hegel’s works are quoted following current translations. In some cases, I have slightly changed the English text to render it closer to the German original.

В данном фрагменте содержатся четыре пункта, формирующих общий фон понимания «формальной», или «общей», логики у Канта (и Гегеля). Логические формы естественны (*Na*), они продукт рефлексии (*R*), они универсальны (*U*) и содержат нормативный компонент (*N*).

Всё (включая природные явления, такие как полет птицы и плавание рыбы) «происходит по правилам, хотя мы не всегда знаем эти правила» (*Na*). *Na* предполагает, что действительность, равно как человеческие мысли и действия, подчиняется правилам и осуществляется в соответствии с формами. *R* указывает на то, что логика как дисциплина возникает тогда, когда эти правила становятся объектом мышления. «Обратив внимание исключительно на применение рассудка вообще» (*R*), можно открыть правила, «независимые от всех особых объектов мышления, так как без них мы вовсе не могли бы мыслить» (*N*).

3. Гегелевская критика кантовского формализма

В разделе «О понятии вообще» третьей части «Науки логики» «Субъективная логика или учение о понятии» Гегель обращается к кантовским замечаниям о формальной логике из введения к разделу «Трансцендентальная логика» «Критики чистого разума». В частности, речь идет о соотношении логики и истины: «Когда Кант (“Критика чистого разума”, стр. 83) начинает обсуждать в отношении логики старый и знаменитый вопрос: *что есть истина?* он прежде всего *жалует* нам, как нечто тривиальное, номинальное объяснение, гласящее, что истина есть согласие познания с его предметом, — дефиницию, имеющую огромную, более того, величайшую ценность» (Hegel, 1969, S. 265–266; Гегель, 1972, с. 27).

Для Гегеля определение истины в терминах соответствия имеет исключительную важ-

ность. The logical forms are natural (*Na*), they are the product of reflection (*R*), they are universal (*U*), they have a normative component (*N*).

Everything (natural events such as the bird’s flying and the fish’s swimming) “happens according to laws, even if we are not always aware of it” (*Na*). *Na* implies that reality, as well as human thoughts and actions, follow rules and happen according to forms. *R* tells us that logic as a discipline arises when we make those rules the object of our thought. By “reflecting simply on the exercise of thought in general” (*R*), we discover rules that are “independent of any particular objects of thought” (*U*) and absolutely necessary because “without them we cannot think at all” (*N*).

3. Hegel’s Critique of Kant’s Formalism

In the section on the Subjective Logic of the Science of Logic on the Concept in General, Hegel recalls Kant’s observations about formal logic in the Introduction to the Transcendental Logic in the *Critique of Pure Reason*. The question at stake is the relation of logic and truth: “When Kant in the *Critique of Pure Reason* in relation to logic comes to discuss the old and famous question: what is truth? he first of all takes for granted as a triviality the nominal explanation, [according to which truth is] the correspondence of knowledge with its object — a definition [which actually has] great, indeed supreme, value” (Hegel, 1969, p. 265-266; Hegel, 2010, p. 523).

For Hegel, the definition of truth in terms of correspondence has “supreme” importance. The common view (defended by Kant himself)

ность. Распространенная точка зрения (отстаиваемая и самим Кантом), согласно которой логика, будучи формальной, «оставляет в стороне всякое содержание», тогда как истина касается содержания и, следовательно, «достаточный и в то же время всеобщий признак истины в данном случае не мог бы быть дан» (В 84; Кант, 2006, с. 147), является внутренне противоречивой. Гегель цитирует Канта (В 84):

«Тó, что желают знать, — указывает далее Кант, — это *всеобщий и верный критерий истины для всякого познания*; он должен был бы быть таким, который был бы применим ко всем знаниям, *безразлично, каковы их предметы*; но так как, пользуясь таким критерием, мы *отвлекаемся от всякого содержания познания (от отношения к его объекту)*, между тем как истина касается именно *этого содержания*, то отсюда ясно, что совершенно невозможно и нелепо спрашивать о признаке истинности *этого содержания знаний*» (Hegel, 1969, S. 266; Гегель, 1972, с. 27–28).

Гегель довольно точно передает оригинальный аргумент Канта (В 82–84; Кант, 2006, с. 146–147). Назовем его «формалистским аргументом» (ФА), который можно разложить на следующие шаги:

1. Истина — это соответствие знания его объекту.
2. То, что мы ищем [в логике], — это универсальные критерии истинности всего знания.
3. Универсальный критерий должен быть действителен для всего знания без различения его объекта.
4. С применением такого критерия осуществляется абстрагирование от всего содержания знания (взаимоотношения с объектом).
5. Поскольку истина касается именно данного содержания, спрашивать о признаке истинности этого содержания знаний невозможно и нелепо.
6. Достаточные и одновременно общие критерии истины не могут быть даны.

according to which logic, insofar as it is formal, “abstracts away from content” — while truth “concerns the content”, and thus “a sufficient and at the same time general criterion of truth cannot possibly be given” (*KrV*, B 84; Kant, 1998, p. 198) — is self-contradictory. Hegel quotes Kant (*KrV*, B 84):

“What we require to know” Kant goes on to say, “is a *universal and sure criterion of any cognition whatever*; it would be such a criterion as would be valid for all cognitions *without distinction of their objects*; but since with such a criterion *abstraction* would be made *from all content* of the cognition (*relation to its object*) and *truth concerns precisely this content*, it would be quite impossible and absurd to ask for a mark of the truth of this content of cognitions” (Hegel, 1969, p. 266; cf. Hegel, 2010, pp. 523-524).

The original Kantian argument (*KrV*, B 82-84; Kant, 1998, pp. 197-198) is reported by Hegel quite faithfully. I propose to call it the “formalistic argument” (FA). I summarize its steps as follows:

1. Truth is the correspondence of knowledge with the object.
2. What we are looking for [in logic] are universal criteria of the truth of all knowledge.
3. A universal criterion must be valid for all cognitions without distinction of their objects.
4. With such a criterion, abstraction would be made from all content of cognition (relation to its object).
5. Since truth concerns precisely this content, to ask for a mark of the truth of this content of cognitions is impossible and absurd.
6. Sufficient and at the same time general criteria of truth cannot possibly be given.

Гегель поясняет:

Здесь очень определенно выражено обыденное представление о формальной функции логики, и приведенное рассуждение кажется весьма убедительным. Но, во-первых, следует заметить, что подобного рода формальное рассуждение обычно таково, что в своем словесном изложении оно забывает то, что оно сделало своей основой и о чем оно говорит. Было бы нелепо, слышим мы, спрашивать о критерии *истинности содержания* знания; но, согласно приведенной выше дефиниции, истину составляет не *содержание*, а *соответствие* его с понятием (Hegel, 1969, S. 266 – 267; Гегель, 1972, с. 28).

Кантовское (и привычное) воззрение на формальность логики «забывает то, что оно сделало своей основой и о чем оно говорит» (Ibid.; Там же). В следующем фрагменте Гегель отмечает, что формализм, «как только он вдается в разъяснения, говорит обратное тому, что он хочет сказать» (Ibid.; Там же). Гегель имеет в виду, что ФА — самопротиворечие. Действительно, начав с утверждения 1, согласно которому истина есть соответствие, то есть касается как мышления, так и содержания, ФА далее отрицает это, заявляя (см. утверждение 5), что истина касается лишь содержания.

Кроме того, Гегель критикует кантовские воззрения на формы суждения:

Даже относящиеся сюда формы, равно как и их дальнейшие определения, излагаются здесь лишь как бы исторически, а не подвергаются критическому разбору с целью установить — истинны ли они в себе и для себя. Так, например, форма положительного суждения рассматривается как нечто вполне правильное в себе, хотя единственно от содержания зависит истинность такого суждения. Есть ли эта форма *в себе и для себя* форма истины... — исследовать это и не думают (Hegel, 1969, S. 268; Гегель, 1972, с. 29).

Hegel comments:

Here, the usual conception of the formal function of logic is expressed very definitely and the argument adduced has a very convincing air. But first of all, it is to be observed that it usually happens with such formal ratiocination that it forgets in its discourse the very point on which it has based its argument and of which it is speaking. It is alleged that it would be absurd to ask for the criterion of *the truth of the content* of cognition; but according to the definition it is not the content that constitutes the truth, but the *correspondence* of the content with the concept (Hegel, 1969, pp. 266-267; cf. Hegel, 2010, p. 524).

The Kantian (and usual) view about the formality of logic “forgets [...] the very point on which it is based and of which it is speaking” (*ibid.*). In a successive passage Hegel observes that formalism, “as soon as it starts to explain its own position says the opposite of what it intends” (*ibid.*). He means, in other words, that FA is self-contradictory. In fact, it starts by assuming 1, the very definition of truth as correspondence, which implies that truth concerns both thought and content, and later denies it, in stating 5, i.e. that truth only concerns content.

Hegel then complains about Kant’s treatment of the forms of judgement:

Even here the forms which come up for treatment as well as their further modifications are only, as it were, historically taken up; they are not subjected to criticism to determine whether they are in and for themselves true. Thus, for example, the form of the positive judgement is accepted as something perfectly correct in itself, the question whether such a judgement is true depending solely on the content. Whether this form is in its own self a form of truth [...] is a question that no one thinks of investigating (Hegel, 1969, p. 268; cf. Hegel, 2010, p. 525).

Следовательно, согласно Гегелю, ФА не только ложен (внутренне противоречив), но и опасен: он не позволяет Канту задаться вопросом о правомерности форм и их применимости к постижению истины. Вопрос, истинны ли формы, не ставится, так как утверждается, что истина зависит исключительно от содержания.

В упрощенном виде основные ошибки Канта, согласно Гегелю, могут быть представлены следующим образом:

Заключение ФА: 6. «Достаточные и одновременно общие критерии истины не могут быть даны»;

Логические формы, которые Кант использует как «руководства» (*Leitfaden*) для открытия философских форм, излагаются исторически и не подвергаются критике.

В центре гегелевского интереса к интерпретации данных кантовских фрагментов — вопрос о роли «формальной логики» в философии и становлении философской логики, понимаемой, как указано выше, как исследование форм истины. Гегель выступает с критикой не формального характера логики или дисциплины под названием «формальная логика», но формалистских философий логики, существовавших в его время, то есть утверждений, что истина касается только содержания, а формальная логика отвлекается от любого содержания, следовательно, формальная логика не имеет никакого отношения к истине (она не может предоставить материальный критерий истины). Гегель отвергает тезис о том, что «истина касается именно содержания», отмечая, что истина (в своем базовом значении «соответствие», которое лежит в основе логической дисциплины) касается *связи* между формой и содержанием, и, так как логика имеет дело с формами, она в целом способна справиться с определением истины. Поскольку логика не принимает значение форм как само собой разумеющееся и занимает критическую позицию по отноше-

FA is thus not only wrong (self-contradictory) for Hegel, but also dangerous: it prevents Kant from asking about the legitimacy of the forms in terms of their aptness to grasp truth. The question of whether the forms are true is not asked, because truth is said to “depend solely on the content”.

To simplify and sum up, the principal Kantian mistakes according to Hegel are:

The conclusion of FA: 6. “Sufficient and at the same time general criteria of truth cannot possibly be given.”

ii. That the logical forms, which Kant uses as the *Leitfaden* for discovering the philosophical forms, are only historically taken up, and not subjected to criticism.

At the heart of Hegel’s interest in reading these Kantian passages is the question of the role of “formal logic” in philosophy, and in the establishment of a philosophical logic in the acceptance of “philosophical logic” hinted at above, as an inquiry into the forms of truth. What Hegel criticises is not the formal character of logic or the discipline “formal logic”, but rather the formalistic philosophies of logic of his time, i.e. the views according to which truth concerns only the content, and formal logic abstracts from every content, hence formal logic has nothing to do with truth (it cannot provide a material criterion of truth). What Hegel rejects is the thesis that “truth concerns precisely the content”. Hegel recalls that truth (in its basic meaning as correspondence, a meaning at the very basis of the logical enterprise) concerns the *link* between form and content; and, since logic deals with forms, it is, in principle, perfectly capable of giving an account of truth. Insofar as it does not take the meaning of the forms for granted, and adopts a critical stance towards them, logic is able to make forms apt for expressing truth.

нию к нему, она способна сделать формы пригодными для выражения истины.

Далее я дам критическую оценку гегелевской критики предполагаемого кантовского «формализма». Несмотря на то что Гегель сетует на антиалетическое обращение Канта с формами суждений и категориальными формами, я покажу, что в МД Кант предпринимает действительно важный шаг по переосмыслению и пересмотру статуса традиционной логики и тем самым закладывает фундамент философской логики, которая впоследствии ляжет в основание уже гегелевского подхода.

4. Метафизическая дедукция и защита Канта

Анализ МД проливает свет на следующие гегелевские воззрения.

1. В «Трансцендентальной логике» Кант очевидным образом преследует цель учреждения логики истины (*Logik der Wahrheit*) (A 62 / B 87; Кант, 2006, с. 151), которая тождественна созданию не только необходимых, но и достаточных условий подлинной истинности суждений (Stuhlmann-Laeisz, 1976, S. 21–34). То, что Кант называет «формальной логикой» (то есть общепринятая теория понятий, суждений и силлогизмов, как она представлена в логических руководствах эпохи Канта), дает лишь необходимые условия истины (законы согласия рассудка с самим собой: закон непротиворечия), тогда как трансцендентальное исследование предоставляет необходимые и достаточные условия действительной истинности наших суждений (законы согласия между согласием рассудка с самим собой и реальностью). Учитывая, что в МД Кант возводит (Hoeppner, 2021, S. 336–364) понятие рассудка от логического к реальному, а затем к высшему, или объединенному, пониманию, он тем самым фактически

In what follows, I critically assess Hegel's critique of Kant's supposed "formalism". While Hegel laments Kant's anti-alethic treatment of the forms of judgement and of the categorial forms, I show how, in the MD, Kant accomplishes, in fact, an important operation of repositioning and rethinking traditional logic; and, in so doing, makes a crucial step towards the establishment of the philosophical logic which will later become the explicit core of Hegel's own approach.

4. The Metaphysical Deduction and Kant's Defence

On the basis of a consideration of the MD, these Hegelian views can be discussed.

1. Kant's explicit aim with his *Transcendental Logic* is to establish a logic of truth (*Logik der Wahrheit*) (KrV, A 62 / B 87; Kant, 1998, p. 199) which is one and the same as establishing not only necessary, but sufficient, conditions of the genuine truth of our judgements (Stuhlmann-Laeisz, 1976, pp. 21-34). What Kant calls "formal logic" (the received theory of concepts, judgements, and syllogisms, as presented in the logic manuals of Kant's times) only gives us the necessary conditions of truth (the laws of the agreement of the intellect with itself: the Law of Non-Contradiction); while the transcendental inquiry provides the necessary and sufficient conditions of the effective truth of our judgements (the laws of the agreement between the intellect's self-agreement and reality). Given that Kant, with his MD, develops (Hoeppner, 2021, pp. 336-364) the concept of the intellect from a logical to a real to a higher or unified account, Kant factually overcomes the rigid separation of the formal from the transcendental dimension, and shows the

преодолевают жесткое разделение формального и трансцендентального и демонстрирует органическую связь между логическими и алетическими формами (между формами суждений и категориальными формами)¹³. Он показывает, что трансцендентальное исследование *включает в себя* элемент «формального». Кант пишет: «Та же самая функция, которая придает единство различным представлениям *в одном суждении*, сообщает единство также и чистому синтезу различных представлений *в одном созерцании*; это единство, выраженное в общей форме, называется чистым понятием рассудка» (A 79 / B 104–105; Кант, 2006, с. 171).

Данное утверждение подразумевает, что акты суждения и синтеза созерцаний в родовом отношении тождественны, поскольку представляют собой различные виды одного и того же рода (Hoepfner, 2021, S. 348). Точнее говоря, в МД разрабатывается лишь одна концепция: в «Руководстве» понятие рассудка развертывается по направлению от логического к реальному, а затем возводится к высшему понятию (Ibid., S. 348–364). Соответственно, данная глава преследует три задачи: выделить логическую функцию в процессе суждения, определить категории и продемонстрировать совпадение первой и вторых. В этом свете трансцендентальная логика не отходит от фор-

organic connection between the logical and the alethic forms (between the forms of judgement and the categorial forms).¹² He shows that the transcendental inquiry *includes* the “formal” one. Kant writes: “The same function that gives unity to the various representations in a judgment also gives unity to the mere synthesis of various representations in an intuition, which, expressed generally, is called the pure concept of the understanding” (KrV, A 79 / B 104–105; Kant, 1998, p. 211).

This statement implies that acts of judgment and synthesis of intuition are generically the same, in the sense of being different species of a same genus (Hoepfner, 2021, p. 348). More specifically, it is one and only one concept, which is developed in the MD: The *Leitfaden* is the development of the concept of the intellect from a logical to a real to a higher concept (*ibid.*, pp. 348–364). Correspondingly, the chapter has three tasks: namely, to show the logical function in judging, to show the categories, to show the coincidence of the two. In this light, transcendental logic does not depart from formal logic, or it is not an alternative logic with respect to formal logic, but rather contains formal logic, showing under which conditions it can become a universal, necessary and sufficient, criterion of truth.

¹³ В работе Т. Хёпшнера проводится реконструкция МД, опирающаяся в том числе на тексты, написанные Кантом уже после первой «Критики», а также на архивные материалы и записанные студентами конспекты лекций (см.: Hoepfner, 2021). Для данного анализа особое значение имеют четыре фрагмента: ретроспективное описание задачи метафизической дедукции (B 159); ретроспективное описание процедуры в разделе «О руководстве к открытию всех чистых понятий рассудка» (A 299 / B 355–356); раздел «Об априорных основаниях возможности опыта» в А-редакции «Трансцендентальной дедукции категорий» (A 95–110); § 15–21 В-редакции «Трансцендентальной дедукции» (B 128–148). Далее речь пойдет о понимании Хёпшнером «чистого понятия рассудка» как органического единства, объединяющего формальные и трансцендентальные компоненты.

¹² Hoepfner (2021) provides a reconstruction of MD, which also draws on Kant's writings after the first *Critique*, as well as notes from his *Nachlass* and student transcriptions of lectures. Four passages, in particular, are of central importance to the analysis: the retrospective description of the task of the Metaphysical Deduction in KrV, B 159; the retrospective description of the procedure in the “Transcendental Guiding Thread to the Discovery of all Pure Concepts of the Understanding” (KrV, A 299 / B 355–356); the section “On the A Priori Grounds for the Possibility of Experience” in the A-edition of the Transcendental Deduction of the Categories (A 95–110); §§15–21 in the B-edition of the Transcendental Deduction (B 128–148). In what follows, I focus on Hoepfner's emphasis on the “concept of the intellect” as an organic unity which integrates the formal with the transcendental component.

мальной и не выступает альтернативной по отношению к ней, но включает ее в себя и показывает, при каких условиях она может стать всеобщим, необходимым и достаточным критерием истины.

2. Не только трансцендентальная дедукция, но и МД имеет целью показать «правомерность утверждения». В МД рассматривается доказательство правомерности утверждения о том, что мы обладаем чистыми *априорными* понятиями, тогда как трансцендентальная дедукция оценивает правомерность их претензии на априорное отнесение к объектам опыта (Ibid., S. 26, Anm. 65). Представляется, что это соображение проливает свет на характерный кантовский подход к критической функции философской логики. Нормативно-юридический компонент, присущий самой природе дедукции, предполагает, что Кант не просто «исторически излагает» формы суждения и категории, но также осмысляет их и устанавливает их пределы, подвергая их критическому анализу.

Заключение

Итак, я показала, что, несмотря на обширный и стремительно растущий массив работ по логике Канта, сохраняется определенная неясность в отношении того, какую роль в истории логики играет кантовское различие «формальной» и трансцендентальной логики. В этой связи я предположила, что так называемая МД проясняет значение данного различия для оснований философской логики, понимаемой как «логика истины»¹⁴. Мой подход основывается на принципах истории рецепции (Wirkungsgeschichte) (то есть предполагает, что вопрос о философской логике касается философии, развивавшейся *после* Канта и *под его влиянием*) и вдохновлен непосредственно Ге-

2. Not only the transcendental deduction, but also the MD has the aim of showing the “legitimacy of a claim”. The MD concerns the proof of the legitimacy of the claim that we possess pure and *a priori* concepts, while the transcendental deduction assesses the legitimacy of their claim to *refer a priori* to objects of experience (*ibid.*, p. 26n65). This shows, in my view, the specifically Kantian approach to the critical function of philosophical logic. The normative and juridical component, which is intrinsic to the nature of a deduction, implies that Kant not only “historically takes up” the forms of judgement and the categories, but also contemplates and establishes their limits, by subjecting them to a critical analysis.

Conclusion

I have argued that, despite the extensive and exponentially growing literature on Kant’s logic, a certain confusion concerning the role of the Kantian distinction between formal and transcendental logic for the history of logic persists. In this respect, I have claimed that the so called “MD” clarifies this distinction’s role in the foundation of a philosophical logic (in the sense of a “logic of truth”).¹³ My approach is *wirkungsgeschichtlich*-motivated (the question of philosophical logic concerns philosophy *after* and as *prompted by* Kant), and is openly influenced by Hegel. Hegel (2001, p. 23) was, in fact, the first who used the expression “philosophical logic”, to designate his unified scientific logic as devoted to the forms of truth. But it is generally acknowledged, in different ways, that Kant, with his idea of a transcendental logic, which is presumed to be different from formal logic, opens the way to philosophical logic. The

¹⁴ Кант считал свою трансцендентальную аналитику «логикой истины» (A 62 / B 87; Кант, 2006, с. 151).

¹³ For Kant, his transcendental Analytic is a *Logik der Wahrheit* (KrV, A 62 / B 87; Kant, 1998, p. 199).

гелем. Гегель действительно первым использовал словосочетание «философская логика» для обозначения разработанной им единой научной логики, имеющей дело с формами истины (Гегель, 1990, с. 61). Однако, несмотря на различия в подходах, общепризнано, что Кант своей идеей трансцендентальной логики, отличной от формальной логики, проложил путь философской логике. В связи с этим возникают следующие вопросы: что такое формальная логика для Канта? Заложил ли Кант своим различием формальной и трансцендентальной логики основания философской логики (схожей с «научной» «единой» логикой, гипотетически предложенной Гегелем)? Если на эти вопросы дается положительный ответ, то в чем именно заключается это различие? Хотя литература по логике Канта весьма обширна, эти вопросы до сих пор не получили исчерпывающего разъяснения. И я показала, что МД вносит вклад в их разрешение. Несмотря на критику Канта со стороны Гегеля, мне представляется, что вопрос о философской логике (в гегелевском понимании) находится в центре МД. В МД Кант определяет условия, при которых возможно совпадение темы формальной логики (в особенности форм суждений) и темы трансцендентальной логики, или трансцендентальной философии (формы познания истины (В 100 / А 75)). МД показывает, что тема формальной логики и *есть* тема философии (априорное как то, без чего мы не можем знать ничего истинного), и тем самым обосновывает философскую логику как логику истины.

Список литературы

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М. : Мысль, 1972. Т. 3.
 Гегель Г.В.Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
 Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 319–504.
 Кант И. Критика чистого разума, 2-е изд. // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

questions, in this respect, are: what is formal logic for Kant? Did Kant, with his distinction between formal and transcendental logic, open the way for a philosophical logic (such as the “scientific” “unified” logic hypothesized by Hegel)? If so, what does the distinction exactly amount to? Although the literature on Kant’s logic is immense, these questions are still not completely clarified. In this context, I have argued that the MD factually contributes to their answers. Hegel’s critique of Kant notwithstanding, it seems to me that the (Hegelian) question of a philosophical logic is at the centre of the MD. In the MD, Kant presents the conditions under which a coincidence between the theme of formal logic (especially the forms of judgement) and the theme of transcendental logic or transcendental philosophy (the forms of the knowledge of truth B 100 / A 75) is possible. The MD tells us that the theme of formal logic *is* the theme of philosophy (the a priori as that without which we cannot know anything true); and, in so doing, grounds philosophical logic as the logic of truth.

References

- Achouriotti, T. and van Lambalgen, M., 2011. A Formalization of Kant’s Transcendental Logic. *Review of Symbolic Logic*, 4(2), pp. 254–289. <https://doi.org/10.1017/S1755020310000341>.
 Béziau, J.-Y., Kovač, S. and Lemanski, J., 2024. Neue Forschung zur formalen Logik bei Kant. In: M. Lewin, ed. 2024. *Klassische Deutsche Philosophie: Wege in die Zukunft*. Paderborn: Brill-Mentis, pp. 19–44.
 Boyer, C.B., 1968. *A History of Mathematics*. New York, Chichester et al.: Wiley & Sons.
 Capozzi, M. and Roncaglia, G., 2009. Logic and Philosophy of Logic from Humanism to Kant. In: L. Haaparanta, ed. 2009. *The development of modern logic*. New York: Oxford University Press, pp. 78–158. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195137316.003.0014>.
 Cohnitz, D. and Estrada-González, L., 2019. *An Introduction to the Philosophy of Logic*. New York: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781316275573>.

- Кант И. Венская логика. М. : Канон+, 2022.
- Фреге Г. Логика и логическая семантика. М. : Аспект Пресс, 2000.
- Achourioti T., Lambalgen M. van. A Formalization of Kant's Transcendental Logic // Review of Symbolic Logic. 2011. Vol. 4, № 2. P. 254–289. <https://doi.org/10.1017/S1755020310000341>.
- Béziau J. -Y., Kovač S., Lemanski J. Neue Forschung zur formalen Logik bei Kant // Klassische Deutsche Philosophie: Wege in die Zukunft / hrsg. von M. Lewin. Paderborn : Brill-Mentis, 2024. P. 19–44.
- Boyer C. B. A History of Mathematics. N.Y. ; Chichester et al. : Wiley & Sons, 1968.
- Capozzi M., Roncaglia G. Logic and Philosophy of Logic from Humanism to Kant // The Development of Modern Logic / ed. by L. Haaparanta. N.Y. : Oxford University Press, 2009. P. 78–158. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195137316.003.0014>.
- Cohnitz D., Estrada-González L. An Introduction to the Philosophy of Logic. N.Y. : Cambridge University Press, 2019. <https://doi.org/10.1017/9781316275573>.
- Cook R. T. A Dictionary of Philosophical Logic. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. <https://doi.org/10.1515/9780748631971>.
- D'Agostini F. Logica del nichilismo. Roma Bari : Laterza, 2000.
- D'Agostini F. From a Continental Point of View: The Role of Logic in the Analytic-Continental Divide // International Journal of Philosophical Studies. 2001. Vol. 9, № 3. P. 349–367. <https://doi.org/10.1080/09672550110058821>.
- D'Agostini F. Introduzione alla verità. Torino : Bollati Boringhieri, 2011.
- Dutilh Novaes C. The Different Ways in Which Logic Is (Said to Be) Formal // History and Philosophy of Logic. 2011. Vol. 32, № 4. P. 303–332. <https://doi.org/10.1080/01445340.2011.555505>.
- Ficara E. The Form of Truth. Hegel's Philosophical Logic. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2021.
- Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik // Werke in zwanzig Bänden / hrsg. von E. Moldenhauer, K. M. Michel. Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1969. Bd. 6.
- Hoepfner T. Urteil und Anschauung. Kants metaphysische Deduktion der Kategorien. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2021.
- Handbook of the Philosophy of Science: Philosophy of Logic / ed. by D. Jacquette. Amsterdam : Elsevier, 2007.
- Kant I. Lose Blätter aus Kants Nachlass / ed. by R. Reicke. Königsberg : Beyer, 1889. H. 1.

- Cook, R., 2009. *A Dictionary of Philosophical Logic*. Edinburgh: Edinburgh University Press. <https://doi.org/10.1515/9780748631971>.
- D'Agostini, F., 2000. *Logica del nichilismo*. Roma Bari: Laterza.
- D'Agostini, F., 2001. From a Continental Point of View: The Role of Logic in the Analytic-Continental Divide. *International Journal of Philosophical Studies*, 9(3), pp. 349–367. <https://doi.org/10.1080/09672550110058821>.
- D'Agostini, F., 2011. *Introduzione alla verità*. Torino: Bollati Boringhieri.
- Dutilh Novaes, C., 2011. The Different Ways in Which Logic Is (Said to Be) Formal. *History and Philosophy of Logic*, 32(4), pp. 303–332. <https://doi.org/10.1080/01445340.2011.555505>.
- Ficara, E., 2021. *The Form of Truth. Hegel's Philosophical Logic*. Berlin New York: De Gruyter.
- Frege, G., 1979. Logic (1897). In: H. Hermes, F. Kambartel and F. Kaulbach, eds. 1979. *Posthumous Writings*. Chicago: The University of Chicago Press, pp. 126–151.
- Hegel, G.W.F., 1969. *Wissenschaft der Logik*. In: G. W. F. Hegel, 1969. *Werke in zwanzig Bänden. Volume 6*. Edited by E. Moldenhauer and K. M. Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Hegel, G. W. F., 2001. *Philosophy of Right*. Translation by S. W. Dyde. Ontario: Batoche Books Kitchener.
- Hegel, G. W. F., 2010. *Science of Logic*. Translation by G. di Giovanni. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoepfner, T., 2021. *Urteil und Anschauung. Kants metaphysische Deduktion der Kategorien*. New York & Boston: De Gruyter.
- Jacquette, D., ed. 2007. *Handbook of the Philosophy of Science: Philosophy of Logic*. Amsterdam: Elsevier.
- Kant, I., 1889. *Lose Blätter aus Kants Nachlass*. Edited by R. Reicke. Erstes Heft. Königsberg: Beyer.
- Kant, I., 1992. *Lectures on Logic*. New York: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kneale, W. C. and Kneale, M., 1975. *The Development of Logic*. Oxford: Clarendon Press.
- Lapointe, S., 2019. *Logic from Kant to Russell. Laying the Foundations for Analytic Philosophy*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351182249>.

Kneale W.C., Kneale M. *The Development of Logic*. Oxford : Clarendon Press, 1975.

Lapointe S. *Logic from Kant to Russell. Laying the Foundations for Analytic Philosophy*. L. : Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9781351182249>.

Lemanski J. Does Logic Have a History at All? // *Foundations of Science*. 2023. Vol. 30, № 1. P. 227–249. <https://doi.org/10.1007/s10699-023-09933-w>.

Lemanski J. Kant's Crucial Contribution to Euler Diagrams // *Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie*. 2024. Vol. 55, № 1. P. 59–78. <https://doi.org/10.1007/s10838-023-09653-6>.

Nuzzo A. Form, Formality, Formalism in Hegel's Dialectic-Speculative Logic // *History and Philosophy of Logic*. 2023. Vol. 44, № 2. P. 169–183. <https://doi.org/10.1080/01445340.2023.2181581>.

Peirce C. S. [Introductory Lecture on Logic] // *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition* / ed. by C. J. W. Kloesel. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1989. Vol. 4 : 1879–1884. P. 507–510.

Read S. *Thinking About Logic*. Oxford : Oxford University Press, 1995.

Russell B. *Our Knowledge of the External World*. L. : Routledge, 2009.

Sainsbury M. *Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic*. Oxford : Blackwell, 2001.

Santozki U. *Die Bedeutung antiker Theorien für die Genese und Systematik von Kants Philosophie: Eine Analyse der drei Kritiken*. Berlin : De Gruyter, 2006.

Scholz H. *Abriss der Geschichte der Logik*. Freiburg : Karl Alber, 1931.

Seeböhm T. Some Difficulties in Kant's Conception of Formal Logic // *Proceedings of the VIII International Kant Congress (Memphis 1995)* / ed. by H. Robinson. Milwaukee : Marquette University Press, 1995. Vol. I.2. P. 567–581.

Stelzner W., Kreiser L. *Traditionelle und nichtklassische Logik*. Paderborn : Mentis, 2004.

Strube C. *Das Problem einer hermeneutischen Logik* : PhD Dissertation: Universität zu Köln, 1973.

Stuhlmann-Laeisz R. *Kants Logik: Eine Interpretation auf der Grundlage von Vorlesungen, veröffentlichten Werken und Nachlaß*. N.Y. : De Gruyter, 1976.

Tonelli G. *Kant's Critique of Pure Reason Within the Tradition of Modern Logic. A Commentary on its History*. Hildesheim : Olms, 1994.

Lemanski, J., 2023. Does Logic Have a History at All? *Foundations of Science*, 30(1), pp. 227-249. <https://doi.org/10.1007/s10699-023-09933-w>.

Lemanski, J., 2024. Kant's Crucial Contribution to Euler Diagrams. *Journal for General Philosophy of Science / Zeitschrift für Allgemeine Wissenschaftstheorie*, 55(1), pp. 59-78. <https://doi.org/10.1007/s10838-023-09653-6>.

Nuzzo, A., 2023. Form, Formality, Formalism in Hegel's Dialectic-Speculative Logic. *History and Philosophy of Logic* 44(2), pp. 169-183. <https://doi.org/10.1080/01445340.2023.2181581>.

Peirce, C. S., 1989. [Introductory Lecture on Logic]. In: *Writings of Charles S. Peirce: A Chronological Edition, Volume 4: 1879-1884*. Bloomington & Indianapolis: Indiana University Press, pp. 507-510.

Read, S., 1995. *Thinking About Logic*. Oxford: Oxford University Press.

Russell, B., 2009. *Our Knowledge of the External World*. London: Routledge.

Sainsbury, M., 2001. *Logical Forms. An Introduction to Philosophical Logic*. Oxford: Blackwell.

Santozki, U., 2006. *Die Bedeutung antiker Theorien für die Genese und Systematik von Kants Philosophie: Eine Analyse der drei Kritiken*. Berlin: De Gruyter.

Scholz, H., 1931. *Abriss der Geschichte der Logik*. Freiburg: Karl Alber.

Seeböhm, T., 1995. Some Difficulties in Kant's Conception of Formal Logic. In: H. Robinson, Ed. 1995, *Proceedings of the VIII International Kant Congress (Memphis 1995)* vol. I.2. Milwaukee: Marquette University Press, pp. 567-581.

Stelzner, W. and Kreiser, L., 2004. *Traditionelle und nichtklassische Logik*. Paderborn: Mentis, 2004.

Strube, C., 1973. *Das Problem einer hermeneutischen Logik*. PhD Dissertation: Universität zu Köln.

Stuhlmann-Laeisz, R., 1976. *Kants Logik: Eine Interpretation auf der Grundlage von Vorlesungen, veröffentlichten Werken und Nachlaß*. New York: De Gruyter.

Tonelli, G., 1994. *Kant's Critique of Pure Reason Within the Tradition of Modern Logic. A Commentary on its History*. Hildesheim: Olms.

Venn, J., 1971. *Symbolic Logic*. Reprint of the Second Edition. New York: Chelsea Publ. Co.

Venn J. Symbolic Logic. Reprint of the 2nd edition. N.Y. : Chelsea Publ. Co., 1971.

Wolff M. Der Begriff des Widerspruchs in der „Kritik der reinen Vernunft“. Zum Verhältnis von formaler und transzendentaler Logik // Probleme der „Kritik der reinen Vernunft“. Kant-Tagung Marburg 1981 / hrsg. von B. Tuschling. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1984. S. 178–202.

Об авторе

Элена Фикара, доктор философии, профессор, Университет Падерборна, Падерборн, Германия.

E-mail: elena.ficara@upb.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3116-2139>

Для цитирования:

Фикара Э. Формальная и философская логика у Канта и Гегеля // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 1. С. 40–58.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-2>

© Фикара Э., 2026.

Wolff, M., 1984. Der Begriff des Widerspruchs in der „Kritik der reinen Vernunft“. Zum Verhältnis von formaler und transzendentaler Logik. In: B. Tuschling, ed. 1984. *Probleme der „Kritik der reinen Vernunft“*. Kant-Tagung Marburg 1981. Berlin & New York: De Gruyter, pp. 178-202.

The author

Prof. Dr Elena Ficara, Paderborn University, Germany.

E-mail: elena.ficara@upb.de

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3116-2139>

To cite this article:

Ficara, E., 2026. Formal Logic and Philosophical Logic in Kant and Hegel. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 40-58.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-2>

© Ficara E., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ДИСКУССИИ О СУБЪЕКТИВНОСТИ / ОБЪЕКТИВНОСТИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ У КАНТА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Л. Ю. Корнилаев¹

Пространство и время могут пониматься либо как самостоятельные сущности, либо как качества, присущие вещам, либо как качества, присущие субъекту. Кант, как известно, утверждает, что пространство и время имеют субъективный характер; их объективная реальность им исключается, что приводит к существенному разрыву между познающим субъектом и познаваемой реальностью. В исследованиях по кантовской философии подобный подход к определению онтологического и гносеологического статусов пространства и времени нередко подвергается критике. Предпринимаются попытки прояснения объективной стороны познания и проблематизируется исключительность субъективистского понимания пространства и времени, что приводит к интерпретациям, пытающимся реконструировать наряду с субъективностью объективный компонент в понимании пространства и времени в кантовской философии. Цель данной статьи — обобщить и систематизировать подходы, отстаивающие амбивалентное понимание пространства и времени у Канта. В ходе исследования выделены основные подходы к решению проблемы соотношения субъективности и объективности пространства и времени в философии Канта: 1) подход, утверждающий, что пространство и время в кантовской философии субъективны только в гносеологическом смысле, а в онтологическом смысле они объективно реальны; 2) позиция, истолковывающая субъективность и объективность пространства и времени в контексте кантовского различения трансцендентального идеализма и эмпирического реализма; 3) интерпретация, акцентирующая внимание на субъективности как объективной значимости; 4) субъективно-объективное понимание про-

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. Поступила в редакцию: 25.04.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-3

DISCUSSIONS ON SUBJECTIVITY / OBJECTIVITY OF SPACE AND TIME ACCORDING TO KANT: MAIN APPROACHES

L. Yu. Kornilaev¹

Space and time may be seen either as independent entities, as properties of things or as properties inherent in the subject. Kant, of course, maintains that space and time have a subjective character: he rules out their objective reality, which leads to a substantial separation of the cognising subject and the reality being cognised. This approach to the definition of the ontological and epistemological statuses of space and time is often criticised in the studies of Kantian philosophy. Attempts are made to clarify the objective side of cognition and the exclusiveness of the subjectivistic conception of space and time is problematised, leading to interpretations that try, along with subjectivity, to reconstruct the objective component in Kant's understanding of space and time. This article purports to summarise and systematise the approaches which stress the ambivalence of Kant's conception of space and time. The study identifies the following main approaches to the problem of the relation between subjectivity and objectivity of space and time in Kant's philosophy: 1) the approach which claims that space and time in Kant's philosophy are subjective only in the epistemological sense whereas ontologically they have objective reality; 2) the position which interprets subjectivity and objectivity of space and time in the context of the Kantian distinction between transcendental idealism and empirical realism; 3) the interpretation which stresses subjectivity as objective validity; 4) the subjective-objective understanding of space and time. I arrive at the conclusion that subjective-

¹ Lomonosov Moscow State University.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
Received: 25.04.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-3

странства и времени. В заключение показано, что субъективно-объективные трактовки кантовского учения о пространстве и времени основаны главным образом на проблематизации понятия субъективности, что выражается в расширении или, наоборот, сужении понятия субъективности, его усложнении и иерархизации, установлении связи этого понятия с понятием эмпирической реальности и понятием общезначимости.

Ключевые слова: пространство, время, Кант, трансцендентальная эстетика, эмпирический реализм

Введение

Хорошо известны следующие фрагменты из кантовской трансцендентальной эстетики: «Пространство есть не что иное, как только форма всех явлений внешних чувств, т.е. субъективное условие чувственности, при котором единственно и возможны для нас внешние созерцания» (A 26 / B 42; Кант, 2006, с. 99); «время есть лишь субъективное условие нашего (человеческого) созерцания (которое всегда имеет чувственный характер, т.е. поскольку мы аффицированы предметами) и само по себе, вне субъекта, есть ничто» (A 35 / B 51; Кант, 2006, с. 111). Из этих утверждений следует, что пространство и время, понимаемые как априорные формы созерцания, имеют для Канта исключительно субъективный характер. Слова «только» и «лишь» указывают на эту исключительность². В объективности пространству и времени Кант отказывает, то есть как самостоятельные, независимые от субъекта сущности они не существуют.

Кажется, что цитируемые фрагменты должны устранить любые сомнения в субъективистском понимании пространства и времени у Канта и исключать объективистские трак-

² На исключительное слово «только» в формулировках Канта указывали, например, А. Тренделенбург (Тренделенбург, 1868, с. 149) и А. И. Введенский (Введенский, 1895б, с. 94).

objective interpretations of the Kantian doctrine of space and time are mainly based on the problematisation of the concept of subjectivity, which is manifested in the broadening or, on the contrary, the narrowing of the concept of subjectivity, making it more complex and hierarchical, establishing a link between this concept and the concept of empirical reality and the concept of general validity.

Keywords: space, time, Kant, transcendental aesthetics, empirical realism

Introduction

Quotes from Kant's "Transcendental Aesthetic" are well-known: "Space is nothing other than merely the form of all appearances of outer sense, i.e. the subjective condition of sensibility, under which alone outer intuition is possible for us" (KrV, A 26 / B 42; Kant, 1998, p. 159); "Time is [...] merely a subjective condition of our (human) intuition (which is always sensible, i.e. insofar as we are affected by objects), and in itself, outside the subject, is nothing" (KrV, A 35 / B 51; Kant, 1998, p. 164). What follows from these propositions is that for Kant space and time, understood as *a priori* forms of intuition, are entirely subjective. The words "nothing other" and "merely" point to this exclusivity.² Kant denies the objectivity of space and time, i.e. claims that they do not exist as entities independent from the subject.

The above-quoted fragments would seem to remove any doubts concerning Kant's subjectivist concept of time and space and to rule out objectivist interpretations. But studies of Kantian philosophy tend to problematise the subjectivity of space and time. Researchers

² The excluding word "merely" in Kant's formulation was pointed out, for example, by Friedrich Adolf Trendelenburg (1862, p. 162) and Alexey I. Vvedensky (1895b, p. 94).

товки. Однако в исследованиях по кантовской философии субъективность пространства и времени постоянно проблематизируется. Исследователи либо уточняют само понятие субъективности, либо ставят под сомнение категорическую позицию Канта об исключительно субъективном характере пространства и времени. Данные исследования мотивированы как попыткой прояснить кантовскую мысль, так и стремлением устранить разрыв между познанием, имеющим априорную основу, и объективной реальностью. В таких интерпретациях речь идет не столько о критике субъективизма Канта, сколько о попытках прояснения объективной стороны познания в его философии. В данной статье я попытаюсь систематизировать интерпретации трансцендентальной эстетики Канта, анализирующие соотношение субъективности и объективности пространства и времени³. Мое исследование не претендует на полный охват имеющейся литературы⁴ и ограничивается только структурой таких подходов с некоторыми отсылками к конкретным интерпретациям. Формулируемые в статье подходы оформлялись в ходе явной или неявной дискуссии между исследователями разных традиций.

Стоит оговориться, что в обзоре я не анализирую специально проблему объективности внешнего мира и вещей в себе, речь идет только о подходах, касающихся объективной стороны пространства и времени, поэтому большинство реалистических трактовок учения Канта останутся в стороне. В силу методологического разнообразия рассматривае-

either clarify the concept of subjectivity itself or question Kant's categorical assertion that space and time are exclusively subjective. These studies are motivated by the attempt to clarify Kant's thought and the wish to eliminate the gap between cognition, which has an *a priori* basis, and objective reality. These interpretations do not so much criticise Kant's subjectivism as attempt to clarify the objective side of cognition in his philosophy. In this article I will try to systematise the interpretations of Kant's transcendental aesthetic which examine the relation between subjectivity and objectivity of space and time.³ My study does not pretend to cover the entire body of the existing literature⁴ and is focused only on the structure of such approaches with some references to specific interpretations. The approaches formulated in the article are the results of an overt or implied discussion between researches belonging to different traditions.

It has to be noted that in my review I do not deal specifically with the problem objectivity of the external world and things in themselves but merely consider the approaches which have to do with the objective side of space and time, thus putting aside the majority of realistic interpretations of Kant's doctrine. Owing to the methodological diversity of the interpretations reviewed the concepts of subjectivity and objectivity will be examined not only in the general philosophical sense, but also with due regard for the characteristics of

³ Не только понятия «пространство» и «время», но и понятие объективности проблематизируется у Канта: «Кант говорит об объективной значимости понятий, суждений, синтезов, созерцаний, принципов или убеждений; и об объективной реальности познаний, представлений, восприятий, явлений, ноуменов, причин, принципов, идеалов и т.д.» (Kilinc, 2008, p. 363).

⁴ На «обилие публикаций» по трансцендентальной эстетике Канта указывает, например, М. Мартич (Martić, 2022, S. 19). Это обстоятельство неизбежно вынуждает исследователей к *выборочному* обзору имеющихся подходов.

³ Kant problematises not only the concepts of "space" and "time", but also the concept of objectivity: "Kant talks about the objective validity of concepts, judgments, syntheses, intuitions, principles or convictions; and about the objective reality of cognitions, representations, perceptions, appearances, noumena, causes, principles, ideals, etc." (Kilinc, 2008, p. 363).

⁴ The "profusion of publications" on Kant's transcendental aesthetic is noted, among others, by Marco Martić (2022, p. 19). Thus researchers perforce have to be *selective*.

мых интерпретаций понятия субъективности и объективности будут рассматриваться как в общепhilosophическом смысле, так и с учетом особенностей кантовской философии. Общепhilosophическое понимание предполагает разделение на субъективность как нечто присущее сознанию субъекта и объективность как нечто присущее независимому от субъекта внешнему миру. То, что условно можно назвать «кантианским дополнением», предполагает выделение субъективных и объективных слоев внутри общепhilosophического противопоставления объективности и субъективности.

Подходы, обсуждающие субъективно-объективную сущность пространства и времени в философии Канта, можно разделить на несколько групп.

Согласно *первому* подходу, пространство и время субъективны у Канта только в гносеологическом смысле, в онтологическом смысле они объективны. Примером такого подхода может считаться позиция Т. И. Ойзермана (Ойзерман, 2009). Он показывает, что Кант в разных работах отсылает к эмпирической реальности пространства и времени именно в онтологическом смысле.

Второй подход требует трактовать субъективность пространства и времени в контексте кантовского различения трансцендентального идеализма и эмпирического реализма и полагает, что эмпирический реализм пространства и времени указывает на наличие объективной стороны внутри познающего сознания (Heide- mann, 2021; Schrader, 1951).

В рамках *третьего* подхода под субъективностью пространства и времени у Канта понимается их объективная значимость. В данном подходе понятие субъективности значительно расширяется, субъективность возводится в ранг предельной основы объективности. Такой подход представлен, например, в текстах Б. Тушлинга (Тушлинг, 2006), Р. Чаплина (Chaplin, 2022), К. Бринкмана (Brinkmann, 2011), Д. Н. Разеева (Разеев, 2010).

Согласно *четвертому* подходу, пространство и время не только субъективны, но и объ-

Kant's philosophy. The general philosophical approach attributes subjectivity to the subject and objectivity to the external world, independent from the subject. What may be called "Kantian addition" singles out subjective and objective layers within the general philosophical juxtaposition of objectivity and subjectivity.

The approaches discussing the subjective/objective essence of space and time in Kant's philosophy fall into several groups.

In the *first* approach space and time according to Kant are objective only in the epistemological sense while being objective in the ontological sense. An example of this approach is the position of Teodor I. Oizerman (2009) who shows that Kant in various works refers to the empirical reality of space and time precisely in the ontological sense.

The *second* approach looks at the subjectivity of space and time in the context of the Kantian distinction between transcendental idealism and empirical realism and holds that empirical realism of space and time points to the existence of an objective element within the cognising mind (Heidemmann, 2021; Schrader, 1951).

The *third* approach equates the objectivity of time and space according to Kant to their objective validity. This significantly broadens the concept of subjectivity and elevates it to the rank of the ultimate foundation of objectivity. We find this approach, for example, in the texts of Burkhard Tuschling (2006), Rosalind Chaplin (2022), Klaus Brinkmann (2011) and Danil N. Razeev (2010).

In the *fourth* approach space and time are not only subjective, but also objective, which follows Kant's clarification of the concepts of space and time. Examples are the conceptions

ективны, что следует из самого кантовского разъяснения понятий пространства и времени. В качестве примеров такой позиции могут рассматриваться концепции А. Тренделенбурга (Тренделенбург, 1868) и А. И. Введенского (Введенский, 1895а; 1895б).

Как мы увидим далее, все перечисленные подходы, безусловно, пересекаются друг с другом, но акцентируют внимание на разных аспектах обсуждаемой проблемы.

1. Пространство и время субъективны, но только в гносеологическом смысле

Субъективистское понимание пространства и времени без усложняющих нюансов в понимании субъективности у Канта приводит к субъективно-идеалистической трактовке его философии. Радикальный поворот к субъекту, осуществленный немецким философом, вызывает ожидаемые трудности, связанные с обоснованием реальности внешнего мира и, в частности, пространства и времени в физическом смысле. Исключает ли Кант полностью объективную реальность пространства и времени? Несмотря на уже упомянутые субъективистские формулировки, исследователи обращают внимание на определенную амбивалентность значения пространства и времени у Канта. Так, например, Т. И. Ойзерман указывает на то, что у Канта пространство и время понимаются двояко: критически и эмпирически. Критическое понимание пространства и времени предполагает их субъективность «лишь постольку (и потому), поскольку они аподиктически всеобщны» (Ойзерман, 2009, с. 10). За критическим пониманием субъективности стоит гносеологическая всеобщность и объективность. Эмпирическое же понимание пространства и времени предполагает их эмпирическую реальность, когда «речь идет... о реальных условиях, в которых протекает человеческая жизнь, в которой прожитые людьми годы (и соответствен-

of Friedrich Adolf Trendelenburg (1868) and Alexey I. Vvedensky (1895a; 1895b).

As will be seen below, all these approaches crisscross with one another while stressing different aspects of the problem under discussion.

1. Space and Time Are Objective, but Only in the Epistemological Sense

The subjectivist interpretation of space and time without complicating nuances in Kant's understanding of subjectivity leads to a subjective-idealistic view of his philosophy. The German philosopher's swing toward the subject predictably creates difficulties connected with proving the reality of the external world, notably of space and time in the physical sense. Does Kant totally rule out the objective reality of space and time? Notwithstanding the subjectivist wording mentioned above, researchers point out a certain ambivalence in Kant's approach to space and time. For example, Oizerman (2009, p. 10) shows the duality of Kant's perception of space and time: critical and empirical. The critical approach to space and time assumes their subjectivity only insofar (and because) they are apodictically universal. The critical approach to subjectivity leans on the epistemological universality and objectivity. The empirical conception of space and time stems from "the real conditions in which humans live, the years lived (childhood, youth, maturity, old age) being not pure intuitions but an empirically registered fact (*ibid.*, p. 8). In Oizerman's view, Kant, in positing ontological subjectivity, "overcomes the one-sided sequence (or consequent one-sidedness) of "critical philosophy which all too often in its interpretation of nature and cognition comes close to idealism, which Kant resolutely rejected, like all dogmatic philosophy" (*ibid.*,

но, детство, юность, жизнь взрослого человека, старость) представляют собой не чистые созерцания, а вполне эмпирически фиксируемый факт» (Там же, с. 8). С точки зрения Ойзермана, Кант, предполагая онтологическую субъективность, «преодолевают одностороннюю последовательность (или последовательную односторонность) “критической философии”, которая сплошь и рядом в своей интерпретации природы и познания сближается с субъективным идеализмом, который решительно отвергался Кантом, как и всякая догматическая философия» (Там же, с. 16). Как натуралист, Кант не отрицает объективности пространства и времени, но отрицает ее как философ.

Ойзерман ссылается на «Метафизические начала естествознания», где Кант признает существование эмпирического пространства, не отказывая ему в трансцендентальной идеальности. Например:

Во всяком опыте нечто должно ощущаться, и это есть реальное [содержание] чувственного созерцания, следовательно, должно быть ощущаемо и пространство, в котором нам надлежит постигать движения на опыте; иными словами, пространство должно быть обозначено посредством того, что может быть предметом ощущения; такое пространство, как совокупность всех предметов опыта и как объект этого опыта, называется *эмпирическим пространством* (AA 04, S. 481; Кант, 1994, с. 264).

С точки зрения Ойзермана, «такого рода *амбивалентность* может быть охарактеризована как *противоречивая последовательность*, которая противопоставляет тезису антитезис, преодолевая тем самым односторонность гносеологических характеристик природы» (Ойзерман, 2009, с. 15). Благодаря двойственности понимания Кантом пространства и времени раскрывается субъект-объектная природа категорий, «которые как познавательные средства, изменяющиеся по мере развития познания, конечно, субъективны, но по своему содержанию,

p. 16). Kant does not deny the objectivity of time and space as a naturalist, but he denies it as a philosopher.

Oizerman cites the *Metaphysical Foundations of Natural Science* in which Kant admits the existence of empirical space while not denying its transcendental ideal character. For example,

In all experience something must be sensed, and that is the real of sensible intuition, and therefore the space, in which we are to arrange our experience of motion, must also be sensible — that is, it must be designated through what can be sensed — and this, as the totality of all objects of experience, and itself an object of experience, is called *empirical space* (MAN, AA 04, p. 481; Kant, 2004, p. 16).

Oizerman (2009, p. 15) argues that “such *ambivalence* can be described as *contradictory consistency* which opposes thesis with an antithesis, thus overcoming the one-sidedness of epistemological characteristics of nature”. The ambivalence of Kant’s conception of space and time reveals the subject-object nature of categories “which are of course subjective as cognitive tools changing as cognition develops, but in terms of their content they are, on the contrary, objective, i.e. they express that which is inherent in the objective reality that is independent from cognition (*ibid.*) The distinctive feature of this position is its ontological conviction of the reality of space and time.⁵ The distinction between epistemological and ontological optics helps to solve the problem of space and time being totally subjective.⁶

⁵ As distinct, for example, from Henry Allison’s “two-aspect theory” which discusses the objective side of a thing while space and time remain subjective. For more detail, see, e.g., Allison’s response to criticism of the theory (Allison, 1996, pp. 3-26).

⁶ Valery E. Semenov (2022, p. 30), analysing the Copernican turn accomplished by Kant, shows that it is a turn of thought only for ontological purposes because Kant in carrying out a Copernican revolution does not rule out that there may be something beyond it: “The

напротив, объективны, т.е. выражают то, что действительно присуще независимой от познания предметной реальности» (Там же). Особенностью данной позиции является онтологическая уверенность в физической реальности пространства и времени⁵. Разведение гносеологической и онтологической оптики позволяет разрешить проблему субъективной замкнутости пространства и времени⁶.

2. Пространство и время эмпирически реальны, то есть объективны как формы субъективности

С проблемой субъективности / объективности пространства и времени непосредственно связано кантовское различие позиций эмпирического реализма и трансцендентального идеализма, с одной стороны, и эмпирического идеализма и трансцендентального реализма — с другой. Введение этих позиций в «Критику чистого разума» связано с видоизменением в ней концепции идеальности пространства и времени, изложенной в диссертации 1770 г. (см.: Тушлинг, 2006, с. 525). Идеальность пространства распадается в первой «Критике» на трансцендентальную идеальность и эмпирическую реальность.

Кант указывает на двоякое понимание пространства и времени. Например, рассуждая о

⁵ В отличие, например, от «двухаспектной теории» Г. Эллисона, в которой обсуждается объективная сторона вещи, а пространство и время сохраняют субъективный характер. Подробнее см., например, ответ Эллисона на критику этой теории: (Allison, 1996, p. 3–26).

⁶ В. Е. Семенов, анализируя коперниканский поворот Канта, показывает, что он является поворотом мысли только в гносеологических целях, потому что Кант совершает коперниканскую революцию, но не исключает того, что есть что-то за ее пределами: «Коперниканская революция (с определенной точки зрения) представляет собою попытку соединить эмпиризм и рационализм, или, используя современную терминологию, — объединить эпистемологический реализм и конструктивизм при заметном доминировании последнего» (Семенов, 2022, с. 30).

2. Space and Time Are Empirically Real, i.e. Are Objective as Forms of Subjectivity

The problem of subjectivity/objectivity of space and time is directly linked with the Kantian distinction of empirical realism and transcendental idealism on the one hand, and empirical idealism and transcendental realism on the other. These concepts were introduced into the *Critique of Pure Reason* because it changed the concept of ideal space and time, set forth in the 1770 dissertation (cf. Tuschling, 2006, p. 525). In the first *Critique* ideality of space is split into transcendental ideality and empirical reality.

Kant points to the dual interpretation of space and time. Thus, reflecting on space he writes: “We therefore assert the empirical reality of space (with respect to all possible outer experience), though to be sure at the same time its transcendental ideality, i.e., that it is nothing as soon as we leave out the condition of the possibility of all experience, and take it as something that grounds the things in themselves” (*KrV*, A 28 / B 44; Kant, 1998, p. 160). Ditto about time:

Our assertions accordingly teach empirical reality of time, i.e., objective validity in regard to all objects that may ever be given to our senses. And since our intuition is always sensible, no object can ever be given to us in experience would not belong under the condition of time. But, on the contrary, we dispute claim of time to absolute reality, namely where it would attach to things absolutely as a condition or property even without regard to the form of our sensible intuition. Such properties, which pertain to things in themselves, can never be given to us

Copernican revolution (from a certain point of view) is an attempt to combine empiricism and rationalism or, to use modern terminology, marry up epistemological realism and constructivism with a noticeable tilt in favour of the latter.”

пространстве, Кант пишет: «...мы утверждаем эмпирическую реальность пространства (в отношении всякого возможного опыта), хотя признаем трансцендентальную идеальность его, т.е. что пространство есть ничто, как только мы отбрасываем условия возможности всякого опыта и принимаем его за нечто лежащее в основе вещей самих по себе» (А 28 / В 44; Кант, 2006, с. 101). Также о времени:

...наши утверждения показывают эмпирическую реальность времени, т.е. объективную значимость его для всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам. А так как наше созерцание всегда чувственное, то в опыте нам никогда не может быть дан предмет, который не был бы подчинен условию времени. Наоборот, мы оспариваем у времени всякое притязание на абсолютную реальность, так как оно при этом было бы абсолютно присуще вещам как условие или свойство их даже независимо от формы нашего чувственного созерцания. Такие свойства, присущие вещам в себе, вообще никогда не могут быть даны нам посредством чувств. В этом, следовательно, состоит трансцендентальная идеальность времени, согласно которой оно, если отвлечься от субъективных условий чувственного созерцания, ровно ничего не означает и не может быть причислено к предметам самим по себе (безотносительно к нашему созерцанию) ни как субстанция, ни как свойство (А 35—36 / В 52; Кант, 2006, с. 111—113).

Более подробное различие четырех позиций — трансцендентальные идеализм и реализм, эмпирические идеализм и реализм — проводится в первом издании «Критики», в главе, посвященной четвертому паралогизму трансцендентальной психологии. Во втором издании нет этого фрагмента, но осталось в полном объеме прояснение эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности пространства и времени⁷.

⁷ Об эмпирической реальности и трансцендентальной идеальности пространства и времени у Канта см. также: (Melnick, 1989; Schrader, 1951).

through the senses. In this therefore consists transcendental ideality of time, according to which it is nothing at all if one abstracts from the subjective conditions of sensible intuition, and cannot be counted as either subsisting or inhering in the objects in themselves (without their relation to our intuition) (KrV, A 35-36 / B 52; Kant, 1998, p. 164).

A more detailed differentiation of the four positions — transcendental idealism and realism, empirical idealism and realism — is found in the first edition of the *Critique* in the chapter devoted to the fourth paralogism of transcendental psychology. The second edition omits that fragment, but the clarification of empirical reality and the transcendental ideality of space and time is retained in full.⁷

Space and time are empirically real, but what does empirical reality refer to? With Kant, empirical reality does not coincide with objective physical reality. Empirical reality precedes experience *a priori*. Empirical reality is linked with transcendental ideality. Transcendental ideality means subjectivity and empirical reality means objectivity, but not of space and time as substances, but as forms of inherent in subjectivity. From that point of view space and time are nothing without subjectivity. They are ideal with regard to things in the world but real with regard to subjectivity. *A priori* structures do exist, but they inhere not in the world but in consciousness, i.e. forms of intuition are parts of the objective world. Dietmar Heidemann holds the view that the combination of transcendental idealism and empirical realism makes it possible to avoid sceptical conclusions concerning the existence of the outer world. Transcendental idealism considers the objects

⁷ On empirical reality and transcendental ideality of space and time according to Kant see also Melnick (1989) and Schrader (1951).

Пространство и время эмпирически реальны, но что понимается под эмпирической реальностью? У Канта эмпирическая реальность не совпадает с объективной физической реальностью. Эмпирическая реальность — это априорность по отношению к опыту. Эмпирическая реальность взаимосвязана с трансцендентальной идеальностью. Трансцендентальная идеальность означает субъективность, а эмпирическая реальность — объективность, но пространства и времени не как субстанций, а как форм, присущих субъективности. С этой точки зрения пространство и время без субъективности — ничто. Они идеальны по отношению к вещам мира, но реальны по отношению к субъективности. Априорные структуры реально существуют, но присущи не миру, а сознанию, то есть формы созерцания — части объективного мира. Д. Хайдеман считает, что совмещение трансцендентального идеализма и эмпирического реализма позволяет избежать скептических выводов по поводу существования внешнего мира. Трансцендентальный идеализм полагает, что объекты, представляемые в пространстве и времени, — явления, а не вещи сами по себе. Эмпирический реализм говорит, что представленные объекты в пространстве и времени — это реальные сущности вне нас. «В то время как трансцендентальный идеализм указывает на способы, которыми мы представляем объекты, то есть на трансцендентальные условия нашего познания последних, эмпирический реализм разъясняет, что объекты, хотя и познаваемые только при этих условиях, существуют независимо от нас в пространстве и времени» (Heidemann, 2021, p. 3232)⁸. Таким

⁸ Хайдеман показывает, что понятийные различия, введенные Кантом, стали основой для современных дискуссий о реализме. Кант не только изобрел современное значение термина «реализм», но также создал теоретическую топографию форм реализма, которая до сих пор оформляет понимание философских вопросов, касающихся внешней реальности (Heidemann, 2021). Разнообразие форм реализма становится возможным после кантовского совмещения идеализма и реализма, которые представляются обычно как противостоящие позиции.

represented in space and time to be phenomena and not things in themselves. Empirical realism says that objects represented in space and time are real entities outside us. “Whereas transcendental idealism lays out the way we represent objects, i.e., the transcendental conditions of our cognition of them, empirical realism expounds that objects, although cognisable only under these conditions, exist independently of us in space and time” (Heidemann, 2021, p. 3232).⁸ Thus the differentiation of transcendental idealism and empirical realism can be seen as a complication of the concept of subjectivity. Subjectivity turns out to be the bearer of inherent realism of subjects,⁹ and space and time its necessary real forms.

3. Space and Time Are Subjective, but Their Validity Is Objective

Some scholars focus attention on objective validity which Kant held to be a characteristic of space and time. Speaking about time, Kant says that “It is only of objective validity in regard to appearances, because these are already things that we take as objects of our senses; but it is no longer objective if one abstracts from the sensibility of our intuition, thus from that kind of representation that is

⁸ Heidemann shows that conceptual distinctions introduced by Kant provided the basis of modern discussions about realism. Kant did not merely invest the term realism with new meaning, but also created a theoretical topography of the forms of realism which to this day frames the understanding of philosophical issues with regard to external reality (Heidemann, 2021). The diversity of forms of realism became possible only after Kant combined idealism and realism, which are usually seen as opposites.

⁹ The Kantian version of realism is the subject of studies by Paul Abela (2002), Lucy Allais (2015), Kenneth R. Westphal (2004) and others. An article by Abela (1996) compares Kant’s empirical realism and the inner realism of Hilary Putnam.

образом, различие трансцендентального идеализма и эмпирического реализма может пониматься как усложнение понятия субъективности. Субъективность оказывается носителем внутреннего, присущего субъектам реализма⁹, а пространство и время — его необходимыми реальными формами.

3. Пространство и время субъективны, а их значимость объективна

Ряд исследователей акцентирует внимание на такой характеристике пространства и времени у Канта, как объективная значимость. Так, говоря о времени, Кант утверждает, что «оно имеет объективную значимость только в отношении явлений, потому что именно явления суть вещи, которые мы принимаем за *предметы наших чувств*, но оно уже не объективно, если отвлечься от чувственной природы нашего созерцания, т.е. от свойственного нам способа представления, и говорить о *вещах вообще*» (А 34—35 / В 51; Кант, 2006, с. 111). Время имеет объективную значимость в отношении явлений. В отношении вещей вне чувственного созерцания — оно ничто. Таким образом, субъективные формы пространства и времени обладают объективной значимостью.

Можно заметить, что Кант понимает субъективность пространства и времени особым образом. Субъективность в обыденном понимании предполагает, что пространство и время уникальны у каждого конкретного субъекта, каждый индивидуальный субъект создает пространство и время. Но Кант под субъективностью пространства и времени понимает субъективность, превосходящую всех конкретных субъектов, это нечто надиндивидуальное и транссубъективное. Субъективное, понима-

peculiar to us, and speaks of things in general" (KrV, A 34-35 / B 51; Kant, 1998, p. 164). Time has objective validity with regard to phenomena. It is nothing with regard to things outside sensible intuition. Thus, subjective forms of space and time have objective validity.

It will readily be seen that Kant has a peculiar view on subjectivity of space and time. Subjectivity commonly assumes that space and time are unique for each concrete individual, each individual subject creating space and time. But Kant sees subjectivity of space and time as subjectivity that is above all the concrete subjects, as something supra-individual and trans-subjective. Understood in this way, the subjective morphs into the objective while not becoming objective in the sense of objective reality and acquires objective validity. For example, Danil Razeev (2010, pp. 188-189) says that Kant, "thanks to his 'revolution in the mode of thinking', comes to the conclusion that *the objective* is none other than the *transformed subjective*. In other words, the objective can be understood not as something fundamentally juxtaposed to the subjective, but as a special product of the subjective." Subjectivity becomes the bearer of objective validity",¹⁰ "the source of objectivity within the immanence of experience, because it provides a universal and normative interpretive framework from within itself" (Brinkmann, 2011, p. 39). The underlying basis of objectivity does not need to be certified by any concrete subject or community of subjects. Objectivity flows from the universal quality of the thinking I. "The inherently synthetic unity of apperception is the foundation of any objectivity"¹¹ (Tuschling,

⁹ Кантовскому варианту реализма посвящены исследования П. Абелы (Abela, 2002), Л. Эллаис (Allais, 2015), К. Вестфаля (Westphal, 2004) и др. Сравнению эмпирического реализма Канта и внутреннего реализма Х. Патнэма посвящена статья Абелы (Abela, 1996).

¹⁰ Obviously, this interpretation of subjectivity became the prerequisite of the future philosophy of H. Lotze and the Baden school of Neo-Kantianism.

¹¹ Cf. "[...] *die ursprünglich-synthetische Einheit der Apperzeption* [ist] Grund aller Objektivität [...]."

емое таким образом, переходит уже в область объективного, но не становится объективным в смысле объективной реальности, а начинает обладать объективной значимостью. Так, например, Д. Н. Разеев указывает, что «Кант, благодаря осуществленной им “революции в способе мышления”, приходит к выводу, что *объективное* есть не что иное, как *трансформированное субъективное*. Иными словами, объективное может пониматься не в качестве чего-то принципиально противостоящего субъективному, а в качестве его (субъективного) особого продукта» (Разеев, 2010, с. 188–189). Субъективность становится носителем объективной значимости¹⁰, «источником объективности в имманентности опыта, поскольку она обеспечивает универсальную и нормативную интерпретационную рамку изнутри себя самой» (Brinkmann, 2011, p. 39). Фундаментальная основа объективности не нуждается в удостоверении каким-либо конкретным субъектом или сообществом субъектов. Объективность вытекает из универсального качества субъекта как мыслящего Я. «Изначально-синтетическое единство апперцепции есть основание всякой объективности» (Тушлинг, 2006, с. 543). Объективная значимость понимается только в формальном отношении: «То, что метафизика до Канта — также и в формальном отношении — относилась к объекту, он поистине отвоевывает у объективного и переносит в область субъективного. Ведь весь смысл трансцендентального аргумента, в конечном счете, сводится к тому, что в процессе познания мы постигаем не столько чуждое нам объективное, сколько знакомое нам субъективное» (Разеев, 2010, с. 189)¹¹.

¹⁰ Очевидно, что именно такая интерпретация субъективности стала предпосылкой будущей философии значимости Г. Лотце и Баденской школы неокантианства.

¹¹ Схожей позиции придерживался также В. Ф. Асмус: «Разъяснение Канта состоит в предложении отличать эмпирическую реальность времени от его трансцендентальной идеальности. Эмпирически время реально. Это значит, что оно сохраняет свою объективную значимость для всех предметов, которые когда-либо могут быть даны нашим чувствам» (Асмус, 1973, с. 191).

2006, p. 543). Objective validity is understood only in the formal sense: “What pre-Kantian metaphysics — including in a formal sense — attributed to the object, he truly reclaims from the objective and transfers to the domain of the subjective. For the whole point of the transcendental argument boils down to the fact that in the process of cognition we learn not so much the objective that is alien to us as the subjective we are familiar with” (Razeev, 2010, pp. 188-189).¹²

Objectivity can be interpreted not so much as independence from the subject as from the subject’s will. This is the position of Victor P. Lega (2009, pp. 142-143):

The conventional view is that what exists outside consciousness is objective and what exists in and depends on consciousness is subjective. Hence the identification of the objective with the material and sensible. In reality, according to the definition, the objective is that which does not depend on man’s will and the subjective is that which does depend on his will. Therefore, according to Kant, *a priori* forms of sensibility, such as space and time, exist both subjectively and objectively.

Brinkmann notes that subjectivity in Kant’s philosophy should be seen in two ways because the bearer of subjectivity in Kant’s philosophy may be, on the one hand, the universal transcendental subject and, on the other hand, an empirical subject. The empirical subject has many constraints and is prone to err, but objectivity is possible thanks to the universal level of subjectivity. Thus, this approach to interpreting space and time concentrates on their objective formality. In that respect space

¹² A similar view was expressed by Valentin F. Asmus (1973, p. 191): “Kant’s clarification consists in the proposal to distinguish the empirical reality of time from its transcendental ideality. Empirically, time is real. This means that it retains its objective validity for all the objects which may ever be given our senses.”

Объективность может трактоваться как независимость не столько от субъекта, сколько от воли субъекта. Подобная позиция встречается, например, у В. П. Леги:

Согласно обыденному мнению, объективным считается то, что существует вне сознания, а субъективным — то, что существует в сознании и зависит от него. Отсюда отождествление объективного с материально-чувственным. В действительности же, согласно определению, объективным является то, что не зависит от воли человека, а субъективно то, что от его воли зависит. Поэтому, по Канту, априорные формы чувственности, такие как пространство и время, существуют как субъективно, так и объективно... (Лега, 2009, с. 142–143).

К. Бринкман указывает на то, что субъективность в философии Канта нужно рассматривать двояко, поскольку носителем субъективности может быть, с одной стороны универсальный трансцендентальный субъект, с другой — эмпирический субъект. Эмпирический субъект сильно ограничен и склонен к ошибкам, но объективность при этом возможна благодаря универсальному уровню субъективности. Таким образом, данный подход к трактовке пространства и времени концентрируется на их объективной формальности. В этом отношении пространство и время как универсальные априорные структуры являются объективными, так как становятся носителями универсальной объективной значимости, независимой от конкретных субъектов.

4. Пространство и время не могут быть исключительно субъективными

Отдельного внимания заслуживает подход, который оформляется, например, в философии Адольфа Тренделенбурга. Комментируя трансцендентальную эстетику Канта, Тренделенбург настаивает на ошибочности

and time as universal *a priori* structures are objective because they become the bearers of universal objective validity independent from concrete subjects.

4. Space and Time Cannot Be Only Subjective

The approach represented, for example, by Trendelenburg merits special attention. Commenting on Kant's transcendental aesthetic, Trendelenburg argues that it is a mistake to totally exclude the objective side from sensual cognition. For Kant, experience is ordered because there are *a priori* forms of sensibility. But for Trendelenburg this is just one of the reasons. The order in the phenomenal world may be due to the orderliness of the world itself. Sensibility can capture something ordered in the world itself. In *Logical Investigations* Trendelenburg argues that recognising the subjectivity of space and time, it would be a mistake to rule out the "participation" of things in themselves in these forms of intuition.¹³ Not only subjectivity must be prepared for the representation of the thing in space and time, but the thing itself should contain the conditions of such spatio-temporal representation. This is a possible conclusion if Kant's reflections are carried through to the end: "We are not presenting here what Kant wanted, but stating what turns out to be actually contrary to his will"¹⁴ (Trendelenburg, 1862, p. 159). While Kant shows the subjectivity of space and time by invoking the apodictic authenticity of science, Trendelenburg notes that a scientific fact cannot be proved only through subjectivity. Scientific veracity shows

¹³ This is the theme of yet another of Trendelenburg's work, "On the Gap in Kant's proof of Exclusive Subjectivity of Space and Time" (Trendelenburg, 1867). For more on Trendelenburg's position in his dispute with Kuno Fischer on space and time see Demin (2010).

¹⁴ Cf. "Wir stellen nicht dar, was Kant wollte, sondern wir sagen, was sich auch gegen seinen Willen ergibt."

абсолютного исключения объективной стороны в чувственном познании. Для Кант причина упорядоченности опыта состоит в том, что есть априорные формы чувственности. Но, с точки зрения Тренделенбурга, это только одна из причин. Причина упорядоченности мира в явлении может состоять и в упорядоченности самого мира. Чувственность в состоянии ухватить нечто упорядоченное в самом мире. В «Логических исследованиях» Тренделенбург утверждает, что, признавая субъективность пространства и времени, ошибочно исключать «участие» вещей самих по себе в этих формах созерцания¹². Не только субъективность должна быть подготовлена к представлению вещи в пространстве и времени, но и сама вещь должна содержать в себе условия для такого пространственно-временного представления. Подобный вывод возможен, если довести размышления Канта до конца: «Мы излагаем здесь не то, чего именно Кант хотел, а то, что выходит из его оснований даже и против его воли» (Тренделенбург, 1868, с. 145). Если Кант через отсылку к аподиктической достоверности науки показывает субъективность пространства и времени, то Тренделенбург замечает, что факт науки не может быть доказан только через субъективность. Научная достоверность указывает на выход за пределы субъективности.

Будь пространство и время исключительно лишь формами субъективного духа, тогда математика смогла бы постичь только то, что дается в явлениях нашей собственной познавательностью, а другую половину явления поневоле оставляла бы нетронутой; в таком случае была бы невозможна прикладная математика, которая потому лишь уразумевает и покоряет себе явление, что умеет схватить

¹² Данной теме посвящена еще одна работа А. Тренделенбурга — «О бреши в кантовском доказательстве исключительной субъективности пространства и времени» (Trendelenburg, 1867). Подробнее о позиции А. Тренделенбурга и его споре с К. Фишером по вопросу о пространстве и времени см.: (Дёмин, 2010).

the way beyond subjectivity.

Were space and time exclusively forms of the subjective spirit then mathematics would be able to understand only what is given in appearances, leaving the other half untouched; in that case applied mathematics would be impossible, but it can comprehend and conquer the phenomenon because it can capture both elements in it. In becoming phenomena things submit to the laws of time and space; and if they obey these forms then this is possible owing to the nature of things. It is inconceivable that they could form a common source with the forms of space and time unless they were in some way involved in these forms themselves¹⁵ (Trendelenburg, 1862, p. 161).

Trendelenburg criticises the position which interprets space and time as exclusively subjective forms of cognition. If space and time are subjective it does not in any way rule out their objectivity. "They are both something subjective. But what prevents them from being also something objective? Is it not because they are just as necessary for the spirit as they are for other objects?"¹⁶ (Trendelenburg, 1862, p. 162). Thus space and time can be not only subjective but also objective forms of cognition.

According to Trendelenburg, the only source of the objectivity of space and time is motion.

¹⁵ Cf. "Wären nun Raum und Zeit nur Formen des subjektiven Geistes, so könnte die Mathematik nur das erfassen, was an den Erscheinungen unser eigenes Erkenntnisvermögen aus sich hergibt, aber die andere Hälfte der Erscheinung müsste sie unberührt lassen; es wäre also angewandte Mathematik, welche doch nur dadurch die Erscheinung begreifen und zum Gehorsam bestimmen könnte, dass sie in ihr beide Elemente erfasste, unmöglich. Indem die Dinge zu Erscheinungen werden, folgen sie den Gesetzen von Raum und Zeit, und indem sie sich in Raum und Zeit fassen lassen, muss dies ihrer eigenen Natur nach möglich sein. Es wäre nicht denkbar, dass sie mit den Formen von Raum und Zeit eine Gemeinschaft eingehen, wenn sie nicht selbst in irgend einer Weise an Raum und Zeit Theil hätten."

¹⁶ Cf. "Sie sind beide etwas Subjektives. Was verhindert sie aber zugleich etwas Objektives zu sein? Sind sie vielleicht nicht gerade darum für den Geist nothwendig, weil sie es für die Dinge sind?"

в нем оба элемента. Становясь явлениями, вещи подчиняются законам времени и пространства; и если они послушны этим формам, значит — так возможно по собственной природе вещей. Немыслимо, чтобы они входили в сделку с формами пространства и времени, не участвуя они как-нибудь сами в этих формах (Там же, с. 148; пер. уточнен. — Л.К.).

Тренделенбург критикует позицию, трактующую пространство и время как исключительно субъективные формы познания. Если пространство и время субъективны, то это никак не исключает их объективности. «Оба они нечто субъективное. Но что мешает им быть вместе и чем-то объективным? Не потому ли именно необходимы они для духа, что необходимы также и для вещей?» (Там же, с. 149). Таким образом, пространство и время могут быть не только субъективными, но и объективными формами познания.

Единым источником объективности пространства и времени, согласно Тренделенбургу, является движение.

Насколько вещи произошли из движения, настолько они несут с собой пространство как свойственный, прирожденный им удел. Время не перебрасывается в вещи из внутреннего состояния души; насколько они движутся, настолько в них есть и время, да притом еще как собственный их акт. <...> Если движение так же изначально принадлежит мысли, как и бытию, и если из движения прежде всего рождается пространство и время, то в этом и лежит то согласие субъективного с объективным, которое порушил было Кант (Там же, с. 155–156).

Схожая позиция представлена в статье Алексея Ивановича Введенского «Учение Канта о пространстве» (Введенский, 1895а; 1895б)¹³. Русский философ также указывает на необоснованность исключения в трансценденталь-

¹³ Алексея Введенского (1861–1913) не следует путать с известным русским кантианцем Александром Ивановичем Введенским (1856–1925). Подробнее см.: (Введенский, Рожин, 2024, с. 154).

As much as things have originated from motion, so they carry with them the space as their inherent, inborn element. Time is not cast into things from the inner state of the soul; to the extent that they move they have time within them, and they have it as their own act [...]. If motion inheres in thought, like in being, and if it is above all motion that generates space and time, herein lies the concord between the subjective and the objective which Kant destroyed¹⁷ (*ibid.*, p. 168).

A similar position is presented in the article “Kant’s Teaching on Space” by Aleksey Vvedensky (1895a; 1895b).¹⁸ The Russian philosopher, too, objects to the exclusion from transcendental aesthetic of objectivity as a property of space. He thinks Kant in the second edition of the *Critique of Pure Reason* hierarchises subjectivity¹⁹ into two tiers: one in the broad and the other in the narrow sense. Subjectivity in the broad sense includes all the simple senses, space being one of them, from the beginning. Subsequently Kant isolates within subjectivity in the broad sense subjectivity in the narrow sense in which space, unlike changeability of individual sensations,

¹⁷ Cf. “So weit die Dinge aus Bewegung entstanden sind, tragen sie den Raum wie ein eigenthümliches Erbtheil an sich. Die Zeit wird nicht aus dem inneren Zustand der Seele in die Dinge hinein geworfen; sondern inwiefern sich diese bewegen, ist die Zeit darin und ihre eigene That [...]. Wenn die Bewegung ebenso ursprünglich dem Denken, als dem Sein angehört, und wenn aus der Bewegung Raum und Zeit zunächst erzeugt werden: so liegt darin jene Harmonie des Subjektiven und Objektiven, die von Kant gewaltsam zerrissen wurde.”

¹⁸ Alexey Vvedensky (1861–1913) is not to be confused with the prominent Russian Neo-Kantian Aleksandr Vvedensky (1856–1925). For more detail see Vvedensky and Rozhin (2024, p. 154).

¹⁹ Subjectivity with Kant can also be problematised chronologically. For example, M. Martić notes that Kant does not always view subjective space and time as *a priori* forms of sensibility. In various periods he interpreted them as concepts and ideas. For more detail see Martić (2022).

ной эстетике объективности как характеристики пространства. С точки зрения Введенского, Кант во втором издании «Критики чистого разума» иерархизирует субъективность¹⁴, она получает у него два значения — в широком и в узком смысле. Субъективность в широком смысле включает в себя все простые чувственные ощущения, и пространство изначально было одним из этих ощущений. Впоследствии Кант внутри субъективности в широком смысле выделяет субъективность в узком смысле, где пространство в отличие от изменчивости индивидуальных ощущений наделяется общезначимостью¹⁵. Общезначимость же, считает Введенский, указывает в большей степени на объективность, чем на субъективность. «Пространство, таким образом, занимает исключительное место: оно вместе и субъективно, и объективно (“субъективно-объективно”). В сравнении с ним субъективность ощущений есть, так сказать, субъективность второй степени. Итак, в конце концов, *пространство, по Канту, все же субъективно, хотя и не в такой степени, как ощущения*» (Введенский, 1895б, с. 99).

Подход Тренделенбурга и Введенского можно условно объединить. Они настаивают на субъективно-объективном понимании про-

¹⁴ Проблематизация субъективности у Канта может проводиться и в хронологическом отношении. Так, например, М. Мартич показывает, что субъективные пространство и время у Канта не всегда понимались как априорные формы чувственности. В разные периоды творчества немецкого философа они могли трактоваться как понятия и идеи. Подробнее см.: (Martić, 2022).

¹⁵ Введенский иллюстрирует смещения в понимании субъективности, обращаясь к комментариям Ханса Файхингера, который соотносит кантовское учение о пространстве и времени с учением Локка о первичных и вторичных качествах: «Согласно Локку, чувственные качества и эмпирические объекты соотносятся как явление и вещь в себе. Так же или подобным образом соотносятся, по Канту, вещи в пространстве с истинными вещами, которые не находятся в пространстве. Следовательно, у Канта не было достаточного основания отвергать это сравнение с таким пафосом. Если бы он добавил необходимые оговорки, то мог бы спокойно воспользоваться этим сравнением» (Vaihinger, 1922, S. 364—365).

is invested with general validity.²⁰ General validity, Vvedensky believes, points rather toward objectivity than to subjectivity. “Thus space occupies an exclusive place: it is at once subjective and objective (‘subjective-objective’). By comparison, the subjectivity of sensations is, as it were, second-rank subjectivity. At the end of the day *space, according to Kant, is subjective, albeit not to the same degree as sensations*” (Vvedensky, 1895b, p. 99).

The approaches of Trendelenburg and Vvedensky are similar in that both insist that Kant’s understanding of space and time is subjective-objective. By criticising the position that space and time are exclusively subjective Trendelenburg and Vvedensky reveal the need for their objectivity.

Conclusion

Amid the infinite diversity of comments and interpretations of Kant’s transcendental aesthetic one can find some studies which question the common interpretation of space and time as exclusively subjective forms of intuition. These doubts have been prompted by the obvious gap between the subjective

²⁰ Vvedensky illustrates shifts in the interpretation of subjectivity by turning to the comments made by Hans Vaihinger. Vaihinger (1922, pp. 364-365) compares Kant’s doctrine of space and time with Locke’s doctrine of primary and secondary properties: “According to Locke sensible properties and empirical objects relate as appearance and things in themselves. According to Kant, sensible properties and empirical things in space relate to real things that are not in space in the same or similar way. So, Kant did not have sufficient grounds to reject this comparison so vehemently. He could well have used this comparison if he had made the necessary reservations” (cf. “*Nach Locke verhalten sich Sinnesqualitäten und empirische Objecte wie Erscheinung und Ding an sich. So oder ähnlich verhalten sich nach Kant die ganzen Dinge im Raume zu den wahren Dingen, die nicht im Raume sind. Kant hatte demnach keinen rechten Grund, jenen Vergleich mit solcher Emphase zurückzuweisen. Wenn er die nöthigen Cautelen hinzufügte, konnte er ruhig sich jenes Vergleiches bedienen*”).

странства и времени у Канта. Критикуя позицию, предполагающую исключительную субъективность пространства и времени, Тренделенбург и Введенский вскрывают необходимость их объективности.

Заключение

Среди бесчисленного многообразия комментариев и интерпретаций трансцендентальной эстетики Канта можно выделить ряд исследований, ставящих под сомнение расхожее толкование пространства и времени как исключительно субъективных форм созерцания. Сомнения вызваны очевидным разрывом между субъективными условиями опыта и объективной реальностью, а также контринтуитивностью субъективистского понимания пространства и времени в целом. Разрыв становится возможным снять, как мы видели, либо через критику учения Канта, либо через трансформацию, либо через прояснение его учения. Действительно ли пространство и время у Канта только субъективны?

Рассмотренные в статье подходы, несмотря на их хронологическую и методологическую разнородность, объединяет отрицательный ответ на этот вопрос. Причем отрицательный ответ подкрепляется не столько критикой или требованием изменить философию Канта, сколько попытками ее прояснить. Все позиции объединяет стремление либо расширить, либо сузить понимание субъективности пространства и времени у Канта с целью выявления их объективности: субъективность, ограниченная гносеологическим контекстом, позволяет говорить о субстанциальном понимании пространства и времени; субъективность, понимаемая как априорность, позволяет выделить объективную сторону в структуре самой субъективности; понятие общезначимости форм пространства и времени выводит их за пределы субъективности; акцент на объективности пространства и времени не противоречит их субъективистской трактовке. Субъективно-объек-

conditions of experience and objective reality, as well as by the counterintuitive subjectivist understanding of space and time in general. The gap can be removed, as we have seen, either through criticising Kant's teaching or through a transformation, or through clarification of his teaching. Did Kant really consider space and time to be totally subjective?

The approaches examined in this article, for all their chronological and methodological differences, all give a negative answer to this question. The negative answer is buttressed not so much by critique or the demand for changing Kant's philosophy as by attempts to clarify it. All the positions have in common the intention to broaden or to narrow Kant's conception of space and time in order to reveal their objectivity: subjectivity limited by the epistemological context speaks for substantial interpretation of space and time; subjectivity understood as *a priori* makes it possible to reveal an objective side in the structure of subjectivity: the concept of general validity of the forms of space and time takes them beyond the limits of subjectivity; emphasis on the objectivity of space and time does not contradict their subjectivistic interpretation. Subjective-objective interpretations of the Kantian teaching on space and time can be systematised in accordance with their underlying principles: problematisation of the concept of subjectivity, manifested in the broadening or, on the contrary, narrowing of the concept of subjectivity, its complication and hierarchisation; particular attention to the specific understanding of empirical reality; a special role of validity.

Study of these approaches may become an organic part of research into the history of realistic philosophical systems "in the Kantian spirit" which try to combine the cognitive restrictions of critical philosophy and access

тивные интерпретации кантовского учения о пространстве и времени могут быть систематизированы в соответствии со своими основаниями: проблематизацией понятия субъективности, что выражается в расширении или, наоборот, сужении данного понятия, его усложнении и иерархизации; особым вниманием к специфическому пониманию эмпирической реальности; особой ролью аспекта значимости.

Изучение данных подходов может стать органичной частью исследований по истории реалистических философских систем «в духе Канта», пытающихся совместить познавательные ограничения критической философии и доступ к объективной реальности, — например, философии реалистического направления неокантианства (А. Риль, О. Кюльпе), а также поможет дополнить современные дискуссии о разных формах реализма и антиреализма в эпистемологии. Трактовка субъективности как объективной значимости позволяет прояснить взаимосвязь кантианства с неокантианской философией значимости, главным образом Баденской школы (Г. Риккерт, Э. Ласк), и с важным для феноменологии учением Э. Гуссерля об объективности как интересубъективности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10071 «Пространство и время в британской, немецкой и русской философии XVII–XIX веков», <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>.

Список литературы

- Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М. : Наука, 1973.
- Введенский А. И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895а. Т. 2, № 6. С. 390–404 (3-я пагин.).
- Введенский А. И. Учение Канта о пространстве: (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. 1895б. Т. 3, № 7. С. 73–102 (2-я пагин.).
- Введенский А. И., Рожин Д. О. «Великий рационалист»: Алексей Введенский о Канте в контексте русской кантианы // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 149–180. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>.

to objective reality, for example, the realistic trend in Neo-Kantianism (Alois Riehl, Oswald Külpe), and add to the modern discussions of various forms of realism and anti-realism in epistemology. Interpretations of subjectivity as objective validity helps to clarify the interconnection between Kantianism and the neo-Kantian philosophy of validity, mainly of the Baden school (Heinrich Rickert, Emil Lask) and with Edmund Husserl's doctrine of objectivity as inter-subjectivity, which is important for phenomenology.

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 24-78-10071 “Space and Time in British, German, and Russian Philosophy of the 17th – 19th Centuries”, <https://rscf.ru/project/24-78-10071/>.

References

- Abela, P., 1996. Putnam's Internal Realism and Kant's Empirical Realism: The Case for a Divorce. *Idealistic study*, 26(1), pp. 45-56.
- Abela, P., 2002. *Kant's Empirical Realism*. New York: Oxford University Press.
- Allais, L., 2015. *Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism*. Oxford: Oxford University Press.
- Allison, H., 1996. *Idealism and Freedom: Essays on Kant's Theoretical and Practical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Asmus, V.F., 1973. *Immanuel Kant [Immanuel Kant]*. Moscow: Nauka. (In Rus.)
- Brinkmann, K., 2011. *Idealism Without Limits: Hegel and the Problem of Objectivity*. Boston: Springer Netherlands.
- Chaplin, R., 2022. Kant on the Givenness of Space and Time. *European Journal of Philosophy*, 30(3), pp. 877-898. <https://doi.org/10.1111/ejop.12817>.
- Demin, M. R., 2010. The Right to Kant: On the Dispute between Adolf Trendelenburg and Kuno Fischer. In: I. N. Griftsova and N. A. Dmitrieva, eds. 2010. *Neokantianstvo nemetskoe i russkoe: mezhdru teoriei poznaniya i kritikoi kul'tury [German and Russian Neo-Kantianism: Between Theory of Cognition and Critique of Culture]*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), pp. 66-85. (In Rus.)

Дёмин М. Р. Право на Канта: к спору Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой. М. : РОССПЭН, 2010. С. 66–85.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 247–372.

Кант И. Критика чистого разума // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Лега В. П. История западной философии : учеб. пособие. Ч. 2 : Новое время. Современная западная философия. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009.

Ойзерман Т. И. Кантовская концепция пространства и времени // Кантовский сборник. 2009. Т. 29, № 1. С. 7–18.

Разеев Д. Н. Телеология И. Канта. СПб. : Наука, 2010.

Семенов В. Е. Коперниканская революция И. Канта и теория опыта // Трансцендентальный журнал. 2022. Т. 3, вып. 1–2. URL: <https://transcendental.su/S271326680020910-1-1> (дата обращения: 01.04.2025). <http://dx.doi.org/10.18254/S271326680020910-1>.

Тренделенбург А. Логические исследования. М. : Изд. А. Солдатенкова, 1868. Т. 1.

Тушинг Б. Послесловие немецких эдиторов // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 2. С. 509–574.

Abela P. Putnam's Internal Realism and Kant's Empirical Realism: The Case for a Divorce // *Idealistic Studies*. 1996. Vol. 26, № 1. P. 45–56.

Abela P. Kant's Empirical Realism. N.Y. : Oxford University Press, 2002.

Allais L. Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism. Oxford : Oxford University Press, 2015.

Allison H. Idealism and Freedom: Essays on Kant's Theoretical and Practical Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.

Brinkmann K. Idealism Without Limits: Hegel and the Problem of Objectivity. Boston : Springer Netherlands, 2011.

Chaplin R. Kant on the Givenness of Space and Time // *European Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 30, № 3. P. 877–898. <https://doi.org/10.1111/ejop.12817>.

Heidemann D. Kant and the Forms of Realism // *Synthese*. 2021. Vol. 198 (Suppl 13). P. 3231–3252. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02502-4>.

Kılınç B. Concepts of Objectivity in Kant // *Recht und Frieden in der Philosophie Kants: Akten des X. Internationalen Kant-Kongresses* / hrsg. von V. Rohden, R. R. Terra, G. A. de Almeida, M. Ruffing. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2008. P. 363–374. <https://doi.org/10.1515/9783110210347.2.363>.

Heidemann, D., 2021. Kant and the Forms of Realism. *Synthese*, 198, Suppl 13, pp. 3231-3252. <https://doi.org/10.1007/s11229-019-02502-4>.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2004. *Metaphysical Foundations of Natural Science*. Edited by K. Americks and D. Clark. Cambridge: Cambridge University Press.

Kılınç, B., 2008. Concepts of Objectivity in Kant. In: V. Rohden, R. R. Terra, G.A. de Almeida and M. Ruffing, eds. 2008. *Recht und Frieden in der Philosophie Kants: Akten des X. Internationalen Kant-Kongresses*. Berlin & New York: De Gruyter, pp. 363-374. <https://doi.org/10.1515/9783110210347.2.363>.

Lega, V. P., 2009. *Istoriya zapadnoi filosofii. Chast' vtoraya. Novoe vremya. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: uchebnoe posobie* [The History of Western Philosophy. Part Two. The Modern Era. Contemporary Western Philosophy: A Textbook]. Moscow: PSTGU Press. (In Rus.)

Martić, M., 2022. *Zeit und Raum. Eine Untersuchung zur Entwicklung der Zeit- und Raumlehre bei Immanuel Kant*. Berlin & Boston: De Gruyter.

Melnick, A., 1989. *Space, Time, and Thought in Kant*. Dordrecht, Boston & London: Kluwer Academic Publishers.

Oizerman, T. I., 2009. Kantian Conception of Space and Time. *Kantian Journal*, 29(1), pp. 7-18. (In Rus.)

Razeev, D. N., 2010. *Teleologiya I. Kanta* [I. Kant's Teleology]. Saint-Petersburg: Nauka. (In Rus.)

Schrader, G., 1951. The Transcendental Ideality and Empirical Reality of Kant's Space and Time. *The Review of Metaphysics*, 4(4), pp. 507-536.

Semenov, V. E., 2022. I. Kant's Copernican Revolution and the Theory of Experience. *Studies in Transcendental Philosophy*, 3(1-2). <http://dx.doi.org/10.18254/S271326680020910-1> (Accessed 1 April 2025). (In Rus.)

Trendelenburg, A., 1862. *Logische Untersuchungen. Second Edition. Volume 1*. Leipzig: S. Hirzel.

Trendelenburg, A., 1867. Über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschließenden Subjektivität des Raumes und Zeit. *Historische Beiträge zur Philosophie. Volume 3*. Berlin: G. Bethge, pp. 215-276.

Tuschling, B., 2006. Nachwort der deutschen Herausgeber. In: I. Kant, 2006. *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe. Volume 2, Part 2: Kritik der reinen Vernunft*. Moscow: Nauka, pp. 509-574. (In Rus.)

Vaihinger, H., 1922. *Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. Stuttgart: Union deutsche Verlagsgesellschaft.

Martić M. Zeit und Raum. Eine Untersuchung zur Entwicklung der Zeit- und Raumlehre bei Immanuel Kant. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2022.

Melnick A. Space, Time, and Thought in Kant. Dordrecht ; Boston ; L. : Kluwer Academic Publishers, 1989.

Schrader G. A. The Transcendental Ideality and Empirical Reality of Kant's Space and Time // The Review of Metaphysics. 1951. Vol. 4, № 4. P. 507–536.

Trendelenburg F. A. Über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschließenden Subjektivität des Raumes und Zeit // Historische Beiträge zur Philosophie. Berlin : G. Bethge, 1867. Bd. 3. S. 215–276.

Vaihinger H. Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Stuttgart : Union deutsche Verlagsgesellschaft, 1922.

Westphal K. Kant's Transcendental Proof of Realism. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Об авторе

Леонид Юрьевич **Корнилаев**, кандидат философских наук, философский факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: kornhist@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

Для цитирования:

Корнилаев Л. Ю. Дискуссии о субъективности / объективности пространства и времени у Канта: основные подходы // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 1. С. 59–77.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-3>

© Корнилаев Л. Ю., 2026.

Vvedensky, A. I., 1895a. Kant's Doctrine of Space (Explanation and Criticism). *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 2(6), pp 390-404. (In Rus.)

Vvedensky, A. I., 1895b. Kant's Doctrine of Space (Explanation and Criticism). *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]*, 3(7), pp 73-102. (In Rus.)

Vvedensky, A. I. and Rozhin, D. O., 2024. "The Great Rationalist": Alexey Vvedensky on Kant in the Context of Russian Kantiana. *Kantian Journal*, 43(1), pp. 149-180. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-7>.

Westphal, K., 2004. *Kant's Transcendental Proof of Realism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Leonid Yu. **Kornilaev**, Department of Philosophy for Humanities, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: kornhist@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4520-3218>

To cite this article:

Kornilaev L. Yu., 2026. Discussions on Subjectivity / Objectivity of Space and Time According to Kant: Main Approaches. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 59-77.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-3>

© Kornilaev L. Yu., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЭХО ИДЕЙ И. КАНТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. А. Бажанов¹

В статье предпринимается попытка осмыслить идеи И. Канта об априорном характере пространства и времени в контексте современных когнитивных исследований и нейронауки. Исходя из кантианского понимания пространства и времени как форм чувственности рассматривается, каким образом данные нейробиологии подтверждают и одновременно модифицируют классический философский нативизм. Особое внимание уделяется эмпирически установленным врожденным когнитивным механизмам, таким как «чувство числа» и предполагаемое «чувство пространства», которые имеют онтогенетические и нейронные основания; анализируются открытия навигационных систем мозга, включая клетки «места», что позволяет говорить о существовании функционально автономного «геометрического» (а не только числового) модуля. Показано, что данный модуль играет ключевую роль не только в ориентации в физическом пространстве, но и в формировании абстрактных понятий, семантических структур и социальных связей. Рассматриваются данные о независимости базовой геометрической интуиции от культурного и сенсорного опыта, включая исследования пространственных представлений у слепых от рождения индивидов. Отдельный раздел посвящен анализу SNARC-эффекта и возможного влияния характера письменности и конфигурации шрифтов на пространственно-числовые и когнитивные ассоциации. Этот феномен демонстрирует взаимосвязь восприятия чисел и направлений в пространстве, которая обусловлена и культурными особенностями: у людей с левосторонним письмом большие числа ассоциируются с правым направлением, тогда как у тех, кто пишет справа налево, эта

¹ Ульяновский государственный университет, Россия, 432017, Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42.
Поступила в редакцию: 25.11.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-4

ECHOES OF KANT'S IDEAS IN MODERN COGNITIVE RESEARCH

V. A. Bazhanov¹

This article examines Kant's ideas on the a priori character of space and time in the context of modern cognitive research and neuroscience. Proceeding from the Kantian view of space and time as forms of sensibility, I look at how neurobiological data confirm and simultaneously modify classical philosophical nativism. I pay particular attention to empirically-confirmed, inborn cognitive mechanisms such as the "sense of number" and the supposed "sense of space" which have ontogenetic and neural foundations. I look at discoveries pertaining to the brain's navigation systems, including "place" cells, which point to the existence of a functionally autonomous "geometric" (and not just a "number") module. This module has been shown to play a key role, not only in one's orientation in physical space, but also in the formation of abstract concepts, semantic structures, and social ties. I examine data on the independence of basic geometric intuition from cultural and sensory experience, including research on spatial representations in born-blind individuals. A special section is devoted to the analysis of the Spatial-Numerical Association of Response Codes (SNARC) effect: its possible influence on the character of the writing system, and, conversely, of script configuration on spatial-numerical and cognitive associations. This phenomenon demonstrates an interconnection between the perception of numbers and direction in space, which is partly determined by cultural features: people with left-to-right writing associate numbers of a larger magnitude with the right side, while people who write from right to left have the reverse associa-

¹ Ulyanovsk State University.
42 L. Tolstogo st., Ulyanovsk, 432017, Russia.
Received: 25.11.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-4

ассоциация обратна. Таким образом человеческие представления о пространстве и времени являются результатом сложного взаимодействия врожденных способностей нервной системы и внешнего культурного влияния. В заключение указывается на перспективность концепции биокультурного со-конструктивизма, согласно которой врожденные нейронные структуры и культурные практики находятся в динамическом взаимодействии, что позволяет глубже понять смысл кантианской исследовательской программы, реализуемой в современной нейронауке.

Ключевые слова: кантианская исследовательская программа в нейронауке, «чувство числа», «чувство пространства», модулярная теория мозга, трансцендентализм, биокультурный со-конструктивизм, SNARC-подобные эффекты

Невозможно вообразить, чтобы функционирование мозга / разума было понято вне представлений, связанных с фундаментальными математическими принципами.

М. Громов (Gromov, 2011, p. 7).

1. Введение

Суждения И. Канта об априорном характере пространства и времени хорошо известны. Кант считал, что «*понятие пространства есть чистое созерцание... основная форма всякого внешнего ощущения*» (AA 02, S. 402; Кант, 1994, с. 298); «*качество пространства и времени... заключено в моем способе созерцания, а не в этих объектах самих по себе*» (B 69; Кант, 2006, с. 131). Таким образом, пространство и время трактовались Кантом не как объективные сущности, но как формы чувственности, заданные самой природой человеческого ума.

Между тем за последнее время эти суждения Канта, с одной стороны, явились мощными импульсами для продолжения когнитивных исследований, а с другой — были пересмотрены и развиты благодаря тому, что для представлений о пространстве и времени были обнаружены прочные (нейро)биологические основания.

Thus, human perceptions of space and time are the result of intricate interactions between congenital properties of the nervous system and extra-personal cultural influence. In conclusion, I stress the prospectivity of the concept “biocultural co-constructivism”, according to which congenital neuron structures and cultural practices are in dynamic interaction, and which promises deeper insight into the meaning of the Kantian research programme as implemented in modern neuroscience.

Keywords: Kantian research programme in neuroscience, “sense of number”, “sense of space”, modular brain theory, transcendentalism, biocultural co-constructivism, SNARC-type effects

It is unimaginable that a viable representation of the brain/mind interface is possible without being incorporated into a broader mathematical framework.

M. Gromov (2011, p. 7).

1. Introduction

Kant's judgements vis-à-vis the *a priori* character of space and time are well known. Kant maintained that “*the concept of space is [...] a pure intuition, [...] it is the fundamental form of all outer sensation*” (MSI, AA 02, p. 402; Kant, 1992, p. 396); “*the quality of space and time [...] lies in my kind of intuition and not in these objects in themselves*” (KrV, B 69; Kant, 1998, p. 190). Thus, Kant interpreted space and time not as objective entities, but as forms of sensibility stemming from the very nature of the human mind.

Of late, these judgments of Kant's have, on one hand, been powerful stimuli for continued cognitive research and, on the other hand, come in for reappraisal and development as “hard” neurobiological foundations have been discovered for the study of space and time.

Эти исследования показали, что в результате длительной, охватывающей миллионы лет эволюции живых систем на Земле в их мозге на онтогенетическом уровне, то есть от самого факта рождения, сформировалось так называемое «чувство числа» (феномен субитации, *numerosity*), которое позволяет симультанно воспринимать множества предметов до примерно 3–4, то есть количество. Эта универсальная — в смысле атрибута распространенности — способность живых систем основательно описана и довольно активно изучается в современной нейронауке (подробнее см.: Бажанов, 2021). Между тем представления о числе органическим образом связаны с представлениями о пространстве², которые анализируются в различных разделах геометрии. Допустимо ли, а может быть, даже необходимо наряду с «чувством числа» ввести представление о «чувстве пространства», которое также детерминировано онтогенетически и которое соответствует как духу, так и букве кантианской программы исследований в нейронауке? Полагаю, что ответ должен последовать положительный: «чувство пространства», как и «чувство числа», статус которых соответствует духу кантианской исследовательской программы в нейронауке³, — врожденная особенность мозга. Правда, предположительно это особенность только человеческого мозга, если иметь в виду способность оперировать в детстве простыми, а со временем и все более сложными геометрическими образами и абстракциями, воспринимать и применять симметрические конструкции (Sablé-Meyer, Fagot et al., 2021; Sablé-Meyer, Benjamin et al., 2026). Как замечает один из наиболее круп-

This research has shown that, over the course of millions of years of evolution on Earth, the brain, at the ontological level (i.e., from birth), has developed a “number sense” (the phenomenon of subitimation, numerosity), which allows it to simultaneously perceive sets of about 3-4 objects, i.e. to perceive number. This universal (in terms of its spread) capacity of living systems has been thoroughly described and is being actively studied in modern neuroscience (for details, see Bazhanov, 2021). At the same time, notions of number are organically linked with notions of space,² which are explored in various branches of geometry. Is it possible and perhaps necessary to introduce, along with the “number sense”, a “sense of space” which is also determined ontogenetically and which corresponds to the spirit — and indeed the letter — of the Kantian research programme in neuroscience? I believe the answer is affirmative: the “sense of space”, like the “sense of number”, the status of which chimes with the spirit of the Kantian research programme in neuroscience,³ is an inborn capacity of the brain. True, this capacity is likely to be the property only of the human brain, if we consider the fact that a child can handle simple but over time more complex geometrical images and abstractions, perceiving and making use of symmetrical constructions (Sablé-Meyer, Fagot, et al., 2021; Sablé-Meyer, Benjamin, et al., 2026). To quote Misha Gromov (2011, p. 53) — one of the foremost

²И, разумеется, времени (см.: Space, Time and Number... 2011; Buzsáki, Llinás, 2017).

³ Кантианская исследовательская программа в современной нейронауке преследует задачу связать идеи Канта об априори с (нейро)биологическими механизмами, вскрыть их физиологические основания, в частности показать, что представления о пространстве и времени завязаны на (нейро)физиологические структуры и возникают с рождением живого существа, то есть обусловлены онтогенетически (Dehaene, Brannon, 2011; Khachouf et al., 2013).

² And, of course, time — see Dehaene and Brannon (2011b), Buzsaki and Llinas (2017).

³ The Kantian research programme in modern neuroscience aims to link Kant's *a priori* ideas with (neuro) biological mechanisms, to discover their physiological foundations; in particular, to show that the concepts of space and time are wired into (neuro) physiological structures from the birth of a living creature, that is, ontogenetically programmed (cf. Dehaene and Brannon, 2011a; Khachouf, Poletti and Pagnoni, 2013).

ных математиков современности Миша Громов, чья мысль в данной работе используется в качестве эпиграфа, «вероятно, мозг — это своего рода скрытая... математическая машина, удивительно простая» (Gromov, 2011, p. 53).

Думается, что кантианская исследовательская программа в нейронауке может быть метафорически описана понятием парафраза, содержание которого связано с созданием некоторого нового произведения на основе «чужой» темы. В данном случае в качестве такого произведения выступает современная нейронаука, в которой слышатся отголоски гениальных прозрений Канта и переосмысливается его доктрина о «чистом созерцании». Опираясь на идеи К. Лоренца, одного из предшественников эволюционной эпистемологии, высказанные им в связи с анализом кантианских категорий познания, Иегуда Рав резюмировал: «При переходе от *предписательной эпистемологии* Канта к эволюционной *дескриптивной эпистемологии* категория *априорного познания* переосмысливается как врожденные (*a priori*) *когнитивные механизмы* индивида, которые эволюционировали на основе апостериорной конфронтации вида с окружающей средой. ...Филогенетически апостериорное стало онтогенетически *априорным*» (Rav, 2006, p. 76).

В настоящей статье мы обсуждаем возможность моделирования функционала мозга в духе кантианской исследовательской программы и отмечаем, что заметный прогресс в понимании работы мозга был связан с открытием его навигационных систем. Далее на основе теории модулярности мозга мы анализируем особенности его «геометрического» модуля, который обеспечивает ориентацию субъекта в пространстве. И наконец, предпринимаем попытку связать механизм действия этого модуля с так называемым SNARC⁴-эффектом и конфигурацией используемых в различных языках шрифтов и средств фиксации элементов языков (например, понятий, слов).

⁴Пространственно-числовая ассоциация кодов ответов.

mathematicians of our time, whose words are used as an epigraph to this article — “[...] apparently, a hidden mathematical machine [is] in everybody’s brain, an *amazingly simple* machine at that”.

The Kantian research programme in neuroscience can be metaphorically described as a “paraphrase”, wherein a new piece of work is created out of somebody else’s theme. In this case, the new work is modern neuroscience, in which echoes of Kant’s insights can be heard, and in which his doctrine of “pure intuition” is reinterpreted. Taking his cue from ideas expressed in connection with an analysis of the forerunners of evolutionary epistemology, Konrad Lorenz, Yehuda Rav (2006, p. 74) sums it up thus: “By passing from Kant’s *prescriptive epistemology* to an evolutionary *descriptive epistemology*, the category of *a priori* cognition is reinterpreted as the individual’s inborn (*a priori*) *cognitive mechanisms* that have evolved on the basis of the species’ *a posteriori* confrontation with the environment. [...] the phylogenetically *a posteriori* became the ontogenetically *a priori*.”

In this article, I examine the possibility of modelling the brain’s functioning in the spirit of the Kantian research programme, noting that important progress in understanding the brain is connected with the discovery of its navigational systems. Then, on the basis of the theory of the modularity of the brain, I attempt to link the mechanism of the navigation module with the SNARC⁴ effect, as well as with the configuration of scripts used in various languages and means of recording the elements of a language (for example, concepts and words).

⁴Spatial Numerical Association of Response Codes.

2. Столь ли уж прост мозг?

Суждение Громова о «простоте» функционирования мозга в терминах «математической машины» допускает целый спектр интерпретаций. Надо полагать, что прежде всего речь должна идти о моделировании работы мозга посредством логико-математических формализмов. Такого рода попытки предпринимаются примерно с середины XX в. (модели нейронных сетей Маккалока — Питтса, перцептрона Розенблатта, распространения электронных сигналов Ходжкина — Хаксли и т.д.) и до настоящего времени (Manin, 2015; Król et al., 2022). Громов высказывает гипотезу о том, что существует своего рода «эрго-мозг», который является посредником между электрофизиологическими процессами в мозге и сознательным (ментальным) их отражением в человеческом сознании (Gromov, 2018, p. 2). Однако эта гипотеза пока не получила сколь-либо солидного эмпирического подтверждения, и ни одна из логико-математических моделей все-таки не может претендовать на сколько-нибудь полную реконструкцию функционирования мозга в плане воссоздания картины работы нейронных сетей.

Заметный прогресс в понимании мозга был достигнут в области нейрофизиологии тогда, когда были открыты особые типы нейронов, ответственные за ориентацию живых существ в пространстве, и появилась возможность составить когнитивные карты (координатные сетки) мозга.

Впервые о своего рода пространственных (когнитивных) картах мозга стали говорить еще в 1971 г. (O’Keefe, Dostrovsky, 1971). Позже были обнаружены пирамидальные (решетчатые) нейроны, «нейроны места», посредством которых формируется навигационная система мозга. За это выдающееся открытие Дж. О’Кифу и супругам М.-Б. и Э. Мозерам в 2014 г. была присуждена Нобелевская премия, и его значение для науки продолжает активно обсуждаться (см.: Low, Giocomo, 2021; Moser, Furstenberg,

2. Is Brain All That Simple?

Gromov’s view regarding the “simplicity” of the brain’s functioning in terms of the “mathematical machine” lends itself to a whole spectrum of interpretations. Arguably, it is above all about the modelling of the brain’s activities with the aid of logical-mathematical formalism. Such attempts have been made from around the middle of the twentieth century (the neurons of McCulloch-Pitts, Rosenblatt’s perceptron, Hodgkin-Huxley’s propagation of electronic signals, etc.) into the present (see Manin, 2015; Król, Schumann and Bielas, 2022). Gromov (2018, p. 2) has suggested that there exists a kind of “ergo-brain”: an interface between electro-physiological processes in the brain, and their mental reflection in human consciousness. However, this hypothesis needs more substantial empirical proof before it can claim to give a credible reconstruction of the brain’s functioning as a map of neuron networks.

Noticeable progress in understanding the brain was achieved in neuro-physiology when special types of neurons, responsible for the spatial orientation of living beings, were discovered, making it possible to draw cognitive maps (coordinateness) of the brain.

Spatial-cognitive maps of the brain were first mentioned in 1971 (O’Keefe and Dostrovsky, 1971). Later, pyramidal (lattice) neurons, or “place cells”, which form the brain’s navigation system, were discovered. This outstanding discovery earned John O’Keefe, Edvard Moser and May-Britt Moser the Nobel Prize (2014), its significance for science still being actively discussed today (see Low and Giocomo, 2021; Moser and Furstenberg, 2025). It was established that the hippocampus and entorhinal cortex code the configuration of space with the help of spatio-local and hexagonal mesh patterns of activity (“place”

2025). Было установлено, что гиппокамп и энторинальная кора мозга кодируют конфигурацию пространства с помощью пространственно-локальных и гексагональных сетчатых паттернов активности (соответственно клеток «места» и клеток «сетки»). Те же области мозга отвечают также за нейронные представления непространственных паттернов, семантики понятий (клетки «концептов»). Это означает, что нейронные вычислительные механизмы пространственного знания и семантики понятий в мозге взаимосвязаны.

Таким образом, можно считать, что в пользу, в сущности, философской по своему характеру идеи нативизма, согласно которой человеческий разум рождается с врожденными структурами и/или идеями, благодаря прогрессу современной нейронауки были предложены довольно значимые эмпирические аргументы⁵. Эта идея соответствует духу «психонейронного монизма», разделяемого многими нейробиологами: согласно указанной концепции, источники человеческого поведения и человеческой мысли могут быть прослежены вплоть до определенного материального базиса, то есть нейронных структур. Компоненты этой идеи включают представления о «корневых» когнитивных системах мозга в русле модулярной теории Дж. Фодора (Fodor, 1983), развитой С. Кэри (Carey, 2009). Эти представления обеспечивают важнейшие функции живых организмов, связанные с эффективной адаптацией к окружающей среде и в определенной степени к обучению. В число такого рода когнитивных модулей (на-

⁵ В частности, было установлено, что в мозге человека и некоторых животных имеются особые нервные клетки — зеркальные нейроны, которые активируются или при выполнении какого-либо действия, или при наблюдении за тем, как это действие совершает кто-то другой. При этом функционал зеркальных нейронов благодаря наличию врожденных структур, обеспечивающих имитацию движений людей, которые наблюдает человек, существенно сокращает разрыв на самом низком, фундаментальном физиологическом уровне между индивидом — носителем этих нейронов и другими людьми (Marchetti, Koster, 2014).

cells and “mesh” cells respectively). The same areas of the brain are also responsible for the neural representation of non-spatial patterns and semantic concepts (“concept” cells). This means that the neuron computing mechanisms of spatial knowledge and concept semantics are interconnected.

Arguably, therefore, owing to the progress of modern neuroscience, some weighty empirical evidence has been presented in favour of what is essentially a philosophical idea: a nativism whereby human reason is born of congenital structures and/or ideas.⁵ This idea corresponds to the spirit of “psycho-neuron monism” shared by many neurobiologists — to wit, that the sources of human behaviour and thought can be traced to a certain material base, i.e. neuron structures. This idea includes the notion of *core cognitive systems* of the brain, in line with the modular theory of Jerry Fodor (1983), subsequently elaborated by Megan Carey (2009). These systems support key functions of living organisms connected with their adaptation to their environment and, to an extent, with learning. Such cognitive modules (also sometimes called “neurodynamic archetypes”) include structures that fix the objects within an organism’s field of vision, instantly determining their number, supporting the organism’s concrete actions (including communication with neighbours and comrades), helping to distinguish “us” from “them”, and ensuring orientation in space through the brain’s navigation system (Spelke

⁵ In particular, it has been established that the brains of humans and some animals have special nervous cells called “mirror neurons” which are activated either in performing an act, or in observing others perform it. Mirror neurons have inborn structures which enable the imitation of others’ movements, significantly diminishing the disconnect, on the most basic physiological level, between the bearer of these neurons and other people (Marchetti and Koster, 2014).

зываемых иногда также нейродинамическими архетипами) входят структуры, которые позволяют фиксировать объекты, попадающие в поле зрения организма, и мгновенно определять их количество, обслуживать конкретные действия организма, осуществлять коммуникацию с соседями и товарищами, дифференцировать «своих» и «чужих», а также благодаря навигационной системе мозга обеспечивать ориентацию в пространстве (Spelke, Kinzler, 2007; Kinzler, Spelke, 2007). Эти модули, составляя своего рода «ядро» познавательных способностей, могут также выполнять функции базисов категоризации приобретаемого субъектом опыта. Следует обратить внимание и на тот факт, что те же области мозга, которые осуществляют картирование физического пространства, задействованы в организации социальных связей. Социальный успех зависит не только от того, с кем человек знаком, но и от того, насколько он хорошо понимает невидимую архитектуру своего социального окружения.

3. Математические «модули» мозга в свете их когнитивных особенностей

Модули мозга, связанные с восприятием пространства, играют первостепенную роль в навигации человека при его движении, причем вполне в духе переосмысленного современной нейронаукой априоризма Канта (Vallortigara, 2012, p. 230). Такая интерпретация позволяет пролить новый свет на природу протоматематической геометрической и арифметической интуиции (Vandervert, 1994, p. 346), равно как и на довольно распространенный феномен интуитивных оснований крупных математических открытий и озарений.

«Геометрический» модуль претендует на многофункциональность, поскольку в отличие от «числового» модуля претерпевает довольно длительное развитие от рождения и едва ли не до момента смерти. Контуры его оформляют-

and Kinzler, 2007; Kinzler and Spelke, 2007). These modules form the “nucleus” of cognitive faculties, and may also serve as the basis for the categorisation of the experience acquired by the subject. It must be noted that the same areas of the brain that map physical space are involved in organising social interactions. Social success depends not only on whom a person knows, but also on how well they understand the invisible structure of their social environment.

3. Cognitive Features of the Brain's Mathematical “Modules”

The modules of the brain connected with the perception of space play a central role in navigation when a person is on the move, quite in the spirit of Kant's apriorism, though reinterpreted by modern neuroscience (Vallortigara, 2012, p. 230). Such interpretation may shed light on the nature of proto-mathematical geometric and arithmetic intuition (Vandervert, 1994, p. 346), as well as on the fairly widespread phenomenon of intuitive grounds of major mathematical discoveries and brainwaves.

The “geometric” module lays claim to being multi-functional because, unlike the “numerical” module, it undergoes prolonged development from birth, almost until death. Its contours are formed by age five or six, and it continues to develop according to the activities and environments encountered throughout a person's life (cf. Chiandetti and Vallortigara, 2008, pp. 143-144; De Cruz and De Smedt, 2010, pp. 8-10; Izard, Pica, Spelke et al., 2011, p. 9786; Dillon, Huang and Spelke, 2013, p. 14191; Tooley, Bassett and Mackey, 2021). Thus, we are looking not so much at a natural process of adaptation as at a learning and expansion of the functionality of a geometric module, largely independent of the cultural context, with ontogenetic structures

ся только к пяти-шести годам роста человеческого организма, и он совершенствуется в зависимости от деятельности и непосредственного окружения на протяжении всей жизни человека (Chiandetti, Vallortigara, 2008, p. 143–144; De Cruz, De Smedt, 2010, p. 8–10; Izard et al., 2011, p. 9786; Dillon et al., 2013, p. 14191; Tooley et al., 2021). Таким образом, речь идет не столько о естественном процессе адаптации, сколько об обучении и расширении функционала геометрического модуля в значительной степени независимо от культурного контекста, когда стартовой точкой этого процесса служат онтогенетические структуры. Решетчатые нейроны, сконцентрированные в основном в области гиппокампа, «привязываются» к конкретным точкам или областям пространства и отражают их топологические свойства и характеристики (Brown, 2021). Конфигурации этих нейронных сетей коррелируют с состоянием (симметрией) окружающего пространства и характером непосредственной активности их носителей (Krupic et al., 2015, p. 232). С философской точки зрения этот феномен можно осмысливать в контексте натурализованной феноменологии, а точнее, нейрофеноменологии, плотно использующей некоторые представления Э. Гуссерля (см.: Зайцева, Зайцев, 2017). Однако более перспективной с эпистемологической точки зрения мне представляется идея, связанная с *деятельностным видом трансцендентализма*: врожденные механизмы (нейронные сети) модифицируются в зависимости от особенностей и конкретных условий всей жизни человека, что указывает на естественное свойство пластичности мозга (Бажанов, 2019, с. 46–64).

Восприятие пространства непосредственным образом связано с визуальными способностями человека. Можно было бы предположить, что у слепых от рождения людей геометрический модуль отсутствует, а стало быть, они не способны формировать сколько-нибудь четкие представления о пространственных струк-

serving as the starting point of the process. Mesh neurons, concentrated mainly in the hippocampus area, are “tied” to concrete spots or areas of space, reflecting their topological properties and characteristics. (cf. Brown, 2021). The configurations of these neural networks correlate with the status (symmetry) of the surrounding space, and with the nature of the activity of their bearers (Krupic, Bauza, Burton et al., 2015, p. 232). In the philosophical idiom, this phenomenon can be viewed in the context of naturalised phenomenology or, more precisely, neurophenomenology which leans heavily on the ideas of Edmund Husserl (cf. Zaitseva and Zaitsev, 2017). In my opinion, however, more promising epistemologically is the lens of *activity-based transcendentalism*, whereby inborn mechanisms (neural networks) are modified by the character and conditions of a person’s life, pointing to the plasticity of the brain (Bazhanov, 2019, pp. 46-64).

The perception of space is directly linked with a person’s visual faculties. One might be inclined to think, then, that the geometric module would be absent in born-blind people, such that they are unable to form any clear idea of spatial structures. This is not so. They have a geometric module built in ontogenetically, just like sighted individuals. The core geometric system of the blind is in some sense amodal, formed as it is independently of visual experience (Heimler, Behor, Dehaene et al., 2021, p. 6). Persons who are blind from birth learn the characteristics of objects in a tactile way, although generally not so fully and effectively as sighted persons. Having said this, history knows outstanding blind mathematicians – for example, Lev S. Pontryagin, who lost his sight as an adolescent, yet achieved outstanding results in algebraic geometry; and Leonhard Euler, the great mathematician who went blind due to a serious cataract, albeit as an adult (for details, see Jackson, 2002). However, sighted people, too, not infrequently have problems

турах. Однако данное предположение ошибочно: геометрический модуль у них задается онтогенетически, как и у зрячих индивидов. Корневая геометрическая система у слепых в некотором смысле амодальная, формирующаяся независимо от визуального опыта (Heimler et al., 2021, p. 6). Представление о пространственных характеристиках предметов у слепых от рождения формируются тактильным способом, хотя, разумеется, в общем случае не столь полно и эффективно, как при наличии визуального потенциала. Впрочем, истории известны выдающиеся слепые математики: например, Л.С. Понтрягин, потерявший зрение в подростковом возрасте, но получивший выдающиеся результаты в алгебраической геометрии, и Л. Эйлер, великий математик, ослепший по причине серьезной катаракты, правда, уже в зрелом возрасте. Известны и другие примеры вполне успешных слепых математиков (подробнее см.: Jackson, 2002). Между тем и зрячие люди часто испытывают значительные затруднения при восприятии и тем более работе со сложными пространственными образованиями. Для нас, впрочем, важно, что полное отсутствие визуального опыта не является непреодолимым препятствием для работы с геометрическими понятиями. По-видимому, наличие геометрического модуля⁶ в мозге, а точнее, в гиппокампе (Pettit et al., 2022, p. 328) позволяет в некоторой степени компенсировать отсутствие такого рода опыта путем конструкции ментальных иерархий математических представлений из простых элементов подобно тому, как простые элементы конструктора (например, лего) позволяют строить едва ли не сколь угодно сложные предметы.

Геометрический модуль способен оперировать простейшими конфигурациями типа

⁶ Некоторые эмпирические данные, полученные недавно, наводят на мысль, что геометрические и арифметические нейронные сети связаны посредством языковых элементов более тесно, чем считалось ранее (Dehaene et al., 2025, p. 530–532).

of perception, especially with complex spatial entities. What is important here for our purposes is that a total lack of visual experience is not an insuperable obstacle to working with geometrical concepts. Apparently, the existence of the geometric module⁶ in the brain – more precisely in the hippocampus (Pettit, Yap et al., 2022, p. 328) – makes up, to some extent, for the absence of such experience by constructing mental hierarchies of mathematical representation out of simpler elements, similarly to the way the simple elements of a Meccano set (for example, Lego) make it possible to build objects of any degree of complexity.

The geometric module can operate on the simplest elements, such as the circular, square, or rectangular structures often found in cave drawings of the Neolithic age. Preferences for such basic shapes are noticeable in these drawings. Moreover, there are, on the island of Java, more complicated figures (zigzags) constructed about 540,000 years ago, while as early as about 1.8 million years ago, ancients laid stones in circles, displaying an aesthetic preference for symmetrical arrangements (Sablé-Meyer, Ellis et al., 2021, p. 2). Empirical data show that the V sign is, at the subconscious level, associated with danger, and the circle with pleasurable sensations (Larson, Aronoff and Steuer, 2012, pp. 404-405).

Experiments with the detection of variously configured lines show that drawings containing geometrically regular lines against a background of squares and concentrations of right angles tend to be detected more swiftly than other images. This may be because of the prime importance of the basic human capacity to operate with recursive syntax

⁶ Some new data suggest that geometric and arithmetical neuron nets are more closely connected by language elements than was previously thought (Dehaene, Sablé-Meyer and Ciccione, 2025, pp. 530-532).

круга, квадрата, прямоугольных конструкций, которые довольно часто встречаются в наскальных рисунках, относящихся к эпохе неолита. Такого рода предпочтения заметны при анализе рисунков. Более того, на острове Ява были найдены довольно сложные изображения (зигзаги), сделанные примерно 540 тыс. лет назад, а порядка 1,8 млн лет назад древние выкладывали камни в виде кругов, причем очевидны эстетические предпочтения в пользу симметрических конструкций (Sablé-Meyer, Ellis et al., 2021, p. 2). При этом, как показывают эмпирические данные, знак V на подсознательном уровне преимущественно ассоциируется с ощущением угрозы, а круги — с приятными ощущениями (Larson et al., 2012, p. 404–405).

Эксперименты, связанные с процессами детектирования (то есть обнаружения) линий разных конфигураций, показывают, что рисунки, которые содержат геометрически регулярные линии на фоне четырехугольников и массивов прямых углов, обнаруживаются значительно в более короткие сроки, чем другие изображения. Вероятно, это обусловлено тем, что здесь первостепенное значение играет базисная для людей способность оперировать рекурсивным синтаксисом и композиционной семантикой (Sablé-Meyer, Ellis et al., 2021, p. 7), причем эта способность претендует на статус универсальной, независимой от происхождения, культуры и образования людей. Так, скорость и качество восприятия простых геометрических графиков не отличались у взрослых образованных французов, дошкольников и представителей племени мундуруку, обитающих в джунглях Амазонки и не только не знакомых с элементарными арифметическими операциями, но даже не использующих числительные, превышающие три. Протогеометрическая интуиция во всех этих группах при восприятии примитивных геометрических линий фактически оказалась идентичной (Amalric et al., 2017, p. 24–25). Аналогичные результаты

and compositional semantics (Sablé-Meyer, Ellis et al., 2021, p. 7), a capacity that appears to be universal, regardless of background, culture, and educational level. The speed and quality of the perception of simple geometrical graphs was the same among educated French, pre-schoolers and representatives of the Mundurucu tribe of the Amazon jungle, who live not only without elementary arithmetical operations, but without any numerals exceeding three. In the perception of primitive geometrical lines, both groups displayed practically the same level of proto-geometrical intuition (Amalric, Wang et al., 2017, pp. 24-25). Similar results were obtained in comparing the perception of Europeans and representatives of the Himba tribe living in remote parts of Namibia (*cf.* Biederman, 2013).

To understand how people perceive geometrical figures it is important to take into account not only the ontogenetic prerequisites of the process, but also the procedures of enculturation which “formalize” the systems and habits pertaining to the handling numerical and “spatial” representations in the process of education (Pantsar, 2022, pp. 596-597).

Last but not least, the analysis of geometrical configurations of neuron nets is very important for developing advanced artificial intelligence (AI) models. For example, the use of hyperbolic geometry methods instead of those based on Euclidian geometry yields substantial gains in terms of the power and speed of AI (*cf.* Joseph, Meijke and Balay, 2025).

To sum up, nativism, which insists upon the ontogenetic origin of the numerical and spatial capacities of human beings, is integrated in the process of human enculturation, transforming the natural potential into an actual state.

были получены при сравнении особенностей восприятия европейцев и представителей племени хамба, которые обитают в отдаленных районах Намибии (см.: Biederman, 2013).

Между тем для понимания восприятия людьми геометрических конфигураций очень важно учитывать не только онтогенетические предпосылки этого процесса, но и процедуры инкультурации, ответственные за «оформление» систем и навыков операций с числовыми и «пространственными» представлениями по мере получения человеком образования (Pantsar, 2022, p. 596–597).

Наконец, анализ геометрической конфигурации нейронных сетей очень важен для разработки продвинутых моделей искусственного интеллекта (ИИ). Так, использование методов гиперболической геометрии по сравнению с методами, основанными на евклидовой геометрии, позволяет создавать существенно более мощные и быстродействующие средства ИИ (см.: Joseph et al., 2025).

Таким образом, нативизм, настаивающий на онтогенетических основаниях числовых и пространственных задатков человека, интегрируется с процессами его приобщения к культуре, трансформируя природный потенциал познания в его актуальное состояние.

4. О корреляциях ментальных структур и их выражений в языке

Значительный объем работы мозга, как известно, может с большей или меньшей полнотой и эффективностью выражаться в языке. В реальности это не односторонний процесс (мозг → язык), а двусторонний, то есть язык оказывает определенное и, более того, существенное влияние на мозг и на выражение активности мозга в языке. Именно язык в значительной степени формирует контуры «темпомира» человека. Речь идет, во-первых, о так называемом эффекте SNARC — простран-

4. The Correlation of Mental Structures and Their Expression in Language

Much of the brain's work can, with varying degrees of completeness and effectiveness, be expressed in language. In reality, it is not a unidirectional (brain → language) but a bidirectional process; that is, language exerts a certain, moreover, substantial influence on the activity of the brain and on the expression of this activity. Language goes a long way to shaping the human "tempo world." In this section, we will look, first, at the Spatial Numerical Association of Response Codes (SNARC) effect — the spatial correlation of the number sequence in respondent's answers — and, second, at the possible influence of script configuration on mental activity.

The SNARC effect is that persons who are used to left-to-right writing, given the standard numbers sequence (for example, 0 to 10), typically react to smaller numbers on the computer screen more swiftly with the left hand, while they react to larger numbers with the right hand. Representatives of peoples who write from right to left (Arabic, Hebrew, etc.) react in the opposite way, i.e. they react with the left hand more swiftly to larger than to smaller numbers (Fias, Dijck and Gevers, 2011, p. 142). This effect is manifest already at the neo-natal age, and in adults for non-symbolic values (Nemeh, Humberstone et al., 2018), as in the case of musical rhythm (Prpic and Fumarola, 2013); and in the general case there is no meaningful correlation with the mathematical aptitude of children and adolescents (He, Nuerk, Derksen et al., 2021). In procedures involving the automatic generation of numbers for left-to-right writers, larger

ственной числовой ассоциации кодов ответов, или, несколько точнее, пространственной корреляции числового ряда в ответах респондентов, и, во-вторых, о возможном влиянии конфигурации шрифта на ментальную активность.

SNARC-эффект состоит в том, что люди, которые привыкли писать слева направо, при стандартном расположении числовой линии (например, от 0 до 10) обычно на меньшие по значению числа, предъявляемые на экране компьютера, быстрее реагируют левой рукой, чем на большие — правой рукой. У представителей тех народов, где принято писать справа налево (арабский язык, иврит и т.д.), наблюдается обратная реакция, то есть они левой рукой быстрее реагируют на большие числа, чем на меньшие (Fias et al., 2011, p. 142). Этот эффект проявляется уже в неонатальном возрасте, а также у взрослых для несимволических величин (Nemeh et al., 2018) и в случае музыкального ритма (Prpic et al., 2013), и в общем случае он сколько-нибудь значимо не коррелирует со степенью математической одаренности детей и подростков (He et al., 2021). При процедурах автоматической генерации чисел людьми большие числа преимущественно генерируются при повороте головы вправо, а меньшие — при повороте головы влево.

Определенную роль в ментальной активности может играть конфигурация шрифтов, применяемых в письменности разных языков. Шрифт относится к визуальным символам, а используемые в шрифтах разных языков символы могут радикально отличаться: от европейских алфавитных до азиатских неалфавитных, от «линейных» до «блоковых», от тех, где слова разделяются пробелами, до тех, где все слова пишутся слитно, в виде горизонтальной линии или вертикальной и т.д. (Padakannaya et al., 2022, p. 95). Если субъект формировался в одной (скажем, восточной) культуре с правилами письма справа налево, но затем оказался погружен в другую культуру с правилами

numbers tend to be generated with the head turned to the right and smaller numbers when the head is turned to the left.

The configurations of scripts used in different languages may play a role in mental activity. Script is a visual symbol, and the symbols used in the scripts of different languages may differ radically: from European alphabetic to Asian non-alphabetic, from “linear” to “block”, from those with and without spaces between words, from horizontal to vertical, etc. (Padakannaya, Georgion and Winskel, 2022, p. 95). If an individual grew up in one culture (for example, East Asian) with right-to-left writing, but then found her-/himself in another culture with left-to-right writing, this may slow down SNARC effects, but not cancel them. The same happens when children who have not yet learned to read look at comics and pictures in the usual and the “mirror” positions (Lopiccolo and Chang, 2021, p. 16).

More recently, experiments have been conducted to assess the impact of different scripts on human perception and the character of cognitive activities. Attempts to understand and interpret such experiments chime with the idea of linguistic relativity in its weaker version, namely that language does not determine cognition totally, but only correlates with the character of cognitive activity up to a point, providing, as it were, a prism through which reality is viewed. I am referring to the script relativity hypothesis put forward by Hye K. Pae (2022, p. 98). To simplify things somewhat, Pae submits that the scripts of alphabetic languages contribute to the development of analytical habits in reading, and those of non-alphabetic languages, to a holistic perception of the text.

ми письма слева направо, это может замедлять SNARC-эффекты, но не отменяет их. Аналогично происходит рассмотрение комиксов и рисунков, расположенных обычным и «зеркальным» образом, детьми, еще не научившимися читать (Lopiccolo, Chang, 2021, p. 16).

В последнее время проводились эксперименты и по определению влияния разного рода шрифтов на восприятие человека и характер его познавательной активности. Попытки осмысления и интерпретации такого рода экспериментов в какой-то степени по духу близки известным подходам к осмыслению и интерпретации следствий идеи лингвистической относительности в ее слабой версии (язык не всецело детерминирует познание, а только в некоторой мере коррелирует с характером познавательной деятельности, задавая своего рода призму, сквозь которую просматривается реальность). Речь идет о гипотезе связанной со шрифтами относительности (*script relativity hypothesis*), выдвинутой Х. Пае (Pae, 2022, p. 98). Если несколько упростить ситуацию, то, по мысли Пае, шрифты, связанные с алфавитными языками, способствуют развитию аналитических навыков при чтении, а связанные с неалфавитными — холистическому восприятию текста. Наиболее рельефно такого рода различия заметны при использовании одним человеком шрифтов, отличающихся своей «топологией» — например, алфавитных и неалфавитных (в виде иероглифов, пиктограмм, орнаментов или специальных символов) (Vaid, 2022, p. 145–146).

Такого рода SNARC-подобные эффекты могут быть объяснены в контексте концепции биокультурного со-конструктивизма (Бажанов, 2019, с. 65–85). В свете этой концепции можно утверждать, что траектории естественного развития мозга и его насыщения со стороны культуры самым тесным образом переплетаются, то есть происходит аккультурация мозга, развернутая в истории жизни человека, и, в свою очередь, нейродетерминация культуры, в фи-

These differences stand out in bold relief when one and the same person uses scripts with different topologies, for example, alphabetic and non-alphabetic (hieroglyphics, pictograms, ornaments, and special symbols) (Vaid, 2022, pp. 145-146).

Such SNARC-like effects can be accounted for with a biocultural co-constructivist conception (Bazhanov, 2019, pp. 65-85). This suggests that the trajectories of the brain's natural development and its exposure to culture are closely intertwined, as the brain is enculturated over a lifetime, while culture undergoes neuro-determination. Physiologically, the mechanism of gene-cultural interaction determination is at work here. These processes transform both the brain, demonstrating the prodigious potential of its plasticity, and culture (consider, for example, the dynamics of the development of collectivist and individualistic cultures).

In the case of SNARC-like effects, cultural elements such as the conventional configurations of written language and common scripts elicit corresponding physiological and neuro-physiological reactions (i.e. preferences in ordering a number series or group of objects); and the latter correlate with the features of concrete cultures and their artefacts.

5. Conclusion

If the brain, along with the “number sense”, also has “a sense of space” (as witnessed by the Nobel Prize-winning discovery) in the context of the modular theory, we can posit the existence of a special geometric module which undergoes changes over the whole course of a person's life, and which is in charge of the perception of spatial

зиологическом аспекте означающая действие механизма ген-культурных взаимодействий. В результате этих процессов претерпевают трансформацию и мозг, демонстрируя удивительный потенциал пластичности, и культура (если иметь в виду, например, динамику развития культур коллективистского и индивидуалистского вида).

В случае SNARC-подобных эффектов элементы культуры в виде привычных для людей конфигураций письменного языка и распространенных шрифтов вызывают соответствующие физиологические и нейрофизиологические реакции (предпочтения упорядочения числового ряда или групп предметов), а последние коррелируют с отличительными признаками конкретных культур и их артефактов.

5. Заключение

Если наряду с «чувством числа» мозгу присуще «чувство пространства» (о чем свидетельствует и открытие, отмеченное Нобелевской премией), то в контексте модулярной теории можно утверждать наличие особого геометрического модуля, который на протяжении всей жизни человека претерпевает изменения и несет ответственность за восприятие пространственных (геометрических) структур. В целом такой вывод вполне сопрягается с современным прочтением идей Канта об априорном (то есть в данном контексте онтогенетическом) статусе представлений о пространстве и времени, которые развиваются в кантианской исследовательской программе. Мозг, а точнее, социальный мозг воспринимает реальность при непосредственном участии фенотипически формируемых нейронных структур и, в свою очередь, испытывает влияние культуры, в которую погружен, и деятельности его носителя (деятельностный тип трансцендентализма). SNARC-подобные эффекты с точки зрения идеи биокультурного со-конструктивизма можно рассматривать в качестве иллюстрации

(geometric) structures. On the whole, this conclusion resonates with the modern reading of Kant's thought about the *a priori* status (in this case, ontogenetic) of the notions of space and time, which are being developed in neuroscience line with the Kantian research programme. The brain, or rather, the social mind, perceives reality through phenotypically-formed neural structures; and it is influenced, in turn, by the culture in which it is immersed and the activity of its bearer (activity-oriented transcendentalism). From the viewpoint of biocultural co-constructivism, SNARC-like effects can be understood as a demonstration of the results of this uninterrupted process, attesting to the high plasticity of the brain.

References

- Amalric, M., Wang, L., Pica, P. et al., 2017. The Language of Geometry: Fast Comprehension of Geometrical Primitives and Rules in Human Adults and Preschoolers. *PLOS. Computational Biology*, 13(1), Art. e1005273. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1005273>.
- Bazhanov, V.A., 2019. *Mozg – kul'tura – sotsium: kantianskaya programma v kognitivnykh issledovaniyakh* [Brain – Culture – Society: A Kantian Programme in Cognitive Researches]. Moscow: Kanon+ ROOI Rehabilitation. (In Rus.)
- Bazhanov, V.A., 2021. Number and the Kantian Research Programme in Modern Neuroscience. *Voprosy filosofii*, 7, pp. 50-60. (In Rus.)
- Biederman, I., 2013. Psychophysical and Neural Correlates of the Phenomenology of Shape. In: L. Albertazzi, ed. 2013. *Handbook of Experimental Phenomenology: Visual Perception of Shape, Space and Appearance*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 4125-4136. <https://doi.org/10.1002/9781118329016>.
- Brown, T. I., 2021. Cognitive Mapping: Anchoring our Brain's Sense of Space in a Dynamic World. *Current Biology*, 31, pp. R291-R295. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2021.01.041>.

результатов этого непрерывного процесса, который определяет высокую степень пластичности мозга.

Список литературы

Бажанов В. А. Мозг — культура — социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019.

Бажанов В. А. Число и кантианская исследовательская программа в современной нейронауке // Вопросы философии. 2021. №7. С. 50—60.

Зайцева Н. В., Зайцев Д. В. Феноменологическая перспектива в современной нейронауке // Философские науки. 2017. №1. С. 71—84.

Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 2. С. 277—320.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Amalric M., Wang L., Pica P. et al. The Language of Geometry: Fast Comprehension of Geometrical Primitives and Rules in Human Adults and Preschoolers // PLoS. Computational Biology. 2017. Vol. 13, № 1. Art. № e1005273. <https://doi.org/10.1371/journal.pcbi.1005273>.

Biederman I. Psychophysical and Neural Correlates of the Phenomenology of Shape // Handbook of Experimental Phenomenology: Visual Perception of Shape, Space and Appearance / ed. by L. Albertazzi. Chichester : Wiley-Blackwell, 2013. P. 415—436. <https://doi.org/10.1002/9781118329016.ch17>.

Brown T. I. Cognitive Mapping: Anchoring our Brain's Sense of Space in a Dynamic World // Current Biology. 2021. Vol. 31, №6. P. R291—R295. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2021.01.041>.

Buzsáki G., Llinás R. Space and Time in the Brain // Science. 2017. Vol. 357, № 6362. P. 482—485. <https://doi.org/10.1126/science.aan8869>.

Carey S. The Origin of Concepts. Oxford : Oxford University Press, 2009.

Chiandetti C., Vallortigara G. Is there an Innate Geometric Module? Effects of Experience with Angular Geometric Cues on Spatial Re-Orienting Based on the Shape of the Environment // Animal Cognition. 2008. Vol. 11, №1. P. 139—146. <https://doi.org/10.1007/s10071-007-0099-y>.

De Cruz H., De Smedt J. The Innateness Hypothesis and Mathematical Concepts // Topoi. 2010. Vol. 29. P. 3—13. <https://doi.org/10.1007/s11245-009-9061-8>.

Buzsaki, G. and Llinas, R. 2017. Space and Time in the Brain. *Science*, 357(6362), pp. 482-485. <https://doi.org/10.1126/science.aan886>.

Carey, S., 2009. *The Origin of Concepts*. Oxford: Oxford University Press.

Chiandetti, C. and Vallortigara, G., 2008. Is there an Innate Geometric Module? Effects of Experience with Angular Geometric Cues on Spatial Re-Orienting Based on the Shape of the Environment. *Animal Cognition*. 11. pp. 139-146. <https://doi.org/10.1007/s10071-007-0099-y>.

De Cruz, H. and De Smedt, J., 2010. The Innateness Hypothesis and Mathematical Concepts. *Topoi*, 29, pp. 3-13. <https://doi.org/10.1007/s11245-009-9061-8>.

Dehaene, S. and Brannon, E., 2011a. Space, Time, and Number: A Kantian Research Program. *Trends in Cognitive Sciences*, 14(12), pp. 517-519. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2010.09.009>.

Dehaene, S. and Brannon, E., eds. 2011b. *Space, Time and Number in the Brain: Searching for the Foundations of Mathematical Thought*. L.: Academic Press.

Dehaene, S., Sablé-Meyer, M. and Ciccione, L., 2025. Origins of Numbers: A Shared Language-of-Thought for Arithmetic and Geometry? *Trends in Cognitive Sciences*, 29(6), pp. 526-540. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2025.03.001>.

Dillon, M.R., Huang, Y. and Spelke, E., 2013. Core Foundations of Abstract Geometry. *PNAS*, 110(35), pp. 14191-14195. <https://doi.org/10.1073/pnas.13126401>.

Fias, W., Dijck, van J.-P. and Gevers, W., 2011. How is Number Associated with Space? The Role of Working Memory. In: S. Dehaene and E. Brannon, eds. 2011. *Space, Time and Number in the Brain: Searching for the Foundations of Mathematical Thought*. L.: Academic Press, pp. 133-147.

Fodor, J., 1983. *The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press.

Gromov, M., 2011. *Structures, Learning, and Ergosystems: Chapters 1-4*, 6. December 30, 2011 (Unpublished). Available at: <<https://www.ihes.fr/~gromov/wp-content/uploads/2018/08/ergobrain.pdf>> (Accessed 18 November 2025).

Gromov, M., 2018. *Great Circles of Mysteries: Mathematics, the World, the Mind*. Cham: Birkhauser.

Dehaene S., Brannon E. Space, Time, and Number: A Kantian Research Program // Trends in Cognitive Sciences. 2011. Vol. 14, № 12. P. 517–519. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2010.09.009>.

Dehaene S., Sablé-Meyer M., Ciccione L. Origins of Numbers: A Shared Language-of-Thought for Arithmetic and Geometry? // Trends in Cognitive Sciences. 2025. Vol. 29, № 6. P. 526–540. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2025.03.001>.

Dillon M. R., Huang Y., Spelke E. Core Foundations of Abstract Geometry // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. Vol. 110, № 35. P. 14191–14195. <https://doi.org/10.1073/pnas.13126401>.

Fias W., Dijck van J. -P., Gevers W. How is Number Associated with Space? The Role of Working Memory // Space, Time and Number in the Brain: Searching for the Foundations of Mathematical Thought / ed. by S. Dehaene, E. Brannon. L. : Academic Press, 2011. P. 133–147.

Fodor J. The Modularity of Mind: An Essay on Faculty Psychology. Cambridge, MA : MIT Press, 1983.

Gromov M. Structures, Learning, and Ergosystems. Chapters 1-4. 2011. URL: <https://www.ihes.fr/~gromov/wp-content/uploads/2018/08/ergobrain.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

Gromov M. Great Circle of Mysteries: Mathematics, the World, the Mind. Cham : Birkhäuser, 2018.

He Y., Nuerk H. -C., Derksen A. et al. A Gifted SNARC? Directional Spatial-Numerical Association in Gifted Children with High-Level Skills do not Differ from Controls // Psychological Research. 2021. Vol. 85. P. 1645–1661. <https://doi.org/10.1007/s00426-020-01354-9>.

Heimler B., Behor T., Dehaene S. et al. Core Knowledge of Geometry Can Develop Independently of Visual Experience // Cognition. 2021. Vol. 212. Art. № 104716. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104716>.

Izard V., Pica P., Spelke E., Dehaene S. Flexible Intuitions of Euclidean Geometry in an Amazonian Indigenous Group // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2011. Vol. 108, № 24. P. 9782–9787. <https://doi.org/10.1073/pnas.1016686108>.

Jackson A. The World of Blind Mathematicians // Notices of AMS. 2002. Vol. 49, № 10. P. 1246–1251.

Joseph A., Francis N., Balay M. Brain-Inspired AI with Hyperbolic Geometry. 3 Feb. 2025. arXiv: 2409.12990v3 [q-bio.NC]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.12990>.

Khachouf O. T., Poletti S., Pagnoni G. The Embodied Transcendental: a Kantian Perspective on the Neuropsychology // Frontiers in Human Neuroscience. 2013. Vol. 7. Art. № 611. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00611>.

He, Y., Nuerk, H. -C., Derksen, A. et al., 2021. A Gifted SNARC? Directional Spatial-Numerical Association in Gifted Children with High-Level Skills do not Differ from Controls. *Psychological Research*, 85, pp. 1645-1661. <https://doi.org/10.1007/s00426-020-01354-9>.

Heimler, B. Behor, T., Dehaene, S. et al., 2021. Core Knowledge of Geometry Can Develop Independently of Visual Experience. *Cognition*, 212, Art. 104716. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2021.104716>.

Izard, V., Pica, P., Spelke, E. et al., 2011. Flexible Intuitions of Euclidean Geometry in an Amazonian Indigenous Group. *PNAS*, 108(24), pp. 9782-9787. <https://doi.org/10.1073/pnas.1016686108>.

Jackson, A., 2002. The World of Blind Mathematicians. *Notices of AMS*, 49(10), pp. 1246-1251.

Joseph, A., Francis, N. and Balay, M., 2025. Brain-Inspired AI with Hyperbolic Geometry. *arXiv:2409.12990v3 [q-bio.NC]*, 03 Feb. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.12990>.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1992. On the Form and Principles of the Sensible and the Intelligible World [Inaugural Dissertation]. In: I. Kant, 1992. *Theoretical philosophy, 1755-1770*. Translated and edited by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 373-416.

Khachouf, O. T., Poletti, S. and Pagnoni, G., 2013. The Embodied Transcendental: A Kantian Perspective on the Neuropsychology. *Frontiers in Human Neuroscience*, 7, Art. 611. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2013.00611>.

Kinzler, K. D. and Spelke, E. S., 2007. Core Systems in Human Cognition. *Progress in Brain Research*, 164, pp. 257-264. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(07\)64014-X](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(07)64014-X).

Król J., Schumann, A., Bielas K., 2022. Brain and Its Universal Model of Multi-Agent Biological Systems. *Logica Universalis*, 16, pp. 671-687. <https://doi.org/10.1007/s11787-022-00319-3>.

Krupic, J., Bauza, M., Burton, S. et al., 2015. Grid Cell Symmetry Is Shaped by Environmental Geometry. *Nature*, 518(7538), pp. 232-235. <https://doi.org/10.1038/nature14153>.

Larson, C. L., Aronoff, J. and Steuer, E. L., 2012. Simple Geometrical Shapes are Implicitly Associated with Affective Value. *Motivation and Emotion*, 36, pp. 404-413. <https://doi.org/10.1007/s11031-011-9249-2>.

Kinzler K. D., Spelke E. S. Core Systems in Human Cognition // *Progress in Brain Research*. 2007. Vol. 164. P. 257–264. [https://doi.org/10.1016/S0079-6123\(07\)64014-X](https://doi.org/10.1016/S0079-6123(07)64014-X).

Król J., Schumann, A., Bielas K. Brain and Its Universal Model of Multi-Agent Biological Systems // *Logica Universalis*. 2022. Vol. 16. P. 671–687. <https://doi.org/10.1007/s11787-022-00319-3>.

Krupic J., Bauza M., Burton S. et al. Grid Cell Symmetry is Shaped by Environmental Geometry // *Nature*. 2015. Vol. 518 (7538). P. 232–235. <https://doi.org/10.1038/nature14153>.

Larson C. L., Aronoff J., Steuer E. L. Simple Geometrical Shapes are Implicitly Associated with Affective Value // *Motivation and Emotion*. 2012. Vol. 36. P. 404–413. <https://doi.org/10.1007/s11031-011-9249-2>.

Lopiccolo D., Chang C.B. Cultural Factors Weaken but Do not Reverse Left-to-Right Spatial Biases in Numerosity Processing: Data from Arabic and English Monoliterates and Arabic-English Biliterates // *PLoS One*. 2021. Vol. 16, № 12. Art. № e0261146. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261146>.

Low I., Giocomo L. M. Fifty Years of the Brain's Sense of Space // *Nature*. 2021. Vol. 599, № 7885. P. 376–377. <https://doi.org/10.1038/d41586-021-03010-7>.

Manin Y. I. Neural Codes and Homotopy Types: Mathematical Models of Place Field Recognition // *Moscow Mathematical Journal*. 2015. Vol. 15, № 4. P. 741–748. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1501.00897>.

Marchetti I., Koster E. Brain and Intersubjectivity: A Hegelian Hypothesis on the Self-Other Neurodynamics // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Vol. 8. Art. № 11. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00011>.

Moser E. I., Furstenberg A. Theory and Practice in Neuroscience Modelling of Thought: An Interview with Edward I. Moser // *Human Arenas*. 2025. Vol. 8. P. 803–808. <https://doi.org/10.1007/s42087-024-00436-z>.

Nemeh F., Humberstone J., Yates M. Y., Reeve R. A. Non-symbolic Magnitudes are Represented Spatially: Evidence from a Non-symbolic SNARC Task // *PLoS One*. 2018. Vol. 13, № 8. Art. № e0203019. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203019>.

O'Keefe J., Dostrovsky J. The Hippocampus as a Spatial Map. Preliminary Evidence from Unit Activity in the Freely-Moving Rat // *Brain Research*. 1971. Vol. 34, №1. P. 171–175. [https://doi.org/10.1016/0006-8993\(71\)90358-1](https://doi.org/10.1016/0006-8993(71)90358-1).

Padakannaya P., Georgiou G. K., Winskel H. Script's Influence on Reading Processes and Cognition: A Preamble // *Journal of Cultural Cognitive Science*. 2022. Vol. 6. P. 93–96. <https://doi.org/10.1007/s41809-022-00109-9>.

Lopiccolo, D. and Chang, C.B., 2021. Cultural Factors Weaken but Do not Reverse Left-to-Right Spatial Biases in Numerosity Processing: Data from Arabic and English Monoliterates and Arabic-English Biliterates. *PLoS One*, 16(12), Art. e0261146. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261146>.

Low, I. and Giocomo, L., 2021. Fifty Years of the Brain's Sense of Space. *Nature*, 599(7885), pp. 376–377. <https://doi.org/10.1038/d41586-021-03010-7>.

Manin, Y. I., 2015. Neural Codes and Homotopy Types: Mathematical Models of Place Field Recognition. *Moscow Mathematical Journal*, 15(4), pp. 741–748. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1501.00897>.

Marchetti, I. and Koster, E., 2014. Brain and Intersubjectivity: A Hegelian Hypothesis on the Self-Other Neurodynamics. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, Art. 11. <https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00011>.

Moser, E. I. and Furstenberg, A., 2025. Theory and Practice in Neuroscience Modelling of Thought: An Interview with Edward I. Moser. *Human Arenas*, 8, pp. 803–808. <https://doi.org/10.1007/s42087-024-00436-z>.

Nemeh, F., Humberstone, J., Yates, M. Y. and Reeve, R. A., 2018. Non-symbolic Magnitudes are Represented Spatially: Evidence from a Non-symbolic SNARC Task. *PLoS One*, 13(8), Art. e0203019. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0203019>.

O'Keefe J. and Dostrovsky, J., 1971. The Hippocampus as a Spatial Map. Preliminary Evidence from Unit Activity in the Freely-Moving Rat. *Brain Research*. 34, pp. 171–175. [https://doi.org/10.1016/0006-8993\(71\)90358-1](https://doi.org/10.1016/0006-8993(71)90358-1).

Padakannaya, P., Georgiou, G. K. and Winskel, H., 2022. Script's Influence on Reading Processes and Cognition: A Preamble. *Journal of Cultural Cognitive Science*, 6, pp. 93–96. <https://doi.org/10.1007/s41809-022-00109-9>.

Pae, H. K., 2022. Toward a Script Relativity Hypothesis: Focused Research Agenda for Psycholinguistic Experiments in the Science of Reading. *Journal of Cultural Cognitive Science*, 6, pp. 97–117. <https://doi.org/10.1007/s41809-022-00103-1>.

Pantsar, M., 2022. On the Development of Geometric Cognition: Beyond Nature vs. Nurture. *Philosophical Psychology*, 35(4), pp. 595–616. <https://doi.org/10.1080/09515089.2021.2014441>.

Pettit, N. L., Yap, E.-L., Greenberg, M. E. and Harvey, Ch. D., 2022. Fos Ensembles Encode and Shape Stable Spatial Maps in the Hippocampus. *Nature*, 609, pp. 327–333. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-05113-1>.

Pae H. Toward a Script Relativity Hypothesis: Focused Research Agenda for Psycholinguistic Experiments in the Science of Reading // *Journal of Cultural Cognitive Science*. 2022. Vol. 6. P. 97–117. <https://doi.org/10.1007/s41809-022-00103-1>.

Pantsar M. On the Development of Geometric Cognition: Beyond Nature vs. Nurture // *Philosophical Psychology*. 2022. Vol. 35, № 4. P. 595–616. <https://doi.org/10.1080/09515089.2021.2014441>.

Pettit N. L., Yap E.-L., Greenberg M. E., Harvey Ch. D. Fos Ensembles Encode and Shape Stable Spatial Maps in the Hippocampus // *Nature*. 2022. Vol. 609. P. 327–334. <https://doi.org/10.1038/s41586-022-05113-1>.

Prpic V., Fumarola A., De Tommaso M., Baldassi G. A SNARC-like Effect for Music Tempo // *Review of Psychology*. 2013. Vol. 20, № 1–2. P. 47–51.

Rav Y. Philosophical Problems of Mathematics in the Light of Evolutionary Epistemology // *18 Unconventional Essays on the Nature of Mathematics* / ed. by R. Hersh. N.Y. : Springer, 2006. P. 71–96.

Sablé-Meyer M., Benjamin J., Potier Watkins C. et al. A Geometrical Shape Regularity Effect in the Human Brain // *eLife*. 2026. № 14. Art. № RP106464. <https://doi.org/10.7554/eLife.106464.3>.

Sablé-Meyer M., Ellis K., Tenenbaum J., Dehaene S. A Language of Thought for the Mental Representation of Geometrical Shapes. *PsyArXiv*. Preprint, 23 Dec. 2021. <https://doi.org/10.31234/osf.io/28mg4>.

Sablé-Meyer M., Fagot J., Caparos S., Dehaene S. Sensitivity to Geometric Shape Regularity in Humans and Baboons: A Putative Signature of Human Singularity // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118, № 16. Art. № e2023123118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2023123118>.

Space, Time and Number in the Brain: Searching for the Foundations of Mathematical Thought / ed. by S. Dehaene, E. Brannon. L. : Academic Press, 2011.

Spelke E. S., Kinzler K. D. Core Knowledge // *Developmental Science*. 2007. Vol. 10, № 1. P. 89–96. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2007.00569.x>.

Tooley U. A., Bassett D. S., Mackey A. P. Environmental Influences on the Pace of Brain Development // *Nature Review Neuroscience*. 2021. Vol. 22, №6. P. 372–384. <https://doi.org/10.1038/s41583-021-00457-5>.

Vaid J. Biscrptiality: A Neglected Construct in the Study of Bilingualism // *Journal of Cultural Cognitive Science*. 2022. Vol. 6, №1. P. 135–149. <https://doi.org/10.1007/s41809-022-00101-3>.

Prpic V., Fumarola A., De Tommaso M. and Baldassi G., 2013. A SNARC-like Effect for Music Tempo. *Review of Psychology*, 20(1-2), pp. 47-51.

Rav, Y., 2006. Philosophical Problems of Mathematics in the Light of Evolutionary Epistemology. In: R. Hersh, ed. 2006. *18 Unconventional Essays on the Nature of Mathematics*. New York: Springer, pp. 71-96.

Sablé-Meyer, M., Benjamin, J., Potier Watkins, C. et al., 2025. A Geometrical Shape Regularity Effect in the Human Brain. *eLife*, 14, Art. RP106464. <https://doi.org/10.7554/eLife.106464.3>.

Sablé-Meyer, M., Ellis, K., Tenenbaum, J. and Dehaene, S., 2021. A Language of Thought for the Mental Representation of Geometrical Shapes. *PsyArXiv*. Preprint, 23 Dec 2021. <https://doi.org/10.31234/osf.io/28mg4>.

Sablé-Meyer, M., Fagot, J., Caparos, S. and Dehaene, S., 2021. Sensitivity to Geometric Shape Regularity in Humans and Baboons: A Putative Signature of Human Singularity. *PNAS*, 118(16), Art. e2023123118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2023123118>.

Spelke, E. S. and Kinzler, K. D., 2007. Core Knowledge. *Developmental Science*, 10(1), pp. 89-96. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7687.2007.00569.x>.

Tooley, U. A., Bassett, D. S. and Mackey, A. P., 2021. Environmental Influences on the Pace of Brain Development. *Nature Review Neuroscience*, 22, pp. 372-381. <https://doi.org/10.1038/s41583-021-00457-5>.

Vaid, J., 2022. Biscrptiality: A Neglected Construct in the Study of Bilingualism. *Journal of Cultural Cognitive Science*, 6, pp. 135-149. <https://doi.org/10.1007/s41809-022-00101-3>.

Vallortigara, G., 2012. Core Knowledge of Object, Number, and Geometry: A Comparative and Neural Approach. *Cognitive Neuropsychology*, 29(1-2), pp. 213-236. <https://doi.org/10.1080/02643294.2012.654772>.

Vandervert, L. R., 1994. How the Brain Gives Rise to Mathematics in Ontogeny and in Culture. *The Journal of Mind and Behavior*, 15(4), pp. 343-350.

Zaitseva, N. V. and Zaitsev, D. V., 2017. Phenomenological Perspective in Contemporary Neuroscience. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1, pp. 71-84. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Vallortigara G. Core Knowledge of Object, Number, and Geometry: A Comparative and Neural Approach // *Cognitive Neuropsychology*. 2012. Vol. 29, № 1-2. P. 213–236. <https://doi.org/10.1080/02643294.2012.654772>.

Vandervert L.R. How the Brain Gives Rise to Mathematics in Ontogeny and in Culture // *The Journal of Mind and Behavior*. 1994. Vol. 15, № 4. P. 343–349.

Об авторе

Валентин Александрович **Бажанов** — заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Россия.

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0336-9570>

Для цитирования:

Бажанов В. А. Эхо идей И. Канта в контексте современных когнитивных исследований // *Кантовский сборник*. 2026. Т. 45, № 1. С. 78–96.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-4>

© Бажанов В. А., 2026.

The author

*Prof. Dr Valentin A. **Bazhanov***, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russia.

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0336-9570>

To cite this article:

Bazhanov, V. A., 2026. Echo of Kant's Ideas in Modern Cognitive Research. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 78-96.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-4>

© Bazhanov V. A., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ:
КАНТОВСКИЕ МОТИВЫ
В ФИЛОСОФИИ С. И. ГЕССЕНА**

А. С. Зильбер¹

Проводится сравнительный анализ идейных оснований политических проектов С. И. Гессена и И. Канта как проектов политического развития и трансформации, а именно постепенных реформ. Отправным пунктом исследования выступает проект «правового социализма», который Гессен выстраивал как синтез нового либерализма и нового социализма своего времени. Основной вопрос исследования касается явной и неявной рецепции идей Канта в этом проекте. Канта и Гессена объединяет исторический оптимизм и неприятие утопий, однако ядро философии истории Гессена — это трансформация неокантианского учения о ценностях. Этапы развития либерализма и социализма Гессен определяет в соответствии с диалектическим методом Гегеля, в чем также прослеживается влияние баденского неокантианства. «Правовой социализм» Гессена сочетает либеральные ценности, а именно право и свободу, с социалистическими ценностями — благом и равенством шансов. Политическую философию Канта в целом можно отнести к классическому либерализму с акцентом на право и свободу. Однако для Гессена Кант стоит как бы в стороне от либерализма и воспринимается прежде всего в качестве философа морали, автора учения о свободе как автономии личности, которую следует защищать даже при социализме. Соотношение права и блага Гессен трактует иначе, чем Кант, и без опоры на него, хотя можно обнаружить возможные точки сближения их идей. Такая же ситуация наблюдается в трактовке понятий общественного договора и общей воли, которые одинаково важны для обоих философов как ориентиры, но представления об их воплощении существенно

¹Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 23.10.2025 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-5

**LEGAL ASPECTS OF STATE REFORM:
KANTIAN MOTIVES
IN THE PHILOSOPHY
OF SERGEY HESSEN**

A. S. Zilber¹

This article compares the ideological foundations of the political projects of Sergey Hessen (Gessen) and Immanuel Kant as projects of political development and transformation, i.e. gradual reform. The starting point is the project of “rule-of-law socialism” which Hessen saw as a synthesis of the new liberalism and new socialism of his time. The main question is overt or covert reception of Kant’s ideas in this project. Kant and Hessen share historical optimism and reject utopias, but the core of Hessen’s philosophy of history is the transformation of Neo-Kantian doctrine of values. The influence of the Baden school of Neo-Kantianism can also be traced in the fact that Hessen defines the stages in the development of liberalism and socialism in accordance with Hegel’s dialectical method. But while Hessen’s “rule-of-law socialism” combines liberal values, i.e. law and freedom, with the socialist values of welfare and equal opportunities, Kant’s political philosophy on the whole belongs to classical liberalism which emphasises law and freedom. But for Hessen Kant, as it were, stands aside from liberalism and is perceived first and foremost as a moral philosopher, author of the teaching on the freedom and autonomy of the individual which should be protected even under socialism. Hessen interprets the relationship between right and good differently from Kant, without turning to him for support, although similarities of their ideas exist. The situation is similar in the interpretation of the concept of the social contract and the common will, which are equally important for both philosophers as reference points, but their ideas on how to achieve them differ substantially. A separate section is devoted to the

¹Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. Received: 23.10.2025.
doi: 10.5922/0207-6918-2026-1-5

отличаются. Отдельный раздел статьи посвящен сравнению принципов регулирования отношений собственности — это антифеодальные тезисы Канта и антимонополистские тезисы Гессена. В деталях проект «правового социализма» Гессена содержит больше различий с идеями Канта, нежели сходств, однако этот проект можно считать кантианским по духу. Рассмотрение идей Канта с точки зрения Гессена показывает, что целый ряд положений политической философии Канта сформулирован так, что к ним не относится в полной мере та критика, которую Гессен высказывает в адрес классического либерализма.

Ключевые слова: Кант, Гессен, правовой социализм, свобода, равенство, неокантианство

Введение

Тема справедливого государственного строя занимала Сергея Иосифовича Гессена постоянно, но его главные сочинения об этом появились в эмиграции. Отправной пункт моего исследования — обширный трактат «Правовое государство и социализм», который Гессен собрал в послевоенное время из своих статей, напечатанных в журнале «Современные записки» в 1920-е гг., опубликованный только в 1998 г. благодаря его ученику А. Валицкому, сохранившему рукопись. Большое внимание в трактате уделяется истории развития либерализма и социализма и их сближения, а также критике этих направлений мысли. В каждом из них Гессен видел много ценного и искал «средний путь» между ними (Валицкий, 2020, с. 12). Симпатия к либерализму отразилась в понятии «правовое государство» — но и социалистические симпатии Гессен сохранял в течение всей жизни (см.: Белов, 2020, с. 98–99). Например, в 1917 г. это были симпатии к правому крылу внутри левого лагеря, а именно к «марксизму Плеханова» (Гессен, 2010в, с. 786).

Спектр источников проекта «правового социализма» довольно широкий, даже если выделять сугубо философские идеи, на которые Гессен опирался в оценке идеологии и поли-

comparison of the principles of property relations, Kant's anti-feudal theses and Hessen's anti-monopoly theses. On details, Hessen's project of "rule-of-law socialism" has more differences than similarities to Kant's ideas, but is similar to Kant's in spirit. An analysis of Kant's ideas from Hessen's viewpoint shows that some provisions of Kant's philosophy are formulated in such a way that they do not fully apply to Hessen's critique of classical liberalism.

Keywords: Kant, Sergey Hessen, rule-of-law socialism, freedom, equality, Neo-Kantianism

Introduction

The theme of a just state system has always engaged Hessen, but his main works on it were written in emigration. The starting point of my study is the voluminous treatise, *Political Freedom and Socialism*, which Hessen put together in the post-war period, containing articles written for the journal *Sovremenniy zapiski* in the 1920s. These were only published in 1998 thanks to his pupil Andrzej Walicki who had preserved the manuscript. Considerable space in the treatise is given to the history of liberalism and socialism and the *rapprochement* between them as well as their critique. Hessen saw much that was valuable in each of these trends and tried to find a "middle road" between them (Walicki, 2020, p. 12). His sympathy for liberalism shows itself in the concept of "rule-of-law state", but his sympathy for socialism was lifelong (see Belov, 2020, pp. 98-99). In 1917, for example, he sympathised with the right wing of the left, the "Plekhanov Marxism" (Hessen, 2010b, p. 786).

The spectrum of sources of "rule-of-law socialism" is fairly wide, even if we count strictly philosophical ideas from which Hessen proceeded in assessing ideology and politics. Researchers consider the main sources to be Paul Natorp's pedagogy, Heinrich Rickert's

тики. Главными источниками исследователи считают социальную педагогику П. Наторпа, философию ценностей Г. Риккерта, диалектику Г. В. Ф. Гегеля, концепцию общей воли Ж.-Ж. Руссо, а также идеи отечественных мыслителей начала XX в. — П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Г. Д. Гурвича и др. (Валицкий, 2012, с. 492; Загирняк, 2017; 2020в; 2025; Щедровицкий, 2024). В этом сочетании западных и русских идей «правовой социализм» Гессена, по замечанию М. А. Колерова, является выражением проекта «русского социал-либерализма», который создавался как соединение немецкого «естественного права» с русскими идеями «достойного человеческого существования» и «минимума добра»; такой проект Колеров считает «политически наиболее справедливым для истории и условий России» (Колеров, 2024, с. 152–153).

Сам Гессен отмечает очевидный парадокс: его симпатия к социализму сохранялась несмотря на его кантианство (Гессен, 2010в, с. 786). В «Правовом государстве...» Гессен относит Канта к представителям классической теории либерализма, но подробного анализа кантовской политической философии не предлагает (Гессен, 2010д, с. 147). Насколько к Канту относится вся критика Гессена в адрес классического либерализма — остается вопросом. Ссылок на Канта в «Правовом государстве...» немного, он упоминается в положительном ключе, но в моментах, можно сказать, методологических: как первый, кто установил различие права и нравственности (Там же, с. 252); как автор учения об автономии нравственности, науки и искусства (Там же, с. 147); как автор концепции идеи как «проблемы без всякого разрешения» (Там же, с. 151) или, в более точной формулировке, концепции «заведомо неразрешимой до конца идеи личности и общества» (Там же, с. 205). В статье, написанной к двухсотлетию со дня рождения Канта, Гессен анализирует идеи Канта как философа морали, но не политики (Гессен, 2024): подроб-

philosophy of values, Hegel's dialectics, Rousseau's concept of the common will as well as Russian thinkers of the early twentieth century: Pavel I. Novgorodtsev, Bogdan A. Kistyakovsky, Georges D. Gurvitch and others (Walicki, 2012, p. 492; Zagirnyak, 2017, 2020в, 2025; Shchedrovitsky, 2024). In this combination of Western and Russian ideas Hessen's "rule-of-law socialism", as Modest A. Kolerov (2024, p. 152) points out, is an expression of "Russian social-liberalism", which blended German "natural right" with the Russian ideas of "dignified human existence" and "minimum good", the project Kolerov considers to be doing "more political justice to the history and conditions of Russia than any other".

Hessen himself notes an obvious paradox: his sympathy for socialism was always there in spite of his Kantianism (Hessen, 2010b, p. 786). In the *Rule-of-Law State* Hessen identifies Kant as a representative of the classical theory of liberalism but does not offer a detailed analysis of Kantian political philosophy (Hessen, 2010d, p. 147). It is still unclear to what extent Hessen's critique of classical liberalism applies to Kant. His references to Kant in the *Rule-of-Law State* are few, but they are positive in tone and they occur at what may be called methodological moments: as the first to point to the difference between right and morality (*ibid.*, p. 252); as the author of the teaching on the autonomy of morality, science and art (*ibid.*, p. 147); as the author of the concept of "a problem with no solution" (*ibid.*, p. 151) or, more precisely, as the author of the concept of "the problem of personality and society which can never be solved to the end" (*ibid.*, p. 205). In an article written for the Kant bicentennial, Hessen (1924) looks at Kant as a philosopher of morals and not politics: he unpacks the Kantian ethics (at once favourably and critically) and pedagogy (mainly favourably). Dmitriy E. Samoilov

но разбирает кантовскую этику (одновременно и благосклонно, и критически) и педагогику (преимущественно благосклонно). Д. Е. Самойлов отмечает, что «влияние этики Канта на философию Гессена выражается в понимании русским философом мотивов нравственного поведения, идей свободы и личности», хотя Гессен считал необходимым преодолеть формализм кантовского морального законодательства (Самойлов, 2012, с. 56).

В этом контексте встает вопрос о том, в каком отношении находятся идеи Канта и Гессена, точнее, те комплексы идей, из которых и на которых строятся политические концепции этих философов. Сам Гессен заявляет, что учеником Канта он был опосредованно, будучи напрямую учеником Риккерта (Гессен, 2010в, с. 825). В связи с этим задача моего исследования — уточнить и определить место идей Канта в трудах Гессена о политике, для чего будут привлечены его различные сочинения, не в последнюю очередь — педагогические. Этот поиск, по сути, отвечает той проблеме в современных исследованиях, посвященных русским неокантианцам, которую Н. А. Дмитриева характеризует следующим образом: «...вопрос о том, что и как рецептировалось и интерпретировалось ими в кантовской философии, по-прежнему нуждается в прояснении» (Дмитриева, 2025, с. 58).

Согласно наиболее известным трактовкам эволюции взглядов Гессена, он шел «от неокантианства к кантианству, а затем к платонизму» (см.: Самойлов, 2012, с. 44). Тем не менее требуется немало усилий по восстановлению контекста влияния Канта на Гессена для подробного сопоставления их идей, которое в итоге позволит сформировать относительно целостную картину соотношения, совпадения и различия их политических концепций.

Философия Канта содержит достаточно много идей, которые могли бы вызвать у Гессена желание адаптировать их к своему учению.

(2012, p. 56) observes that “the influence of Kant’s ethics on Hessen’s philosophy shows in the Russian philosopher’s understanding of the motives of moral behaviour, the ideas of freedom and the individual”, although Hessen objected to the formalism of Kantian moral law-making.

This raises the question of the relation between the ideas of Kant and Hessen, or the sets of ideas *out of which* and *on which* their political concepts are built. Hessen declares that he was a pupil of Kant indirectly, while Rickert was his immediate teacher (Hessen, 2010b, p. 825). My task therefore is to clarify and define the place of Kant’s ideas in Hessen’s works on politics. To this end I will draw on various works, not least works on pedagogy. This quest is in fact a response to the problem which Nina A. Dmitrieva (2025, p. 58) recently described thus: “[...] the question of what and how they were received and interpreted in Kant’s philosophy needs further clarification”.

According to the most famous interpretations of the evolution of Hessen’s views, he moved “from Neo-Kantianism to Kantianism and then to Platonism” (cf. Samoilov, 2012, p. 44). Even so, it is still a challenge to restore the context of Kant’s influence on Hessen in order to compare their ideas. This will eventually make it possible to form a comparatively complete picture of the relation, similarity and differences of their political conceptions.

There are a good many ideas in Kant’s philosophy, which might have made Hessen want to adopt as his own teaching. For example, the concept of freedom as the basis of the principles of law, the concept of republic, initial “social contract”, common will and reforms. For Kant “gradual reforms” is the path of public development to avoid a revolution (ZeF, AA 08, p. 353; Kant, 1996d, p. 325). Hessen, too, saw right-wing socialism as the

Например, понятие свободы как основы принципов права, концепция республики, первоначального «общественного договора», общей воли и реформ. У Канта «постепенные реформы» — это путь политического развития во избежание революции (АА 08, S. 353; Кант, 2024б, с. 171). Гессен мыслил воплощение проекта правового социализма тоже как путь постепенных преобразований, хотя само слово «реформа» встречается в его трактате всего единожды. Победа большевиков означала поражение проекта русского социал-либерализма, но труды Гессена, по оценке Колерова, послужили «развитию теории социализма» именно с философской стороны, в противоположность его «катастрофической» практике в Советской России (Колеров, 2024, с. 153, 155). Тема реформ образует удобную концептуальную рамку для сравнения двух версий политической философии, поскольку в этой рамке охватываются и наличное данное, и ориентиры будущего, и подход к реализации продвижения в это будущее. План дальнейшего рассмотрения гессеновской концепции строится по принципу «от общего к частному». В таком же порядке кантовские принципы реформ излагаются в подробном исследовании К. Лангер (1986), на которое я буду опираться. Лангер отмечает в понятии реформы у Канта два ключевых момента: реформа проводится действующей властью и направлена на восстановление естественных прав, согласно кантовской системе права (Langer, 1986, S. 86). Общие основы философии государства и права и у Канта, и у Гессена укоренены в философии истории — это тема первого раздела статьи. Второй и третий разделы посвящены тому, как оба философа выстраивают основополагающие принципы философии права, какими видят их воплощения в политике и в критике идеологии и как осмысливают соотношение понятий права, блага, свободы и общей воли. В четвертом разделе проводится сравнение прикладного аспекта обеих теорий — принципа собственности.

path of gradual transformations although the word “reform” occurs in his treatise only once. The Bolshevik victory meant the defeat of the project of Russian social-liberalism. But, as Kolerov (2024, pp. 153, 155) notes, Hessen’s works contributed to the “development of the socialist theory” from the philosophical side as opposed to its “disastrous” practice in Soviet Russia. The theme of reform offers a convenient conceptual framework for comparing the two versions of political philosophy because this framework covers the present given, orientation toward the future and movement toward that future. My plan for further examination of Hessen’s concept is based on the principle “from the general to the particular”. The same sequence is followed by Claudia Langer (1986) in the detailed study on which I will depend. Langer singles out two key aspects in Kant’s concept of reform: reform is carried out by the incumbent authorities and is aimed at restoring natural rights in keeping with the Kantian system of right (*ibid.*, p. 86). The general foundations of the philosophy of state and law, both according to Kant and Hessen, are embedded in the philosophy of history, which is the theme of the first part of this article. The second and third parts are devoted to how the two philosophers frame the bedrock principles of the philosophy of law, how they see their implementation in politics and in the critique of ideology and how they see the relations between the concepts of right, good, freedom and common will. The fourth part compares an applied aspect of the two theories: the principle of property.

1. Reforms in Historical Progress

The views of Hessen and Kant on history are informed with the idea of progress and the conviction that each new condition of society is

1. Реформы в историческом прогрессе

Взгляды Гессена и Канта на историю проникнуты идеей прогресса и убеждением в том, что каждое новое состояние общества превосходит предыдущее, будучи более совершенным². Направлением и результатом прогресса для обоих мыслителей является достижение свободы личности. У Канта идея свободы четко определяется в ее политическом и правовом смысле (AA 08, S. 22; Кант, 2024а, с. 36). Гессен подчеркивает, что сама концепция свободы исторически изменчива и не может трактоваться как абсолютная и окончательная (Гессен, 2010г, с. 530, 533).

Как Кант, так и Гессен противопоставляют свое учение о государстве и праве утопическим проектам. Гессен характеризует «утопизм» как попытку «построить идеальный порядок, не считаясь с конкретными условиями места и времени» (Гессен, 2010д, с. 43), отрицая все, что сложилось исторически (Там же, с. 45). «Утопиям ныне уже больше никто не верит, в них все разочаровались», однако волна этого разочарования может вынести к другой нежелательной крайности — беспринципному и узкопрактическому отношению к действительности (Там же, с. 43). Кант, по сути, также выступает против обеих этих крайностей, хотя называет их иначе: «утопизму», на мой взгляд, у него соответствует «фантазия экзальтированного ума» или «сладкая мечта», среди примеров которых названа «Утопия» Т. Мора (AA 07, S. 92; Кант, 2024г, с. 338—339), а беспринципности соответствует «ловкость подстраиваться под любые обстоятельства» (AA 08, S. 374; Кант, 2024б, с. 196).

² При этом Канта, например, не смущают замедления прогресса в виде «темных веков» в истории Европы; главное, что «влияние римлян на варваров» вообще состоялось и что даже в периоды упадка «всегда сохранялся зародыш просвещения», который подготавливал следующую ступень улучшения в гражданском устройстве и отношениях между государствами (AA 08, S. 29—30; Кант, 2024б, с. 45—56).

superior and more perfect than the one before it.² For both thinkers the direction and result of progress is liberation of the individual. Kant defines freedom clearly in the political and legal sense (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2007, p. 112). Hessen argues that the concept of freedom itself is historically changeable and cannot be seen as absolute and final (Hessen, 2010c, pp. 530, 533).

Both Kant and Hessen counterpose their ideas of state and law with utopian projects. Hessen (2010d, p. 43) describes “utopianism” as an attempt “to build an ideal order disregarding the concrete conditions of place and time”, denying all that has been established historically (*ibid.*, p. 45). “Nobody believes utopias anymore, everyone is disappointed with them”, but the wave of such disappointment may carry one to the other undesirable extreme, namely an unprincipled and narrowly practical attitude to reality (*ibid.*, p. 43). Kant is in fact also against these two extremes although he calls them differently: instead of “utopianism” he speaks of “the dreaming of an overstressed mind” or “a sweet dream”, citing as an example Thomas More’s *Utopia* (*SF*, AA 07, p. 92; Kant, 1996b, p. 307), and instead of unprincipled attitude he speaks of the “skill in turning their hand to everything” (*ZeF*, AA 08, p. 374; Kant, 1996d, p. 341).

According to Kant, the meaning of history is determined teleologically as the “aim” which nature sets for the human race and which consists in the development of all

² Kant, for example, is unperturbed by the slowing down of progress during the “dark ages” in Europe’s history; for him what matters is that “influence of the Roman nation on the barbarians” took place at all and that even in the periods of decline “there was always left over a germ of enlightenment”, which prepared the next stage of improvement in civil order and relations among states (*IaG*, AA 08, pp. 29-30; Kant, 2007, p. 119).

Смысл истории, по Канту, задается телеологически — условной «целью», которую имеет природа в отношении человеческого рода и которая состоит в раскрытии всех задатков человечества (AA 08, S. 18; Кант, 2024а, с. 32). Такая формулировка цели связывает ее с бесконечным процессом развития, который по большей части невозможно предсказать и даже постичь, хотя одна постижимая часть в нем есть — это развитие моральных задатков на пути к «царству целей» (AA 04, S. 433; Кант, 1997, с. 182). Такой путь хотя и бесконечен, но данную часть цели истории Кант мыслит всецело постижимой, поэтому движение к этой цели требует полного осознания. Движение к «царству целей» возможно только через развитие «культуры воспитания», но есть и другая часть задатков, подлежащих «раскрытию», менее предсказуемая: это то, чего человечество пожелает и сможет достичь в развитии «культуры умения» (AA 05, S. 431–432; Кант, 2001, с. 701). Развитие культуры умения ведет к техническому прогрессу, и локомотивом этого развития выступают в основном властолюбие, честолюбие и корыстолюбие, то есть «необщительная общительность» и в целом социальный антагонизм, а значит, такое развитие во многом иррационально и спонтанно (AA 08, S. 20; Кант, 2024а, с. 35).

Необходимой составляющей прогресса Кант считает не только этически определенное «царство целей», но и постижимую и в целом вполне понятную человеку «задачу» истории — достижение «*всеобщего правового гражданского общества*» (AA 08, S. 18; Кант, 2024а, с. 36). На первый взгляд, в тексте «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» понятие «задачи» малозаметно, однако Э. Ю. Соловьев подчеркивает ключевую роль, которую оно играет в связке с «целью», выступая как необходимое условие для движения к цели. Эта задача — организация правового государства, достижение «всеобщего правового гражданского общества», в котором максимальная свобода

predispositions of humanity (*IaG*, AA 08, p. 18; Kant, 2007, p. 109). This formulation of the goal implies an infinite process of development which is largely impossible to predict and even to fathom although one part of it is fathomable, and it is the development of moral predispositions on the way to “a kingdom of ends” (*GMS*, AA 04, p. 433; Kant, 1998b, p. 41). This path may be infinite, and yet Kant considers this part of the aim of history to be totally fathomable because movement toward this goal has to be conscious. Movement toward “a kingdom of ends” is possible only through the development of “culture of training”, but there is another part of predispositions which needs to be “revealed” and which is less predictable. It is what humanity may wish and be able to achieve in the development of the “culture of skill” (*KU*, AA 05, pp. 431–432; Kant, 2000, p. 299). The development of the culture of skill leads to technical progress, the key drivers of this development being lust for power, ambition and greed, i.e. “unsocial sociability” (without which it would have been impossible) and in general social antagonism, hence such development is in many ways irrational and spontaneous (*IaG*, AA 08, p. 20; Kant, 2007, p. 111).

Kant holds that a necessary component of progress, along with an ethical determination of the “kingdom of ends”, is “the achievement of a civil society universally administering right” (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2007, p. 112), a problem of history generally comprehensible to the human being. On the face of it, the concept of “problem” in the context of the “Idea...” is little noticed. However, Erikh Yu. Solovyov singles it out stressing that, coupled with the “goal”, it is the necessary condition of movement toward the goal. The *problem* is organising a universal rule-of-law state, “the achievement of a civil society universally

сочетается с ее строгим ограничением свободой другого (AA 08, S. 22; Кант, 2024а, с. 36, 37), а государство существует в форме республики с представительной законодательной властью. Решить задачу можно только действуя с пониманием, то есть задача должна быть осознана (Соловьев, 2005, с. 267), несмотря на то что решение задачи, фигурально выражаясь, немногим менее бесконечно, чем достижение цели, поскольку «политика сама по себе трудное искусство» (AA 08, S. 380; Кант, 2024б, с. 204), впрочем, как и достижение моральной чистоты мотивов поступков. Так Кант определяет рациональный смысл политической истории и критерии прогресса.

У Гессена установка на постоянные и постепенные политические преобразования укоренена в его концепции культурных ценностей как безусловно ценных целей. Он разделяет все цели людей на два вида: первый вид, *цели-данности* — это «задачи, допускающие полное и окончательное разрешение» (Гессен, 1995, с. 33), а второй вид, *цели-задания* — это «культурные ценности», ценные сами по себе, они «*по самому существу своему являются неисчерпаемыми*» и тем не менее частично разрешимыми для каждого человека, стремящегося к их воплощению (Там же, с. 33–34). Эти цели-задания культивируются ради них самих, а не только как средство для других целей. Безусловность целей-заданий является оборотной стороной их неисчерпаемости, а их совокупность составляет, по словам Гессена, существо культуры (Гессен, 2010д, с. 49). Цели-задания как культурные ценности можно отнести к общественным целям, однако они вполне совместимы с индивидуальной свободой (см.: Загирняк, 2025). Одна из таких целей, «хозяйственная деятельность, будучи орудием самосохранения общества и служа целям личного обогащения, обладает и самодовлеющей ценностью, поскольку расширяет господство человека над природой» (Гессен, 2010д, с. 49). У Канта нет близкого анало-

administering right”, in which “the greatest freedom” goes hand-in-hand with its being strictly limited by the freedom of the other (*IaG*, AA 08, p. 22; Kant, 2007, p. 112), and the state exists as a republic with a representative legislature. This task (*Aufgabe*) can only be accomplished consciously (Solovyov, 2005, p. 267), despite the fact that metaphorically speaking it is slightly less infinite than the achievement of the goal since “politics by itself is a difficult art” (*ZeF*, AA 08, p. 380; Kant, 1996d, p. 347) like the achievement of the moral purity of acts. That is how Kant defines the rational meaning of political history and the criteria of progress.

With Hessen, the commitment to constant and gradual political transformations is embedded in the concept of cultural values as being unconditionally valid goals. He divides human goals into two types: the first type is *given ends*, i.e. “goals that lend themselves to complete and final resolution” (Hessen, 1995, p. 33), and the second type is *end-tasks*, i.e. “cultural values” that have intrinsic value and “are essentially inexhaustible” and yet are partially achievable for anyone who strives toward them (*ibid.*, pp. 33-34). These end-tasks are pursued for their own sakes and not only as a means toward achieving other ends. The unconditional character of the end-tasks is the direct consequence of their being inexhaustible, and together, Hessen (2010d, p. 49) believes, they form the essence of culture. End-tasks as cultural values can be described as public goals, but they are quite compatible with individual freedom (*cf.* Zagirnyak, 2025). One such goal, “economic activity, being an instrument of society’s self-preservation, and serving the interests of personal enrichment, has inherent value because it enhances human being’s dominance over nature (*ibid.*). Kant has no analogue to “end-task” though it is similar

га понятия «цель-задание», хотя оно сходно с кантовскими «целью истории» в аспекте неисчерпаемости и с «задачей» в аспекте идеи права как ценности.

Концепцию цели-задания Гессен создал в развитие неокантианской теории ценностей³. Согласно Г. Риккерт, ценности — это вечные объекты; человек не может познать их во всей их полноте, но способен опознать запечатление ценности в предметах действительности — в благах (Риккерт, 1998, с. 23). Культура развивается как процесс все более совершенного воплощения ценностей. Когда Гессен объясняет, что история немыслима без «ценностей науки, искусства, государства, права, хозяйства, лежащих в ее основании и делающих ее впервые возможной» (Гессен, 1995, с. 34), он ссылается на сочинения Риккерта (Там же, с. 383). У Канта не было подобной дифференциации благ в связи со сферой нематериальных целей, но в «Основах педагогики» Гессен характеризует «культурные ценности» как неисчерпаемые задачи, которые являются, «по слову Канта, “проблемами без всякого разрешения”» (Там же, с. 33). Однако Кант пишет об этом не в морально-правовом или социально-политическом контексте — это слова из «Трансцендентальной диалектики» об эмпирически непредставимой *идее* абсолютно-го целого всех явлений (B 384; Кант, 2006, с. 495).

Гессен развивает теорию ценностей, стремясь преодолеть проблематичность Риккертова понятия ценности: с одной стороны, акт оценки требует опознания ценности, с другой — содержание самой ценности едва ли познаваемо. Возникает вопрос, каким образом эта оценка может быть рациональной, осознанной, отличной от субъективной мистики переживания (Гессен, 2010б, с. 427). Гессен вводит понятие «предание» — это совокупность существующих достижений прошлых поколений в воплощении цели-задания (то есть ценности). Пре-

to his “goal of history” in that it is inexhaustible and to “task” in terms of right as a value.

Hessen developed the concept of end-task as an extension of the Neo-Kantian theory of values.³ According to Rickert (1910, p. 12), values are eternal objects; man cannot fully understand them, but he can identify embodiments of value in objects of reality, in goods. Culture develops as a process of ever more perfect embodiment of values. When Hessen explains that history is unthinkable without “the values of science, art, state, right, and economy which underpin it and for the first time make it possible” (Hessen, 1995, p. 34), he cites the works of Rickert (*ibid.*, p. 383). Kant does not have such a differentiation of goods in connection with intangible things, but Hessen in the *Fundamentals of Pedagogy* describes “cultural values” as inexhaustible tasks which, “according to Kant, are ‘problem[s] without any solution’” (Hessen, 1995, p. 33). However, Kant writes about it not in the moral-legal or socio-political context, these being words from the *Transcendental Dialectic* concerning the empirically unrepresentable *idea* of the absolute entirety of phenomena (KrV, B 384; Kant, 1998a, p. 402).

Hessen develops the theory of values seeking to overcome the problem with Rickert’s concept of value: on the one hand, the act of assessment requires identification of the value and on the other hand the content of value is hardly knowable. The question suggests itself, how can assessment be rational, conscious, and different from the subjective mystique of experience? (Hessen, 1912, p. 99). Hessen introduces the concept of *legend* meaning the total body of achievements of past generations in implementing the end-task (i.e. value).

³ В частности, в «Основах педагогики» при определении понятия «история» Гессен следует за Риккертом (Гессен, 1995, с. 383).

³ For example, in the *Fundamentals of Pedagogy* Hessen follows Rickert in defining the concept of “history” (Hessen, 1995, p. 383).

дание позволяет понять, каким образом можно более совершенно воплотить цель-задание в настоящем и будущем. Подлинно реально только то задание, которое вырастает из предания; в свою очередь, цели-задания позволяют осмыслить прошлое как процесс развития их воплощения (Гессен, 2010д, с. 57). Таким образом укрепляется связь ценностей и действительности, а формы и порядки жизни передаются от поколения к поколению, связывая их цепью преемственности (см.: Загирняк, 2020в, с. 124–125). «Сохранить предание — это значит *уйти* от него в направлении задания», — утверждает Гессен (Гессен, 2010д, с. 60). Именно поэтому утопизм, полагающий «задание в полном отрыве от животворящего его предания», для Гессена неприемлем (Там же, с. 53).

Гессен изобретает свое решение проблемы связей ценностей и действительности без опоры на Канта. Тема преемственности представлена у Гессена в понятии «предания» более явно и в более широком культурном смысле, чем у Канта. Кант касается темы преемственности, когда обсуждает принципы политической трансформации. Он настаивает на том, что возможно управление государством в духе республики при сохранении официальной монархии (AA 08, S. 352; Кант, 2024б, с. 171; см. Langer, 1986, S. 114). Предостерегая от поспешности в воплощении политического идеала, Кант пишет, что «опрометчивая» реформа может привести к анархии, поэтому в проведении реформ следует действовать постепенно, сообразовываясь с благоприятными обстоятельствами (AA 08, S. 373, 378; Кант, 2024б, с. 195, 201).

Итак, в общем понимании истории культуры как целеориентированного процесса у Канта и Гессена обнаруживаются сходные установки на постепенность и преемственность развития, однако их основания и понятийный аппарат различаются, и связь между взглядами Канта и Гессена — исключительно опосредованная, через рецепцию и трансформацию взглядов неокантов Риккерта, чьим учеником был Гессен.

Legend makes it possible to understand how to better fulfil the end-task in the present and future. Only that task is real which grows out of *legend*; in turn, end-tasks make it possible to understand the past as the process of the evolution of their fulfilment (Hessen, 2010d, p. 57). This strengthens the link between values and reality while forms and traditions of life are handed down from generation to generation, creating a continuity (*cf.* Zagirnyak, 2020c, pp. 124-125). “To *preserve* the legend means to *depart* from it in the direction of the task”, Hessen maintains (2010d, p. 60). That is why he rejects utopianism, which posits “a task totally divorced from the life-giving legend” (*ibid.*, p. 53).

Hessen invents a solution to the problem of links between values and reality without leaning on Kant. Hessen represents the theme of continuity in the concept of *legend* in a more overt and in a broader cultural sense than does Kant. Kant touches on the theme of continuity when he discusses the principles of political transformation. He argues that it is possible to run a state as a republic while officially preserving a monarchy (ZeF, AA 08, p. 352; Kant, 1996d, p. 324; *cf.* Langer, 1986, p. 114). Warning against undue haste in implementing the political ideal, Kant writes that “premature” reform may lead to anarchy, which is why reform should be carried out gradually when circumstances favour it (ZeF, AA 08, pp. 373, 378; Kant, 1996d, pp. 341, 344).

We see, then, that Kant and Hessen have a shared view of the history of culture as a goal-oriented process, both stressing gradualness and continuity of development, but their grounding and conceptual tools differ, so that the connection between their views is entirely indirect via the reception and transformation of the views of Rickert, the Neo-Kantian who was Hessen’s teacher.

2. Право и благо: Кант и Гессен о либерализме

Если утопизм разрывает связь между преданием и заданием, то какая идеология может наилучшим образом обеспечить их связь и преемственность? Правовой социализм, — отвечает Гессен. В его представлении эта идеология преодолевает крайности и ограниченности либерализма и социализма путем сочетания их основополагающих ценностей. Для либерализма такой ценностью изначально была и остается идея права на свободную конкуренцию с равными шансами (в правовом отношении, но не в экономическом). Для социализма — идея блага, точнее, всеобщее благополучие.

Чтобы показать перспективу правового социализма, Гессен досконально анализирует логику и механику эволюции как либерализма, так и социализма на пути их исторического сближения. Он показывает, что трансформация либерализма происходила под влиянием развития капиталистической экономики в направлении монополизации. Развитие хозяйства обнаружило те опасные тенденции в капитализме, которые не были предугаданы либерализмом изначально — и стало ясно, что либеральная идея права должна быть дополнена идеей блага. Последняя была радикально сформулирована в раннем социализме, но Гессен настаивает на том, что в либерализме обеспечение блага тоже изначально подразумевалось, только неявно, как цель и смысл права. Итоговый синтез права и блага возможен именно в новом социализме (Гессен, 2010д, с. 236). По сравнению с развитием либерализма, история трансформации социализма более сложная и определяется, как показывает Гессен, не столько историческими обстоятельствами, сколько принципами диалектики. Начальный этап развития социализма, а именно его утопическую форму, Гессен называет безусловным («аб-

2. Right and Good: Kant and Hessen on Liberalism

If utopianism severs the link between legend and tasking what is the ideology that best ensures their connection and continuity? Hessen's answer is rule-of-law socialism. He believes that this ideology is free of the extremes and limitations of liberalism and socialism while combining their basic values. For liberalism this value has been from the outset the right to free competition with equal chances (in legal, not economic terms). For socialism it is the idea of good or rather, general welfare.

To prove the validity of the rule-of-law socialism Hessen provides a thorough analysis of the logic and mechanism of the evolution both of liberalism and socialism even as they draw closer during the course of history. He demonstrates that liberalism was transformed under the influence of monopolisation of the capitalist economy. Economic development revealed the dangerous tendencies of capitalism which liberalism had failed to foresee initially, so that it became clear that the liberal idea of law had to be complemented by the idea of the good. The latter was radically formulated by early socialism, but Hessen insists that liberalism, too, envisaged general welfare from the start, but that it was implicit as the goal and meaning of law. The synthesis of the right and the good is possible under new socialism (Hessen, 2010d, p. 236). Compared to the development of liberalism, the history of the transformation of socialism is more complicated, determined, as Hessen demonstrates, not so much by historical circumstances as by dialectics. Hessen describes the early stage of the development of socialism, i.e. its utopian form, as unconditional ("abstract") negation of liberalism (*ibid.*,

страктным») отрицанием либерализма (Там же, с. 123). Затем следуют еще два диалектических этапа развития («реальное» отрицание либерализма в марксизме и его «вырождение» в «чистое уничтожение» либерализма в революционном коммунизме) (Там же, с. 139; см. также с. 164). Наконец, на четвертом этапе социализм доходит до «перерождения реального отрицания в преобразующее (утверждающее) отрицание» (Там же, с. 191), при котором вбирает в себя некоторые моменты либерализма (Там же, с. 247).

Г. Д. Гурвич писал о «гегельянском оттенке» в философии Гессена, подразумевая его «Основы педагогики» (цит. по: Загирняк, 2017, с. 32). М. Ю. Загирняк отмечает, что и становление либерализма Гессен тоже «понимает исходя из общей логики развития права в соответствии с диалектикой Г.В.Ф. Гегеля» (Там же). Именно путь развития социализма имеет для Гессена приоритет в рассмотрении истории идеологий. Гессен объясняет, почему этапов оказывается четыре, а не три: «У Гегеля есть замечательная формула, касающаяся существа отрицания: становясь реальным, отвлеченное отрицание (*Verneinung*) имеет перед собою два пути — или выродиться в уничтожение (*Vernichtung*), или стать “снятием”, “отменой” (*Aufhebung*)...» (Гессен, 2010д, с. 191). Соответственно, революционный коммунизм оказывается «чистым уничтожением» (Там же, с. 164), а стадия «утверждающего отрицания» наступит в других учениях, начиная с Ф. Лассалля с его идеей социального государства (Там же, с. 191).

Из либерализма Гессен заимствует свой главный критерий оценки развития государства и права — обеспечение и расширение сферы личных прав и свобод. Для Канта эта сфера тоже важна, поскольку он включает свободу в триаду принципов, которые должны определять положение гражданина в государстве: свобода,

p. 123). Then follow two dialectical stages of development (“real” negation of liberalism in Marxism and its “degeneration” into “bare destruction” of liberalism in revolutionary communism) (*ibid.*, p. 139, 164). Finally, at the fourth stage socialism comes to the regeneration of real negation into “transforming (affirmative) negation” (*ibid.*, p. 191), when socialism acquires some features of liberalism (*ibid.*, p. 247).

Georges D. Gurvitch noted a “touch of Hegelianism” in Hessen’s philosophy referring to his *Fundamentals of Pedagogy* (quoted from Zagirnyak, 2017, p. 32). Mikhail Yu. Zagirnyak (2017, p. 32) notes that Hessen, too, interprets the emergence of liberalism “proceeding from the general logic of the development of law in line with Hegel’s dialectics”. For Hessen it is the path of socialism’s development that is central to the study of the history of ideologies. Hessen (2010d, p. 313) explains why there turn out to be four and not three stages of socialism: “Hegel has a wonderful formula concerning the essence of negation: by becoming real, abstract negation (*Verneinung*) faces an alternative, either to degenerate into destruction (*Vernichtung*) or to be ‘sublated’ or ‘cancelled’ (*Aushebung*).” Accordingly, revolutionary communism turns out to be “bare destruction” (*ibid.*, p. 283), and the stage of “affirmative negation” is represented in other teachings beginning from Ferdinand Lassalle’s ideas of the social state (*ibid.*).

Hessen borrows from liberalism his main criterion of assessing the development of the state and law, and that is the securing and broadening of the sphere of individual rights and freedoms. This sphere is also important for Kant since he includes freedom in the triad of principles that should determine a citizen’s position in the state: freedom,

равенство и самостоятельность⁴ (AA 08, S. 290; Кант, 2024в, с. 131). По убеждению Гессена, классический либерализм понимал обеспечение свободы и равенства в негативном смысле: свободу — как запрет посягать на пространство свободы другого, запрет на совершение определенных поступков, а равенство — как «отмену привилегий для одних групп общества и запрещений для других групп, связанных с происхождением и родом занятий индивидов» (Гессен, 2010д, с. 74). Такое понимание свободы и равенства мы видим и у Канта, когда он пишет про обязанность власть имущих «никому не отказывать и никого не умалять в его правах из-за недоброжелательности или сострадания к другим» (AA 08, S. 378; Кант, 2024б, с. 202). Гессен подчеркивает, что упомянутая отмена сословных привилегий не была для либерализма конечной целью: нужно было обеспечить честную конкуренцию. При этом не сразу стала понятна закономерность: изначальная конкуренция между лицами, равными в своих правах, все же не вполне равная, поскольку на нее имеют влияние всевозможные факторы различия в ресурсах, способностях и обстоятельствах — причем не только экономических, но и идеологических, которые проявляются, например, в центрах и силах неофициального клерикального влияния (Гессен, 2010д, с. 88). Ввиду этого различия наряду с правовым равенством возникает огромное экономическое расслоение, имеющее тенденцию закрепиться, и уже на новом уровне устанавливается неравенство возможностей, превращающее «экономическую борьбу двух лиц в одностороннее господство одного над совершенно обезличенным существованием другого» (Там же, с. 75). Конкуренция в результате снова прекращается, исход ее

⁴ «Самостоятельность» Кант приводит в трактате «О поговорке», а позднее, в трактате «К вечному миру», на место *самостоятельности* Кант поставил *зависимость* «всех от единого общего законодательства» (AA 08, S. 349; Кант, 2024в, с. 167), что можно назвать формой принципа верховенства права.

equality and independence⁴ (TP, AA 08, p. 290; Kant, 1991, p. 74). Hessen is convinced that classical liberalism had a negative view of how freedom and equality should be ensured: freedom as a ban on encroachment on the freedom of the other, a ban on certain acts and equality as “cancelling of privileges of some groups of society and a ban on other groups connected with background and occupations of individuals” (Hessen, 2010d, p. 74). We find the same interpretation of freedom and equality in Kant when he writes that the powers that be should have no right “to deny anyone his right or to encroach upon it out of disfavor or sympathy for others” (ZeF, AA 08, p. 379; Kant, 1996d, p. 345). Hessen stresses that the ban on social estate privileges was not the ultimate goal of liberalism, it was necessary to ensure fair competition. It did not become immediately apparent that initial competition between people with equal rights was not quite fair because it depended on various differences of resources, talents and circumstances as manifested, for example, in the centres and forces of unofficial clerical influence (Hessen, 2010d, p. 88). Owing to these differences, along with legal equality, huge economic stratification arises and tends to endure, such that at a new level there is established inequality of opportunities which turns “economic struggle between two persons into one-sided dominance of one over a totally depersonalised existence of the other” (*ibid.*, p. 75). As a result, competition stops, its outcome being pre-determined. Mitigating the stratification, combatting monopolism,

⁴ Kant mentions independence in the article “On the Common Saying: This May Be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice”, and later in the treatise, *Toward Perpetual Peace*, he replaced *independence* with “*dependence* of all upon a single common legislation” (ZeF, AA 08, p. 349; Kant, 1996d, p. 322), which can be called a formula of the rule-of-law.

становится заранее предрешенным. Корректировка этого расслоения, борьба с монополизмом, поддержка наименее удачливых, обеспечение честной борьбы, оставляющей шансы на успех обеих сторон, — это требует уже новых мер поддержки, которые не ограничиваются негативным равенством перед законом, но включают положительное «равенство исходного пункта» (Там же), а точнее, «предоставление каждому лицу условий, содействующих» продвижению вперед по общественной лестнице в меру способностей (Там же, с. 83).

Классический либерализм проводил «мысль, что государство должно... воздерживаться от принудительного приведения своих подданных к определенно понимаемому Благу» (Там же, с. 86). Однако предусмотренная в классическом либерализме помощь от государства при нарушениях сферы личной свободы — это «минимум положительных притязаний индивида и соответствующих обязанностей государства» (Там же, с. 80). Обеспечить соблюдение прав для тех, кто актуально пользуется ими, и обеспечить возможность пользоваться ими — вот идея позитивной свободы в новом либерализме. Такая идея свободы, дополненная идеей социального уравнивания и экономического благополучия, снова обретает «подлинный смысл, грозивший быть совсем утраченным в силу изменившейся жизненной обстановки» (Там же, с. 82).

Гессен считает, что дополненная идея свободы соответствует той надысторической высшей сущности всей сферы личных прав, которую он описывает по-кантовски: личность «непроницаема» для другого лица, в том числе и для государства, «она не может превратиться в простое орудие удовлетворения чужих потребностей» (Там же, с. 81). Право остается в центре схемы нового либерализма, а благо служит его орудием «и преследуется только в меру права», подчеркивает Гессен (Там же, с. 87). Симметричным образом для нового социализма глав-

support of the less fortunate, ensuring a level playing field in which both sides have a chance of success — all this calls for new measures of support which are not confined to negative equality under law but include affirmative “equality at the starting point” (*ibid.*), more precisely, “ensuring for every person conditions that contribute” to advance up the social ladder in accordance with his/her abilities (*ibid.*, p. 83).

Classical liberalism promoted “the idea that the state must [...] refrain from imposing on its subjects a certain interpretation of Good” (*ibid.*, p. 86). However, the state assistance classical liberalism envisages for those whose personal freedom has been violated is a “minimum of positive claims of the individual and corresponding duties of the state” (*ibid.*, p. 80). The idea of positive freedom in new liberalism is to ensure compliance with the rights of those who actually enjoy them and to secure their right to exercise them. Such an idea of freedom, complemented by the idea of social levelling and economic well-being, brings back “the genuine meaning which threatened to be lost owing to the changed life situation” (*ibid.*, p. 82).

Hessen takes the view that the idea amplified in this way corresponds to the supra-historical highest notion of the whole sphere of personal rights which he describes in Kantian language: the individual is “impervious” for another person, including the state, “it cannot turn into a mere tool for meeting others’ needs” (*ibid.*, p. 81). Right remains the focus for new liberalism while good serves as its tool and “is pursued only to the extent of right”, Hessen stresses (*ibid.*, p. 87). Symmetrically, for the new socialism good remains the main value but the means of securing it are limited by a value from the domain of law, viz. the value of freedom and autonomy of the individual.

ной ценностью остается благо, но средства его обеспечения ограничены другой ценностью из области права, а именно ценностью свободы и автономии личности.

У Канта тема экономического регулирования и социальной поддержки как обеспечения равных возможностей находится на периферии его сочинений и лекций. Можно выделить две причины, по которым ценность блага у Канта не может занять высокое место.

Во-первых, Кант — борец с этикой эвдемонизма XVIII столетия и ее политическими воплощениями. Последние состояли, как показывает Э. Ю. Соловьев, в двух главных аспектах: 1) наводнение мелочных и оттого ненадежных предписаний, «как стать счастливым» (Соловьев, 2005, с. 48), 2) патерналистская опека государства над подданными под маской заботы об их благе (Там же, с. 56). Разбор первого пункта Кант проводит в этике («Критика практического разума»), разбор второго — в трактате «Ответ на вопрос: что такое просвещение». Вдобавок в трактате «К вечному миру» Кант показывает, как забота о благе государства (в виде «технической» проблемы государственного здравомыслия) маскирует преследование интересов узкого круга лиц (см.: AA 08, S. 374, 377; Кант, 2024б, с. 196, 200). *Во-вторых*, кантовское понятие «антагонизма» подразумевает, что неравенство — это то, что побуждает к развитию (AA 08, S. 21; Кант, 2024а, с. 35). Это аргумент против сближения Канта с социалистическими идеями.

Но у Канта подразумевается, можно сказать, значительная забота государства о благе. В кантовский арсенал ее допустимых и даже желательных средств входят, например, оптимизация социальной инфраструктуры и побуждение граждан к определенным видам хозяйственной деятельности через меры материального стимулирования этих видов деятельности путем субсидий и тому подобного (AA 27.2.1, S. 548; см.: Dierksmaier, 2009, S. 51).

As for Kant, the theme of economic regulation and social support to secure equal opportunities is marginal to his works and lectures. I can point to two reasons which prevent Kant from awarding a high place to the good.

First, Kant is a fierce opponent of the ethics of eudemonism and its political manifestations and embodiments. These embodiments, as Erikh Solovyov has shown, were dramatically manifested in the eighteenth century in two ways: 1) the flood of trivial and therefore unreliable prescriptions on “how to be happy” (Solovyov, 2005, p. 48), 2) paternalistic tutelage of the state under the guise of concern for the subjects’ good (*ibid.*, p. 56). Kant unpicks point (1) in ethics (*Critique of Pure Reason*) and point (2) in the article “An Answer to the Question: What Is Enlightenment?”. In addition, in the treatise *Toward Perpetual Peace* Kant shows how pursuit of the interests of a narrow circle of people is disguised as concern for the good of the state (in the form of a “technical” problem of political prudence) (see ZeF, AA 08, pp. 374, 377; Kant 1996d, pp. 341, 344). *Second*, the Kantian concept of “antagonism” suggests that inequality is a driver of development (ZeF, AA 08, p. 21; Kant, 1996d, pp. 111-112). This is an argument against ascribing socialist ideas to Kant.

But Kant envisages considerable state concern for the good of the people. Kant’s catalogue of allowable and even desirable forms of such concern includes, for example, optimisation of the social infrastructure and the awakening of the citizens for certain types of economic activities by giving incentives by means of subsidies and the like (*V-Mo/Vigil*, AA 27.2.1, p. 548; cf. Dierksmaier, 2009, p. 51). However, these measures are not aimed at eliminating economic imbalances in the conditions of entire social estates and classes

Однако эти меры не направлены на выравнивание экономических дисбалансов в положении целых сословий и классов в рамках капиталистической экономики — такая проблема Кантом не поднимается, за исключением вопроса об отмене наследственных привилегий в сословном статусе и владении имуществом (эта тема освещается в последнем разделе данной статьи). Кант находил естественным различие статуса активных и пассивных граждан в соответствии с их положением в обществе и в экономике и соответствующее этому статусу ограничение избирательных прав. По его словам,

всеобщее равенство людей в государстве как его подданных очень хорошо уживается с величайшим неравенством в количестве и размерах их обладания, будь то физическое или духовное превосходство [одних] над другими, или во внешних благах и в правах вообще (а их может быть очень много) по отношению к другим; так что благосостояние одного в значительной степени зависит от воли другого (бедного от богатого) и один должен подчиняться, а другой ему приказывает (как ребенок подчиняется родителям или жена мужу), один служит (как поденщик), другой ему платит и т.д. (AA 08, S. 292; Кант, 2024в, с. 133).

Рассматривая проблему бедности, Кант, с одной стороны, полагает, что государство должно оказывать помощь беднякам через специальные фонды и распределение средств, полученных с налогов на имущество состоятельных граждан. С другой — он абсолютно не предполагает наличия у государства обязанности помогать гражданам повышать свой социальный статус. Те, кто получил необходимую помощь, должны, согласно Канту, далее повышать свое благосостояние самостоятельно, поскольку паразитическое существование граждан было бы «несправедливым бременем» для общества (AA 06, S. 325—326; Кант, 2014, с. 349). Н. Санчез-Мадрид считает, что для Канта эти рассуждения связаны с темой личного стремления к счастью, темой выбора на свое усмотрение

within the capitalist economy — Kant does not raise this problem, the sole exception being the question of abolishing hereditary privileges of social status and property ownership (the theme is discussed in the final part of this article). Kant considered natural the difference of status between active and passive citizens in accordance with their position in society and the economy and restriction of voting rights in accordance with this status:

This uniform equality of human beings as subjects of a state is, however, perfectly consistent with the utmost inequality of the mass in the degree of its possessions, whether these take the form of physical or mental superiority over others, or of fortuitous external property and of particular rights (of which there may be many) with respect to others. Thus the welfare of the one depends very much on the will of the other (the poor depending on the rich), the one must obey the other (as the child its parents or the wife her husband), the one serves (the labourer) while the other pays, etc. (TP, AA 08, p. 292; Kant, 1991, p. 75).

Analysing the problem of poverty Kant, on the one hand, believes that the state should render assistance to the poor through special funds and distribution of the money raised by taxing the property of the well-to-do citizens. On the other hand, it does not occur to him that the state is duty-bound to help its citizens to raise their social status. Having received due assistance, recipients of such help, in Kant's opinion, should thenceforth better themselves independently because the parasitic existence of citizens would be "an unjust burdening" for society (MS RL, AA 06, p. 326; Kant, 1996c, p. 469). Nuria Sanchez-Madrid (2025, p. 38) believes that this argument in Kant's case has to do with the theme of personal pursuit of happiness, the theme of choice at one's discretion and happiness is the result of success

ние, а само счастье — результат успеха на классическом либеральном рынке (Sanchez-Madrid, 2025, p. 38), который, как известно, не дает гарантий, требуя личной активности.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на высокую ценность права в его либеральном смысле, которую провозглашает Гессен, он расходится с Кантом в понимании соотношения свободы и равенства, а также соотношения права и блага. Формулируя принципы реформ, Кант останавливается на равенстве прав. Когда Гессен разбирает тему равенства шансов⁵ на реализацию прав, Кант вполне подпадает под его критику как представитель классического либерализма. Философия Канта не содержит предпосылок для сближения социалистических и либеральных принципов. Модель эволюции социализма Гессен строит на принципах диалектики Гегеля.

3. Общественный договор и общая воля: индивиды и группы

Как уже упоминалось, ключевая проблема для Гессена в его анализе истории идеологий либерализма и социализма — это сочетание свободы и права, за которые ратует либерализм, с равенством, справедливостью и благом, к которым стремится социализм. Когда наступило время расцвета монополий и ухудшилось положение рабочих, представителям либерализма стало ясно, что требуется «гарантия осуществления прав на достойное существование, обеспечения каждому свободы и равенства в

⁵ Формула «равные шансы для каждого» относится к учению нового либерализма (см.: Гессен, 2010д, с. 75); однако для Гессена не менее важно встать частично на сторону нового социализма в вопросе равенства, поэтому, строго говоря, он желает большего, чем равенство шансов, а именно сочетать «право возможностей и право распределения общественного блага», как характеризуют это стремление М.Ю. Загирняк и Н. А. Дмитриева (Загирняк, Дмитриева, 2026, с. 86). Говоря о гильдеизме, Гессен характеризует социализм как «право лица на проявление своей хозяйственной активности, т.е. на свободный труд» (Гессен, 2010д, с. 234).

in the classical liberal market, which of course offers no guarantees and demands personal effort.

The conclusion suggests itself that in spite of the high value of right in its liberal sense which Hessen proclaims, he diverges from Kant on the issue of the relation between freedom and equality as well as the relation between right and good. When Kant formulates principles of reform Kant stops at equality of rights. When Hessen examines the problem of equal chances⁵ to exercise rights, Kant is a legitimate target of his critique as a representative of classical liberalism. Kant's philosophy does not contain prerequisites of a *rapprochement* between the socialist and liberal principles. Hessen's model of the evolution of socialism is based on the principles of Hegel's dialectics.

3. The Social Contract and Common Will: Individuals and Groups

As mentioned above, the key problem for Hessen in his analysis of the history of liberal and socialist ideologies is the combination of freedom and law, championed by liberalism and equality, justice and good championed by socialism. When monopolies began to flourish, and the plight of workers worsened, liberals realised that there needs to be a “guarantee of the exercise of the right to dignified living, freedom for everyone and equality in their new, broader interpretation” (Hessen,

⁵ The formula “equal chances for each” puts the teaching of the new liberalism in a nutshell (see Hessen, 2010d, p. 75); but for Hessen it is no less important to partially take the side of socialism on the issue of equality. Therefore, strictly speaking, he wants more than equality of chances, to wit, to combine “the law of opportunities and the law of distribution of the social good”, according to Zagirnyak and Dmitrieva (2026, p. 86). Speaking about Guild Socialism, Hessen (2010d, p. 234) describes socialism as “a person's right to be economically active, i.e. to free labour”.

их новом, расширенном понимании» (Гессен, 2010д, с. 79). Предпочтительной формой правления для реализации этой гарантии Гессен полагал демократическую республику. Однако свобода в ней — это не прямое участие граждан в государственной власти, как было в древней демократии, и не независимость от этой власти, как считалось в классическом либерализме (Там же). Гарантия свободы и равенства в новой демократии выражается, с одной стороны, в старой формуле: следует привлекать широкие слои народа, заинтересованные в решении задач, к законодательству и управлению через расширение избирательного права (Там же, с. 79). С другой же стороны, новому либерализму приходится считаться с тем, что борьбу между собой ведут *группы* граждан «различно-социального веса и значения», которые получают свое выражение в различных союзах экономического и политического характера, и только с группами государство стоит лицом к лицу (Там же, с. 92). Эти союзы-общности, в том числе находящиеся в меньшинстве, выступают «носителями *общих, т.е. объективных* интересов хозяйства и культуры» (Там же, с. 112).

Роль государства Гессен видит в том, «чтобы приобщить все группы, на которые разделено общество, к созданию общей воли»⁶ (Там же, с. 93). Идеи оппоненты классического либерализма разоблачали общую волю как фикцию, как общность, которая недостижима, поскольку невозможно соглашение между классами с диаметрально противоположными интересами (Там же, с. 90). Гессен с опорой на учение гильдейского социализма строит ступенчатую схему формирования общей воли как процесса осознания сверхличных целей, идей и задач: от индивида к группе (гильдии), от группы к обществу в рамках государства. Основание солидарности группы, по мысли Гессена, отнюдь не механическое, его образуют не только одинаковые интересы: группы «яв-

2010d, p. 79). For Hessen the preferable form of such a guarantee was the democratic republic. However, in it freedom is not direct participation of citizens in state power, as in ancient democracy, nor independence from power, the view taken by classical liberalism (*ibid.*). The guarantee of freedom and equality in the new democracy is manifested, on the one hand, in the old formula: broad social strata interested in the solution of problems should be involved in law-making and governance by extending voting rights (*ibid.*, p. 79). On the other hand, new liberalism has to reckon with the fact that the struggle is waged between *groups* of citizens “of different social weight and significance” which form various economic and political alliances, and the state deals directly only with groups (*ibid.*, p. 92). These alliances and communities, including minorities, are “the bearers of general, i.e. objective, interests of the economy and culture” (*ibid.*, p. 112).

Hessen sees the role of the state in “involving all the groups into which society is divided in creating the common will”⁶ (*ibid.*, p. 93). The opponents of classical liberalism exposed the common will as a fiction, a community that is impossible because there can be no agreement between classes with diametrically opposite interests (*ibid.*, p. 90). Hessen, leaning on the ideas of Guild Socialism, builds a step scheme of the formation of the common will as a process of growing awareness of supra-individual goals, ideas and tasks: from individual to group (guild), from group to society in the framework of the state. Group solidarity, Hessen points out, is not mechanical, it arises not only from similar interests: groups “are bearers of a supra-individual task-idea which unites [...] by

⁶ См. также: (Загирняк, 2020а, с. 83; 2020б).

⁶ See also Zagirnyak (2020a, p. 83; 2020b).

ляются носителями некоторой сверхличной задачи-идеи, которая объединяет входящих в них лиц... общностью служения одной и той же объективной задаче, общностью выполнения одной и той же общественной функции» (Там же, с. 103). В продолжение этой мысли Гессен цитирует Анри (Хендрика) де Мана: «Солидарность в смысле общего классового интереса возникает в собрании, а не у станка на фабрике» и укрепляется через сознание общности социально-этической цели, через новое правовое чувство (Там же, с. 378).

Однако либерализм оказался неспособным принять именно этот объединяющий потенциал групповых задач для самосознания общественных групп и союзов, и в этом, по оценке Гессена, состоит ограниченность либерализма, даже в новых его формах. Из-за этого либерализм по-прежнему воспринимает личность как абсолютно автономную, вне солидарности, и такое «механическое воззрение на общество» является заблуждением, как заявляет Гессен, поддерживая мнение Л. Дюги и некоторых других критиков либерализма (Там же, с. 100).

Гессен подчеркивает, что гильдеизм допускает многообразие форм воплощения, которые со временем будут меняться (Там же, с. 228–230), и тем не менее он считает его уже первой формой правового социализма (Там же, с. 341). Контурами этого порядка оказываются «промышленная демократия» (Там же, с. 230), а точнее, формирование «автономных, не зависимых от государства союзов производителей, самоуправляющихся согласно своему собственному праву» (Там же, с. 237). Подобные гильдиям корпорации — это органические союзы. Государство при этом мыслится как координатор, чья роль состоит в том, чтобы регулировать и согласовывать союзные и общегосударственные отношения и правовые нормы⁷. Лично-

shared commitment to one and the same objective task, common performance of one and the same social function” (*ibid.*, p. 103). To bolster his argument, Hessen quotes Henri (Hendrik) de Man: “Solidarity in the sense of common class interest arises in a meeting and not in front of a machine tool at a factory” and is strengthened by the consciousness of a common socio-ethical goal, a new legal awareness” (*ibid.*, p. 378).

However, liberalism failed to take advantage of this particular unifying potential of group tasks for the self-consciousness of social groups and alliances, which, Hessen argues, shows the limitations of liberalism, even in its new forms. That is why liberalism still perceives the individual as absolutely autonomous, outside solidarity. This “mechanical view of society” is a delusion — this is what Hessen claims, supporting the views of Léon Duguit and some other critics of liberalism (*ibid.*, p. 100).

Hessen stresses that Guild Socialism may take various forms and may change over time (*ibid.*, pp. 228-230), and yet he considers it to be an early form of rule-of-law socialism (*ibid.*, p. 341). The outlines of this order are seen in “industrial democracy”, or rather, the formation of “autonomous unions of producers independent from the state, self-governing according to their own laws” (*ibid.*, p. 230, *cf.* p. 237). Guild-like corporations are organic unions. The state is a coordinator whose role consists in regulating and coordinating the relations between the unions and the state and legal norms.⁷ Individuals identify themselves not as representatives of society as a whole, but as members of “socio-cultural communities”. This is how Mikhail Zagirnyak (2020a, p. 85)

⁷ Идея социального права у Гессена предполагает, как указывает М. Ю. Загирняк, что «индивид может состоять одновременно во многих социальных общностях, чтобы максимально реализовать собственную свободу» (Загирняк, 2019, с. 125).

⁷ Hessen’s view of social law assumes that “the individual may simultaneously be a member of many social communities in order to exercise his freedom to the maximum” (see Zagirnyak, 2019, p. 125).

сти идентифицируют себя не как представители всего общества в целом, а как участники «социокультурных множеств» — так обобщает рассуждения Гессена М. Ю. Загирняк, добавляя, что это важно для преобразования различных моделей правопорядка (возникающих в этих множествах) в социальное единство⁸ (Загирняк, 2020а, с. 85; см.: Гессен, 2010д, с. 111, 230).

В соответствии с новой ролью союзов в государстве следует дополнить классическое законодательное общегражданское и партийное представительство отраслевым представительством⁹. В частности, следуя за Л. Дюги, Гессен видит решение этой задачи в двухпалатной системе парламента, в котором сочетаются палаты на основе «личного» и на основе «реального», или «функционального», представительства, поскольку единый парламент в целом оказывается во многих вопросах недостаточно компетентен (Власкин, Ермичев, 2004, с. 46; см.: Гессен, 2010д, с. 244). Это уже значительная трансформация классической идеи республики, сторонником которой был и Кант.

Для Гессена важны все те основы положения гражданина, которые выделяет Кант: свобода, равенство, самостоятельность (АА 08, S. 290; Кант, 2024в, с. 131). Однако у Гессена на первом месте стоят свобода и равенство, причем равен-

⁸ Что касается социального единения, то для него недостаточно одной солидарности, в дополнение к ней Гессен предлагал использовать понятие интеграции (см.: Загирняк, 2020а, с. 90).

⁹ А. Г. Власкин и А. А. Ермичев полагают, что Гессен выступает за замену классического разделения властей функционально-отраслевым разделением, в котором «экономические институты получают широкую автономию от государства и начинают теснить представительную демократию» (Власкин, Ермичев, 2004, с. 46). На мой взгляд, такая трактовка довольно радикальна и идея Гессена касается только законодательной власти. Однако подобные вопросы о границах гильдеизма вполне обоснованны. Союзы образуют «множество друг на друга накладывающихся и взаимно ограниченных социальных правопорядков» — так характеризует эту идею П. Г. Щедровицкий (Щедровицкий, 2024, с. 330). «Плюрализмом правопорядков» называет эту идею А. Валицкий (Валицкий, 2012, с. 524).

sums up Hessen's argument, adding that this is important for transforming various models of order (arising in these communities) into social unity⁸ (cf. Hessen, 2010d, pp. 111, 230).

In view of the new role of the unions within the state the classical civil legislation and party representation should be complemented by sectoral representation.⁹ Thus, following Duguit, Hessen sees a solution to this problem in the bicameral parliament in which the chambers are elected on a mixed "personal" and "real" or "functional" representation basis, while the united parliament is often not competent enough on many issues (Vlaskin and Ermichev, 2004, p. 46; cf. Hessen, 2010d, p. 244). This is a significant transformation of the classical idea of the republic which Kant supported.

Hessen agrees with the fundamental principles of civil rights singled out by Kant: freedom, equality, independence (*TP*, AA 08, p. 290; Kant, 1991, p. 74). But he puts first freedom and equality, equality of chances and not only rights; solidarity trails the first two. Independence, with Kant, first has a touch of meritocracy, which undermines equality, because of limited voting rights (*TP*, AA 08, pp. 291-292; Kant, 1991, p. 75). Second, according to Kant, independence includes

⁸ As for social unity, solidarity alone is not sufficient for it, so that Hessen proposed to complement it with the concept of integration (see Zagirnyak, 2020a, p. 90).

⁹ Andrey G. Vlaskin and Aleksandr A. Ermichev (2004 p. 47) believe that Hessen wants to see the classical separation of powers replaced by functional-sectoral division in which "economic institutions gain broad autonomy from the state and begin to make inroads on representative democracy". I think his interpretation goes a bit too far because Hessen has in mind only the legislative branch. That said, such questions about the limits of Guild Socialism are justified. Unions form "a multitude of social legal orders that criss-cross and mutually limit one another". This is Shchedrovitsky's assessment of the idea (Shchedrovitsky, 2024, p. 330). Walicki (1987, p. 436) calls it "the plurality of legal orders".

ство не только прав, но и шансов; за ними следует солидарность. Самостоятельность у Канта, во-первых, сохраняет некоторый налет меритократии, который подрывает равенство ввиду ограничений в избирательном праве (АА 08, S. 291–292; Кант, 2024в, с. 132–133). Во-вторых, самостоятельность включает, по Канту, «самозаконотворчество» как такое суждение индивидуального разума, в котором проявляется общечеловеческое единство разума. В этом аспекте кантовская идея самостоятельности коренится в идее Руссо об общей воле как голосе совести. Гессен отмечает этот момент преемственности между Руссо и Кантом в трактате «Основы педагогики» (Гессен, 1995, с. 70–71), высоко оценивая идею свободы как автономии, имеющуюся и у Руссо, и у Канта. Но сам Гессен не принимает ни ту, ни другую трактовку. Для него суть законодательства не столько в индивидуальной автономии, сколько в реализации групповой задачи-идеи и групповых интересов. В этом смысле в сравнении с Кантом у Гессена на место самостоятельности встает солидарность, точнее, она становится необходимой надстройкой над индивидуальным выбором при формировании голоса законодателя.

Гессен отводит государству роль арбитра, придающего борьбе классов правовую форму, и в этом он видит одновременно и «резкий отход нового либерализма от классического, и верность его основному мотиву последнего» (Гессен, 2010д, с. 93). Таким образом, парламент должен выступать инструментом достижения «равновесия классовых сил», но не «орудием... классового господства» (Там же, с. 316). В этом равновесии должна формироваться общая воля на пути «постепенных преобразований и реформы отдельных уже существующих учреждений» (Там же, с. 72, см. также с. 90).

Гессен полагает, что классический и новый либерализм объединяет понимание того, что общая воля — это не готовая данность при фор-

“self-legislation,” the judgment of individual reason in which the general human unity of reason is manifested. From that point of view the Kantian idea of independence has its roots in Rousseau’s idea of common will as the voice of conscience. Hessen notes this instance of continuity between Rousseau and Kant in his treatise on *Fundamentals of Pedagogy* as a judgment of individual reason (Hessen, 1995, pp. 70-71), praising the idea of freedom as autonomy which is found both in Rousseau and in Kant. Hessen accepts neither of the two interpretations. For him the essence of legislation is not so much individual autonomy as the implementation of the group task-idea and group interests. Unlike Kant, Hessen puts solidarity in place of independence, or rather, solidarity becomes a necessary superstructure on top of individual choice in forming the legislator’s vote.

Hessen (2010d, p. 93) assigns to the state the role of arbiter which gives legal form to the struggle between social classes, seeing this at once as “an abrupt turn of the new liberalism away from the classical variety and adherence to the latter’s leitmotif”. Thus, parliament must be an instrument of “balancing class forces” but not “a weapon of class dominance” (*ibid.*, p. 316). This balance should form the common will through “gradual transformations and reform of some existing institutions” (*ibid.*, pp. 72, 90).

Hessen notes that classical and new liberalisms share the view that common will is not a given in the forming of the parliament, but neither is it a fiction, being “an assignment of political action” as well as a “regulator, or method of ruling” (*ibid.*, p. 90). Common will is not a fact but a *process*; it is formed in search of a compromise between the interests of social groups (*ibid.*, pp. 90-91).

мировании парламента, но и не фикция, а «здание политического действия», а также «регулятив, или метод властвования» (Там же, с. 90). Общая воля — это не факт, но *процесс*; она формируется в поиске компромисса между интересами общественных групп (Там же, с. 90–91).

Кант не разрабатывал тему групповых интересов в связи с темой общей воли¹⁰. Он подчеркивал, что «общая воля» не равна «воле всех»¹¹ и что «объединение всех отдельных и частных волей в народе в одну общую волю» — это первоначальный договор, который по сути является идеей разума для суждения законодателя (AA 08, S. 297; Кант, 2024в, с. 139). Когда Гессен обсуждает идею общей воли, он ссылается на Руссо, поскольку тот был пионером в формулировке идеи совпадения общей воли «с естественными правами гражданина» (Гессен, 2010д, с. 90, примеч.). Гессен опирается на трактовку Г. Д. Гурвича, когда приводит тезис о том, что «господство общей воли было для него [Руссо], в сущности, не чем иным, как “суверенитетом права”» (Там же, с. 106, примеч.). Кантовскую рецепцию концепции общей воли Руссо Гессен тоже отмечает, но в специфическом этическом контексте (Гессен, 2010а, с. 718).

Таким образом, концепция республики у Канта и Гессена имеет существенные отличия. Еще сильнее отличаются «солидарность» Гессена и «самостоятельность» граждан у Канта. Истоком понятия общей воли у Гессена служит прежде всего философия Руссо, хотя общий смысл и процессуальный аспект идеи общей воли у Канта и Гессена близки.

¹⁰ В «Споре факультетов» есть страницы, на которых Кант рассуждает об интересах разных сословий: духовенства, дворянства, а кроме того, высшего чиновничества, врачей, юристов и философов (как представителей философского факультета), то есть групп, у которых есть, можно сказать, корпоративные интересы (см.: Зильбер, 2016, с. 41) или по крайней мере определенные общие устремления. Но Кант рассуждает об этом в связи с вопросом о свободе слова, научной критике и равенстве статуса факультетов университета (AA 07, S. 18–23; Кант, 2024г, с. 260–265).

¹¹ Кант не акцентировал эту тему, и Гессен пишет о ней со ссылкой именно на Руссо.

Kant did not work on the theme of group interests in connection with the theme of common will.¹⁰ He stressed that “common will” is not the same as “will of all”,¹¹ and that “a coalition of the wills of all private individuals in a nation to form a common, public will” is the original contract which is essentially ideas of reason to be judged by the law-maker (TP, AA 08, p. 297; Kant, 1991, p. 79). When Hessen discusses the idea of the common will he cites Rousseau because the latter was a trail-blazer in forming the idea that common will coincided with “the natural rights of the citizen” (Hessen, 2010d, p. 90). Hessen leans on the interpretation of Gurvitch, citing the thesis that “the dominance of the common will for Rousseau is essentially “the sovereignty of the right” (*ibid.*, p. 106). Hessen (2010a, p. 718), too, notes Kant’s reception of Rousseau’s concept of the common will, but he does so in a specifically ethical context.

Thus, there are essential differences in the way Kant and Hessen interpret the concept of the republic. Hessen’s “solidarity” and Kant’s “independence” of citizens stand still further apart. Hessen borrowed the concept of the common will primarily from Rousseau, even though Kant and Hessen have similar perceptions of the general meaning and the processual character of the idea of common will.

¹⁰ In *Dispute of Faculties* there are pages in which Kant reflects on the interests of various social estates: the clergy, the nobility and also top bureaucrats, doctors, lawyers and philosophers (as representatives of the philosophical faculty), i.e. groups which can be said to have corporate interests (see Zilber, 2016, p. 41) or at least certain common wishes. But Kant’s reflections are connected with the question of freedom of expression, academic criticism and equality of the status of university faculties (SF, AA 07, pp. 18–23; Kant, 1996b, pp. 247–251).

¹¹ Kant did not labour this theme, and Hessen writes about it citing Rousseau.

4. Философия хозяйства и принципы собственности

Согласно Гессену, хозяйственная миссия правового социализма состоит в противодействии монополистам ради сохранения честной конкуренции, а также в устранении крайних форм социального неравенства. К этому уже пришел новый либерализм: например, концепция «государства народного бюджета» Д. Ллойд-Джорджа предусматривала строительство социальных объектов и жилья для рабочих, установление гуманных условий труда, — одним словом, помощь нуждающимся. Таким образом, хотя и в пределах «известной черты», либерализм уже вмешивается во все сферы культурной жизни, и Гессен положительно оценивает подобную деятельность государства как минимум в социальной сфере (Там же, с. 86). Одновременно с этим он утверждает, что требуется большее, чем «помощь слабому»: изменение основ отношений собственности. При негативном понимании свободы в классическом либерализме для функционирования хозяйства достаточно было, чтобы собственником вещи стал тот, кто «в состоянии проявить максимум производительных сил, в данной вещи сокрытых» (Там же, с. 85). Но при монополизации вещь, по сути, изымается из конкуренции, «перестает быть максимально-производительной» (Там же), здесь частный интерес противоречит общему благу, и собственник обретает одностороннее господство над другими лицами, которые при этом теряют личную автономию (Там же, с. 77).

В классическом либерализме частная и общественная собственность противопоставлялись ввиду механического понимания общества как конкуренции по поводу частной собственности. Новый либерализм, по оценке Гессена, не смог освободиться «от следов механической концепции общества своего предшественника» в полной мере, поэтому признает в собственности только индивидуальный ее

4. Philosophy of Economy and the Principles of Property

Hessen (2010d, p. 85) maintained that the economic mission of rule-of-law socialism was to counteract monopolists in order to preserve honest competition and to eliminate extreme forms of social inequality. The new liberalism had already realised that: for example, the concept of “the people’s budget” put forward by David Lloyd George envisaged the building of social facilities and housing for the workers, provision of humane labour conditions, in short, assistance to the needy. Thus, “up to a point” liberalism was already interfering in all the spheres of cultural life, and Hessen gives a positive account of the state’s activity, at least in the social sphere (*ibid.*, p. 86). At the same time he claims that more needs to be done than “helping the weak”: what is needed is a change of property relations. According to the negative freedom interpretation in classical liberalism it is enough if the owner is “capable of extracting the maximum productive forces a thing can yield” (*ibid.*). But monopolisation effectively withdraws the thing from competition, the thing ceasing to yield maximum productivity (*ibid.*). Here the private interest contradicts the common good and the owner gains one-sided dominance over other people who lose their personal autonomy in the process (*ibid.*, p. 77).

In classical liberalism private and public property were seen as opposites owing to the mechanical view of society as competition over private property. The new liberalism, Hessen argues, failed to fully get rid “of the vestiges of the mechanical conception of society by its predecessor”, which is why it sees only the individual meaning of property (*ibid.*, p. 101). And this at a time when property, “remaining private is increasingly socialised, i.e. becomes

смысл (Там же, с. 101). И это в то время, как собственность, «оставаясь частной, все более и более социализуется, т.е. становится функцией хозяйственной жизни общества в целом» (Там же, с. 98). Хотя «собственность оправдана лишь как поприще личной свободы» (Там же, с. 77), обеспечение этой функции требует, по словам Гессена, ее правовой социализации (Там же, с. 102; см. также: Куликов, 2020, с. 112–113). Переход собственности к «коллективным личностям» (Гессен, 2010д, с. 102) не означает для Гессена ее огосударствления, поскольку заменить власть капиталистов на власть бюрократов — не лучшее решение (Там же, с. 229).

Кант выражает свои идеи по поводу принципов собственности в двух основных контекстах. Первый — это базовые принципы права на владение вещью и в особенности землей, что важно и для частных лиц, и для государств. На законодательном уровне решение вопросов собственности определяется общим принципом права, правовым постулатом практического разума и идеей общей воли. При этом, как поясняет К. Лангер, законодатель отказывается от критериев материальной справедливости в пользу идеи автономного баланса интересов вовлеченных сторон (Langer, 1986, S. 191). Второй контекст — это более частный (и подчиненный первому) вопрос о собственности, полученной по сословным привилегиям.

В кантовской концепции гражданского союза верховным собственником земли является суверен, согласно идее объединения частной собственности «под властью публичного всеобщего владельца» (AA 06, S. 323; Кант, 2014, с. 339). Главная функция этой идеи — распределить собственность не через агрегацию (эмпирический переход от частей к целому), а на основе «необходимого формального принципа *распределения*» (Ibid.; Там же). Это означает, что все доли не складываются, а как бы сливаются в общее целое, из которого затем каждый собственник получает свою долю. Вследствие

a function of the economic life of the whole society” (*ibid.*, p. 98). Although “property is justified only as the domain of personal freedom” (*ibid.*, p. 77), the performance of this function requires, according to Hessen, its legal socialisation (*ibid.*, p. 102; see also Kulikov, 2020, pp. 112-113). Transfer of ownership to “collective persons” (Hessen, 2010d, p. 102) does not mean nationalisation of property because replacing the power of capitalists by the power of bureaucrats is not the best of solutions (*ibid.*, p. 229).

There are two main contexts in which Kant sets forth his views on the principles of property. The first is the basic principles of the right to own a thing, especially land, which is important both for private individuals and for states. On the legislative level property issues are governed by the general principle of law, the legal postulates of practical reason and the idea of the common will. In this case, as Langer (1986, p. 191) explains, the legislator casts aside the criteria of material justice in favour of autonomous balance of the interests of the parties involved. The second context is more specific (and subordinate to the first), it is the question of property acquired as social privilege.

In the Kantian concept of the civil union the supreme owner of land is the sovereign in accordance with the idea of bringing private property “under a general public possessor” (MS RL, AA 06, p. 323; Kant, 1996c, p. 466). The main function of this idea is to distribute property not through aggregation (empirical transfer of parts to the whole), but on the basis of “the necessary formal principle of *division*” (*ibid.*). This means that all the shares are not added up, but merge, as it were, in a single whole from which every owner receives a share. Owing to this, state power which embodies the common will has the right to

этого государственная власть, воплощающая общую волю, вправе аннулировать права на владение, которое посчитает неправомерным, даже если оно возникло в результате первоначального приобретения. При этом у верховного распорядителя нет ничего своего для частного, то есть личного владения, но он повелевает народом, позволяя каждому распоряжаться своим (AA 06, S. 324; Кант, 2014, с. 341). В соответствии с этим принципом Кант утверждает, что передача земли корпорацией или сословием «последующим поколениям... в исключительное пользование» неправомерна; и такое пользование может быть отменено с выплатой возмещения (Ibid.; Там же). Сословные привилегии составляют пережиток феодализма и должны быть постепенно отменены. Это относится к собственности рыцарей-дворян и церкви (духовенства). Разъясняя этот вопрос, Кант ссылается на «общественное мнение» (AA 06, S. 325; Кант, 2014, с. 343). Прежде особое положение дворянства и духовенства одобрялось ввиду их особых заслуг перед обществом (государством и народом). В условиях, когда общественное мнение изменилось, следует провести реформу по отмене привилегий. К. Лангер поясняет, что под «общественным мнением» Кант в учении о публичном праве подразумевает волю народа, то есть общую волю (Langer, 1986, S. 174).

Собственно, уже и общественное мнение Средних веков, которое было согласно с привилегиями дворянства и духовенства, Лангер объявляет «ошибочным» (Ibid., S. 175). Однако Кант предостерегал: чрезмерная поспешность в реформах опасна, она может привести к разрушению государственного организма (AA 08, S. 373; Кант, 2024б, с. 195). Для тех случаев, когда есть отношения владения, противоречащие базовым принципам права, но имеющие долгую историю честного (для своего времени) приобретения, не обязательно и не нужно прекращать или менять все разом и немедленно (AA 08, S. 348; Кант, 2024б, с. 165, примеч.).

annul the ownership rights which it deems to be illegitimate, even if the right arose through initial purchase. The supreme commander has nothing in private, i.e. personal possession, but he rules the whole people, allowing each to dispose of what he owns (MS RL, AA 06, p. 324; Kant, 1996c, p. 466). In accordance with this principle Kant maintains that the transfer of land by a corporation or a social estate “to succeeding generations for their exclusive use” is illegitimate and such use may be cancelled with the payment of compensation (MS RL, AA 06, p. 324; Kant, 1996c, p. 467). Estate privileges are hangovers of feudalism and should be phased out. This applies to the property of noble knights and the church (clergy). Explaining this issue, Kant invokes “public opinion” (MS RL, AA 06, p. 325; Kant, 1996c, p. 467). Formerly, the special status of the nobility and the clergy was approved because of their special services to society (the state and the people). Now that public opinion has changed, privileges should be abolished. Langer (1986, p. 174) explains that by “public opinion” Kant in his teaching on public law means the will of the people, i.e. the common will.

Indeed, Langer declares “erroneous”, even Medieval, public opinion which agreed with the privileges of the nobility and the clergy (ibid., p. 175). However, Kant warned that premature reform was dangerous because it could lead to the collapse of the state organism (ZeF, AA 08, p. 373; Kant, 1996d, p. 341). In the case where relations of possession contradict the basic principles of law, but have a long history of acquisition (honest for its time), there is no need to terminate everything at once (ZeF, AA 08, p. 348n; Kant, 1996d, p. 321n). In such cases compliance with the principles of law can be postponed, pending the time when the change can happen without adverse

В таких случаях исполнение принципов права можно отсрочить до времени, когда перемена возможна без пагубных последствий. Однако важно, чтобы соответствующее мнение сложилось прежде всего у просвещенной общности, то есть у тех, кто по должности и компетентности способен возглавить процесс реформ и просвещения народа. Кант формулирует в связи с этим концепцию «дозволяющих законов», которая применима к собственности и государств, и людей: любой правовой порядок должен быть открыт для совершенствования, для дальнейшего продвижения к правовому идеалу легальными средствами (AA 08, S. 347; Кант, 2024б, с. 165; AA 06, S. 369; Кант, 2014, с. 467).

Кант в своих понятийных и мировоззренческих рамках едва ли мог прийти к идее, которую в полной мере разворачивает Гессен, — идее государственного регулирования собственности предпринимателей, или хозяйствующих субъектов, направленного на сохранение личной автономии и предотвращение рабской зависимости граждан как наемных работников. Эту идею Гессен формулирует с учетом тенденций развития капиталистической экономики. Он не указывает, какая собственность должна остаться вне сферы допустимого и необходимого антимонопольного регулирования, — это значит, что в принципе и при необходимости оно распространяется на всю собственность на средства производства и оказания услуг. Кроме того, Гессен поддерживает идею Ллойд-Джорджа о том, что создание и обслуживание объектов социального обеспечения — это миссия государства. У Канта предметом рассмотрения были базовые принципы регулирования отношений собственности, опираясь на которые он эксплицитно сформулировал указания по их применению в вопросе о собственности привилегированных сословий. Можно было бы остановиться на этом, предположив, что далее этого вопроса Кант идти не намерен и что Гессен посчитал бы указания Канта весьма ограни-

consequences. However, it is important that such an opinion is adopted first and foremost by the educated public, i.e. those whose status and competence equip them to lead the process of reform and enlightenment of the people. Kant formulates the concept of “permissive laws” applicable to property of the state and individuals alike: any legal order should be open to improvement, further advancement toward the legal ideal by legal means (ZeF, AA 08, p. 347; Kant, 1996d, p. 321; cf. MS RL, AA 06, p. 369; Kant, 1996c, p. 503).

In his conceptual and worldview frame of reference Kant could hardly have arrived at the idea which Hessen unfolds to the full, i.e. the idea of state regulation of the property of entrepreneurs, or economic entities aimed at safeguarding personal autonomy and preventing hired workers being treated as slaves. Hessen frames his idea taking due account of the trends in the development of the capitalist economy. He does not specify what kind of property should be exempt from allowable and necessary anti-monopoly regulation, which means that in principle and if necessary it applies to all ownership of means of production and services. Hessen supports Lloyd George’s idea that the creation and maintenance of social security facilities is the mission of the state. Kant focused on the basic principles of regulating property relations, proceeding from which he formulated directions of how they should be applied to the property of the privileged estates. One might stop there, assuming that Kant did not intend to go beyond this issue and that Hessen would have found Kant’s recommendations rather limited and remote from the principles of socialism, like his suggestions concerning measures to stimulate economic activity. I will discuss the possibilities of a broader interpretation of these principles in the final section.

ченными, далекими от принципов социализма, как и его предложения относительно мер стимулирования хозяйственной деятельности. К возможностям более широкой интерпретации этих принципов я вернусь в заключительном разделе.

Заключение

Проведенное сравнение показывает, что политический проект Гессена — правовой социализм — при детальном рассмотрении содержит, пожалуй, больше различий с идеями Канта, нежели сходств. Взгляды Канта и Гессена на историю культуры как прогресс схожи, но не связаны напрямую. Оба философа ценят право, но расходятся в балансе свободы / равенства и права / блага; понятие «солидарность» у Гессена контрастирует с кантовским понятием «самостоятельность». Общая воля — идеал для обоих философов, но Кант видит ее в принятии законов парламентом как собранием равных индивидов, а Гессен — в солидарности, сформированной от уровня общественных групп к уровню народа в целом. Кант требует равенства прав, Гессен — равенства шансов, обосновывая необходимость антимонопольного регулирования собственности ради сохранения автономии граждан.

Термин «либерализм» в ходе моего исследования встречается чаще, чем «социализм», поскольку фокус внимания был направлен преимущественно на трансформацию либерализма. Это обусловлено тем, что предметом сравнения были выбраны именно идеи Канта, который принадлежит к либеральной традиции политической мысли, далекой от социализма. Гессен, в свою очередь, несмотря на современные ему социалистические интерпретации кантовских идей в неокантианстве, составившие течение так называемого этического социализма, не обращался к этим интерпретациям. Кроме того, в журнальной версии цикл статей Гессена «Проблема правового социализ-

Conclusion

The foregoing comparison shows that Hessen's political project of rule-of-law socialism has more differences in Kant's ideas than similarities. Kant and Hessen's views on the history of culture as progress are similar, but not directly connected. Both philosophers value law, but differ on the balance of freedom/equality and right/good; Hessen's concept of "solidarity" contrasts with the Kantian concept of "independence". Common will is the ideal for both philosophers, but Kant sees it as the passing of laws by parliament as a gathering of equal individuals and Hessen as solidarity formed from the level of social groups to the level of the people of the state. Kant demands equality of rights, Hessen equality of chances, justifying the need for anti-monopoly regulation of property in order to preserve the autonomy of citizens.

In my study I use the term "liberalism" more frequently than the term "socialism" because I focus on the transformation of liberalism. This is because I have chosen as the subject of comparison the ideas of Kant who belongs to the liberal tradition of political thought, which is remote from socialism. For his part Hessen in spite of the socialist interpretations of Kantian ideas in his time in Neo-Kantianism, which formed a trend of ethical socialism, ignored these interpretations. Besides, the journal version of Hessen's articles "The Problem of Rule-of-Law Socialism" is subtitled "Evolution of Liberalism" although in the treatise, *Rule-of-Law State and Socialism*, the texts devoted to these ideologies are of approximately equal length.

As regards the desirable and allowable limits of interference in property matters in carrying out reforms, this is precisely the

ма» имеет подзаголовок «Эволюция либерализма», хотя в трактате «Правовое государство и социализм» тексты, посвященные этим идеологиям, приблизительно равны по объему.

Что же касается желательных и допустимых рамок вмешательства в отношения собственности при проведении реформ, то это как раз та проблема, которая обозначает границу между либерализмом и социализмом. У Гессена принципы регулирования отношений собственности — антимонопольные; в этом плане опорой для его выводов служит развитие передовых стран мира, хотя внимание он на этом не акцентирует. У Канта принципы регулирования собственности — антифеодалские, и выглядят они более сдержанно.

Как объясняет П. Гайер, теоретически государственное регулирование собственности, согласно кантовским принципам, не ограничивается преодолением принципов феодализма, которое было для Канта актуальным примером. Подобное регулирование вполне возможно и в других условиях, когда возникает дисбаланс в отношениях владения и занятия должностей. Дело в том, что отношение собственности, по Канту, — это отношение не между человеком и объектом, но между волями людей: другие уважают мою волю использовать некий объект и делают это свободно, без принуждения (Guyer, 2000, p. 248, 250). Ожидать свободного согласия можно только при условии минимальной взаимности или равенства в признании притязаний друг друга (Ibid., p. 256). Это не столько эмпирическое, сколько рациональное условие: законность притязаний на собственность зависит от рационального желания других разумных существ, и «воля других людей должна быть согласована априори... то есть посредством идеи единой воли», как писал сам Кант (AA 23, S. 308—309). Владение собственностью должно соответствовать разумным принципам, которые могли бы быть приняты всеми гражданами, или общей волей,

problem that marks the boundary between liberalism and socialism. Hessen's principles of regulating property relations have an anti-monopoly thrust, his conclusions based on the development of the world's advanced countries, although he does not stress this fact. Kant's principles of property regulation are anti-feudal and more reserved.

Paul Guyer explains that theoretically state regulation of property according to Kant's principles is not confined to overcoming the principles of feudalism, which was a relevant example for Kant. Such regulation is possible in other conditions as well whenever an imbalance with regard to ownership and tenure of official positions arises. The point is that for Kant the relation of property is a relation not between man and object, but between human wills: others respect my will to use an object and do so freely, without coercion (Guyer, 2000, pp. 248, 250). Free agreement calls for a reciprocity or equality of mutual claims (*ibid.*, p. 256). This is not so much an empirical as a rational condition: the legitimacy of claims to property hinges on the rational wish of other intelligent creatures and "the will of others must agree *a priori* [...] i.e., through the idea of the united will" as Kant himself wrote (VARL, AA 23, pp. 308-309; cited after Guyer, 2000, pp. 250-251). Property ownership should comply with reasonable principles all citizens, or the common will could accept, in line with the Kantian interpretation of the social contract. Any wealth can be used on condition that others would find it reasonable to agree to (Guyer, 2000, p. 258), and "the possibility of the rational consent of all to the distribution of property is a necessary condition of the existence of property at all" (*ibid.*). For the state it means "the duty to provide a certain level of opportunity to acquire property or equivalent means of support for the existence" (*ibid.*).

согласно кантовскому пониманию общественного договора. Любым богатством можно пользоваться «при таких условиях, при которых для других было бы разумно согласиться на это» (Guyer, 2000, p. 258), и возможность разумного согласия всех на распределение собственности «является необходимым условием существования собственности вообще» (Ibid.). Все это означает для государства обязанность предоставлять «определенный уровень возможностей для приобретения собственности или эквивалентных средств к существованию» (Ibid.).

Такая трактовка выглядит смелой; по сути же она объясняет применимость кантовских принципов к любым историческим условиям, а не только к эпохе классического либерализма. Эта трактовка всецело соответствует кантовскому обоснованию принципов владения, но по-прежнему вовсе не ведет к социализму, и в основе ее лежит либеральное представление о врожденном праве на свободу. С учетом этих базовых принципов наше понимание кантовского представления о последовательных реформах становится более полным, и у нас есть все основания признать, что оно ориентировано не только на краткосрочную, но и на длительную перспективу, причем не только в политико-правовом, но и в хозяйственно-правовом аспекте. Иными словами, если следовать объяснению Гайера, то принципы Канта можно считать более близкими к представлениям Гессена о регулировании хозяйственной жизни, но это по-прежнему не означает прямой преемственности в их идеях.

Насколько велико отличие «правового социализма» от идей Канта в аспекте «равенства шансов» — вопрос непростой. У Канта встречается значимый тезис с критикой «материального» принципа как стремления к «физическому благу» в политической стратегии. Это связано с тем, что аргументы о «счастье» народа и государства — инструмент патернализма и стратегии преследования политического могуще-

This seems to be a bold statement. Essentially, it claims that Kantian principles can be applied to any historical conditions and not only to the epoch of classical liberalism. This interpretation fully corresponds to the Kantian account of the principles of possession, but still does not lead to socialism, since it is underpinned by the liberal idea of inherent right to freedom. These bedrock principles enlarge our understanding of Kant's idea of consistent reforms and gives us ample ground for claiming that it is oriented not only toward the short-term but also to the long-term perspective, and not only in the political-legal, but also in the economic-legal respect. In other words, if we follow Guyer's explanation, Kant's principles draw closer to Hessen's idea of economic life regulation, but still it does not indicate direct continuity between their ideas.

How great is the difference of "rule-of-law socialism" from Kant's ideas of "equal chances" is not an easy question. Kant has a noteworthy thesis criticising the "material" principle of the quest of the "physical good" in political strategy. This is prompted by the fact that arguments about the "happiness" of the people and the state tend to be used as an instrument of paternalism and a strategy in pursuit of political power. Kant is invariably critical of such goals, criticism of eudemonism running through all his reasoning (addressed primarily to those who make decisions or are involved in this process or influence their implementation). Kant's advice is: rather than pursue happiness as a material good suffer some deprivation on the path toward virtue, and then in the end this path will lead to prosperity, although the path will be longer (Z_eF, AA 08, pp. 378-379; Kant, 1996d, p. 345). For Hessen paternalism is unacceptable because it violates the moral autonomy of the individual. In that sense Hessen's socialism is indeed "rule-of-law

ства. Такие цели в философии Канта — объект постоянной критики, поэтому критика эвдемонизма стала сквозной темой в его рассуждениях (адресованных в первую очередь тем, кто сам принимает решения, участвует в процессе их принятия либо оказывает влияние на их исполнение). Кант советует предпочесть скорейшей погоне за счастьем как материальным благом некоторые лишения на пути добродетели, и тогда этот путь в итоге приведет к процветанию, хотя будет более долгим (АА 08, S. 378–379; Кант, 2024б, 201–202). Для Гессена патернализм неприемлем, поскольку нарушает моральную автономию личности. В этом плане социализм Гессена именно «правовой» и близкий к принципам либерализма; тем более что концепция свободы личности — один из пунктов прямой рецепции идей Канта у Гессена, позволяющий с большей определенностью проследить эволюцию взглядов Гессена «от неокантианства к кантианству».

Статья подготовлена в рамках реализации проекта БФУ им. И. Канта «Над разломом: Россия и западный мир в русской философии».

Список литературы

Белов В. Н. «Неакадемический» неокантианец С. И. Гессен // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 89–103.

Валицкий А. Философия права русского либерализма. М. : Мысль, 2012.

Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 10–32.

Власкин А. Г., Ермичев А. А. Политическая философия С. И. Гессена // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 6, вып. 2. С. 42–48.

Гессен С. И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию. М. : Школа-пресс, 1995.

Гессен С. И. Лев Толстой как мыслитель // Избр. М. : РОССПЭН, 2010а. С. 711–739.

Гессен С. И. Мистика и метафизика // Избр. М. : РОССПЭН, 2010б. С. 409–443.

socialism” close to the principles of liberalism; all the more so since the concept of individual freedom is an instance of Hessen directly borrowing from Kant. This makes it possible to trace the evolution of Hessen’s views “from Neo-Kantianism to Kantianism” with greater certainty.

The article was prepared as a part of the IKBFU project “Above the Rift: Russia and the Western World in Russian Philosophy”.

References

Belov, V. N., 2020. “Non-academic” Neo-Kantian S. I. Hessen. In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Gessen [Sergey I. Hessen]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 89-103. (In Rus.)

Dierksmeier, C., 2009. Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff. In: H. Ottmann, ed. 2009. *Kants Lehre von Staat und Frieden*. Baden-Baden: Nomos, pp. 42-63.

Dmitrieva, N. A., 2025. Kant in Russia: Themes, Problems, Lacunas. *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 18(2), pp. 53-62. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-2-53-62>. (In Rus.)

Guyer, P., 2000. *Kant on Freedom, Law, and Happiness*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hessen, S., 1912. Mystik und Metaphysik. *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 2(1), pp. 92-113.

Hessen, S. I., 1995. *Osnovy pedagogiki: Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu [Fundamentals of Pedagogy: An Introduction to Applied Philosophy]*. Moscow: Shkola-press. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010a. Leo Tolstoy as a Thinker. In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 711-739. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010b. My Life Story In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 772-826. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010c. Political Freedom and Socialism. In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 529-564. (In Rus.)

Hessen, S. I., 2010d. State of Law and Socialism. In: S. I. Hessen, 2010. *Izbrannye trudy [Selected Works]*. Moscow: ROSSPEN. pp. 43-392. (In Rus.)

Гессен С.И. Мое жизнеописание // Избр. М. : РОССПЭН, 2010в. С. 772–826.

Гессен С.И. Политическая свобода и социализм // Избр. М. : РОССПЭН, 2010г. С. 529–564.

Гессен С.И. Правовое государство и социализм // Избр. М. : РОССПЭН, 2010д. С. 43–392.

Гессен С.И. Эммануил Кант. (К двухсотлетию со дня рождения — 24 апр. 1724 г.) / публ. и коммент. М.А. Колерова // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 160–171. doi: 10.5922/0207-6918-2024-2-6.

Дмитриева Н.А. Кант в России: темы, проблемы, лакуны // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18, № 2. С. 53–62. <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2025-18-2-53-62>.

Загирняк М.Ю. Диалектика Г.В.Ф. Гегеля в политической философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 30–36. <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/3>.

Загирняк М.Ю. Солидарность как инструмент институционализации свободы в философии С.И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 47. С. 121–128. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/13>.

Загирняк М.Ю. Г.Д. Гурвич и С.И. Гессен о возможности формирования социального единства // Кантовский сборник. 2020а. Т. 39, № 3. С. 72–96. <http://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-4>.

Загирняк М.Ю. Контекст формирования понятия солидарности в учении Сергея Гессена о социальном праве // Социология. 2020б. № 6. С. 226–231.

Загирняк М.Ю. Статус права в аксиологической модели социокультурного развития Гессена // Сергей Иосифович Гессен / под ред. В.В. Сапова, Т.Г. Щедриной. М. : Политическая энциклопедия, 2020в. С. 119–140.

Загирняк М.Ю. Социальная педагогика Пауля Наторпа в аксиологическом историзме Сергея Гессена // Вестник РУДН. Сер.: Философия. 2025. Т. 29. № 1. С. 119–132. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-119-132>.

Загирняк М.Ю., Дмитриева Н.А. Национальное образование в аксиологическом историзме С.И. Гессена. Гессен С.И. Славянские страны / публ. и примеч. М.Ю. Загирняка и Н.А. Дмитриевой; пер. с англ. А.В. Брюшинкиной // Вопросы философии. 2026. № 3. С. 80–103.

Hessen, S.I., 2024. Immanuel Kant. (On the Bicentenary of His Birth — 24 April 1724). Publication and Commentary by M. A. Kolerov. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 160-171. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-6>.

Kant, I., 1991. On the Common Saying: This May Be True in Theory, but It Does Not Apply in Practice. In: I. Kant, 1991. *Political Writings*. Edited by H. S. Reiss. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 61-63.

Kant, I., 1996b. The Conflict of the Faculties. In: I. Kant, 1996. *Religion and Rational Theology*. Translated by M. J. Gregor and R. Anchor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 233-328.

Kant, I., 1996c. The Metaphysics of Morals (1797). In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 365-603.

Kant, I., 1996d. Toward Perpetual Peace. A Philosophical Project (1795). In: I. Kant, 1996. *Practical philosophy*. Translated and edited by M. J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 317-351.

Kant, I., 1998a. *Critique of Pure Reason*. Edited by and Translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 1998b. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Translated and edited by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Edited by P. Guyer. Translated by P. Guyer and E. Matthews. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Aim. In: I. Kant, 2007. *Anthropology, History, and Education*. Edited by G. Zöller and R. B. Louden, translated by A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 107-120.

Kolerov, M. A., 2024. Russian Political Kant After Liberalism: Sergey Hessen on 1924 Kant Jubilee. *Kantian Journal*, 43(2), pp. 152-159. <https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-5>.

Kulikov, V. B., 2020. The Decline of Liberalism (Russian version by Sergei Hessen). In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergei Iosifovich Gessen [Sergey I. Hessen]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 104-118. (In Rus.)

Samojlov, D., 2012. Reception of the Moral Teaching of Emanuel Kant in the Works of Sergey Hessen. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1: Theology, Philosophy*, 39(1), pp. 43-57. (In Rus.)

Зильбер А. С. Насколько трансцендентальны Кантов принципы публичного права? // Кантовский сборник. 2016. № 1 (55). С. 34–51. <http://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-3>

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Московский философский фонд, 1997. Т. 3. С. 39–275.

Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2001. Т. 4. С. 68–833.

Кант И. Критика чистого разума. 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2. Ч. 1.

Кант И. Метафизика нравов. Часть первая. Метафизические первоначала учения о праве // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Канон+, 2014. Т. 5, ч. 1. С. 19–474.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024а. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 31–47.

Кант И. К вечному миру // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024б. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 159–211.

Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024в. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 114–158.

Кант И. Спор факультетов // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии : в 3 т. / под ред. Н. А. Дмитриевой (отв. ред.), А. Г. Жаворонкова, А. Н. Круглова, В. А. Чалого. Калининград : Изд-во БФУ, 2024г. Т. 2 : Соч. по философии политики / под ред. В. А. Чалого. С. 250–361.

Колеров М. А. Русский политический Кант после либерализма: С. И. Гессен о юбилее Канта в 1924 году // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 2. С. 152–159. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-2-5>

Куликов В. Б. Закат либерализма (русская версия Сергея Гессена) // Сергей Иосифович Гессен : сб. ст. / под ред. В. В. Сапова, Т. Г. Щедриной. М. : РОССПЭН, 2020. С. 104–118.

Solovyov, E. Y., 2005. *Kategoricheskiy imperativ npravstvennosti i prava* [The Categorical Imperative of Morality and Law]. M.: Progress-Traditsiya. (In Rus.)

Rickert, H., 1910. Vom Begriff der Philosophie. *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 1(1), pp. 1-34.

Shchedrovitsky, G. P., 2024. Sergey I. Hessen. 112 Essays on the Philosopher. In: *Filosof i metodolog Shchedrovitskiy Petr Georgievich* [Philosopher and Methodologist Peter G. Shchedrovitsky]. Published on 08.01.2024. Available at: https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/Gessen_Sergei_Iosifovich_ocherki_o_filosofe.pdf (accessed 15 May 2025). (In Rus.)

Langer, C., 1986. *Reform nach Prinzipien: Untersuchungen zur politischen Theorie Immanuel Kants*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Sanchez-Madrid, N., 2025. *Kant on Social Suffering*. Cambridge: Cambridge University Press.

Vlaskin, A. G. and Ermichev, A. A., 2004. The Political Philosophy of S. I. Hessen. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 6*, 2, pp. 42-48. (In Rus.)

Walicki, A., 1987. *The Legal Philosophies of Russian Liberalism*. New York: Clarendon Press of Oxford University Press.

Walicki, A., 2020. Sergey Hessen: Philosopher in Exile. In: V. V. Sapov and T. G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Gessen* [Sergey I. Hessen]. Moscow: ROSSPEN, pp. 10-32. (In Rus.)

Zagirnyak, M. J., 2017. Hegel's Dialectic in Political Philosophy of Sergius Hessen. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 37, pp. 30-36. <https://doi.org/10.17223/1998863X/37/3>. (In Rus.)

Zagirnyak, M. J., 2019. Solidarity as an Instrument of the Institutionalization of Freedom in Sergius Hessen's Philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 47, pp. 121-128. <https://doi.org/10.17223/1998863X/47/13>. (In Rus.)

Zagirnyak, M. Yu., 2020a. Georges Gurvitch and Sergey Hessen on the Possibility of Forming Social Unity. *Kantian Journal*, 39(3), pp. 72-96. <http://doi.org/10.5922/0207-6918-2020-3-4>.

Zagirnyak, M. Yu., 2020b. The Context of the Formation of the Concept of Solidarity in the Sergius Hessen's Conception of Social Law. *Sociology*, 6, pp. 226-231. (In Rus.)

Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. С. 15–42.

Самойлов Д. Рецепция морального учения И. Канта в сочинениях С. И. Гессена // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. № 1 (39). С. 43–57.

Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М. : Прогресс-Традиция, 2005.

Щедровицкий Г.П. Гессен Сергей Иосифович. 112 очерков о философе // Философ и методолог Щедровицкий Петр Георгиевич [08.01.2024]. URL: https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/Gessen_Sergei_Iosifovich_ocherki_o_filosofe.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

Dierksmeier C. Zur systematischen Liberalität von Kants Politik- und Staatsbegriff // Kants Lehre von Staat und Frieden / hrsg. von H. Ottmann. Baden-Baden : Nomos, 2009. S. 42–63.

Guyer P. Kant on Freedom, Law, and Happiness. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

Langer C. Reform nach Prinzipien: Untersuchungen zur politischen Theorie Immanuel Kants. Stuttgart : Klett-Cotta, 1986.

Sanchez-Madrid N. Kant on Social Suffering. Cambridge : Cambridge University Press, 2025.

Об авторе

Андрей Сергеевич Зильбер — кандидат философских наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: azilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

Для цитирования:

Зильбер А.С. Правовые ориентиры государственных реформ: кантовские мотивы в философии С.И. Гессена // Кантовский сборник. 2026. Т. 45, № 1. С. 97–129.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-5>

© Зильбер А. С., 2026.

Zagirnyak, M. Yu., 2020c, The Status of Law in the Axiological Model of Socio-Cultural Development of Hessen. In: V.V. Sapov and T.G. Shchedrina, eds. 2020. *Sergey Iosifovich Gessen [Sergey I. Hessen]*. Moscow: ROSSPEN, pp. 119-140. (In Rus.)

Zagirnyak, M. Yu., 2025. Paul Natorp's Social Pedagogy in Sergey Hessen's Axiological Historism. *RUDN Journal of Philosophy*. 29(1), pp. 119-132. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2025-29-1-119-132>. (In Rus.)

Zagirnyak, M. Yu. and Dmitrieva, N. A., 2026. National Education in Sergey Hessen's Axiological Historism. *Voprosy filosofii*, 3, pp. 80-103. (In Rus.)

Zilber, A. S., 2016. How Transcendental Are Kant's Principles of Public Law? *Kantian Journal*, 1(55), pp. 34-51. <https://doi.org/10.5922/0207-6918-2016-1-3>. (In Rus.)

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Dr Andrey S. Zilber, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia.

E-mail: azilber@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8317-4086>

To cite this article:

Zilber, A. S., 2026. Legal Aspects of State Reform: Kantian Motives in the Philosophy of Sergey Hessen. *Kantian Journal*, 45(1), pp. 97-129.

<https://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2026-1-5>

© Zilber A. S., 2026.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Научное издание

**КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL**

2026

45

**Том
№ 1**

Перевод с рус. на англ. *Е.Н. Филиппов*
Перевод с англ. на рус. *А. В. Брюшинкина*
Редактор *Д.А. Малеваная*
Выпускающий редактор *И.О. Дементьев*
Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from Russian by *E.N. Filippov*
Translated from English by *A. V. Bryushinkina*
Copy-edited by *D.A. Malevanaya*
Publishing editor *I.O. Dementev*
Layout by *A. V. Ivanov*

Подписано в печать 07.07.2026 г.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,7
Тираж 31 экз. Заказ 64
Свободная цена

Sent to the printers on July 07, 2026
Size 84×108 ¹/₁₆. 13,7 sheets
31 copies. Order 64
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia